

STORY

апрель '16
№ 4 (90)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Михаил Ефремов: «Из-за денег вписываешься во всё»



Михаил Ефремов

«Есть дети-мажоры, а я с детства – форс-мажор»

Сергей Параджанов
*Тот, кто отомстил
миру любовью*

Екатерина Татаринова
*Придворная дама,
икона для хлыстов*

Евгений Габрилович
*Формула счастья,
где измена – просто дым*



16+

МОСКВА | САНКТ-ПЕТЕРБУРГ | ВОЛГОГРАД | ЕКАТЕРИНБУРГ | КАЗАНЬ | ИРКУТСК
ПЕРМЬ | УФА | НИЖНИЙ НОВГОРОД | РОСТОВ-НА-ДОНУ | ТОМЬ | ЧЕЛЫБИНСК | ОМСК

**ПОКУПАЙТЕ ОНЛАЙН, ДИСТАНЦИОННЫЕ ПРОДАЖИ: ООО «ПРИВАТ ТРЕЙД», МОСКВА, УЛ. САМОНАТНАЯ, 1/21, ОГРН 1087746740397
РЕКЛАМА, ЗАО «ФИРМА «АНТА» – СЕТЬ ОРИГИНАЛЬНЫХ МАГАЗИНОВ CARLO PAZOLINI. *ШИКАРНАЯ ОБУВЬ И АКСЕССУАРЫ



CARLO PAZOLINI

FINE SHOES & ACCESSORIES*

CARLO PAZOLINI В РОССИИ
- 8 (800) 700 2024 -

SHOP ONLINE**
— www.carlopaolini.com —

О похвале

Растяжка у него была широкой и щедрой, как у балерины Волочковой, ну, или у раскинувшего клешни краба на прилавке супермаркета. Развёрнутые в поперечном полушпагате конечности нарушали суверенитет одновременно всех соседей в вагоне метро. Соседи были недовольны потерей суверенитета, но молчали. Застенчиво прижимали свои колени друг к другу и ждали, что будет дальше.

Дальше вошла пожилая дама. Единственный из сидящих, кто ощутимо был моложе её, – любитель поперечного шпагата. Дама застыла над ним. Но любитель шпагата не замечал её в упор. Его взгляд сосредоточился вглубь себя, ноги разъезжались всё шире и дальше. Кто знает, может, он готовился спасти человечество, мысленно тренируясь удерживать ногами расплозавшиеся в результате третьей мировой материи? Почему-то всегда хочется верить в гуманистическую подоплёку человеческого поведения, принимая хамство за волю и целеустремлённость, а явную глупость – за непосредственность.

Но пассажиры как на подбор были из тех, кто не хотел верить в гуманизм и дело мира. Раздалось несмелое: «Молодой человек, да уступите же, в конце концов, женщине место!» Но молодой человек вытащил из-за пазухи блокнот с ручкой и принялся рисовать. Три станции он вдохновенно выводил что-то в блокноте. Пожилую даму смешила молодая, но беременная, беременную – старик, дышащий, как любят острить немногочисленные его ровесники, на ладан. А молодой человек, застыв в позе краба, упоённо рисовал.

Моя кузина, учитель не только в школе, но и по призванию, не оставляющему её даже под

землёй, подтащив меня к художнику, нависла над ним и стала демонстративно рассматривать рисунок. Обычно такими каляками-маляками выражают себя её первоклассники.

– Какая экспрессия! Какая энергичная линия! Обрати внимание, – это она мне, – ни много ни мало Пикассо. Точно. Перед нами – реинкарнация Пикассо. Молодой человек, вы учились в Суриковском или в Строгановке?

– Чё?


– Так вы нигде не учились? Вы самородок?!

От внезапно обрушившегося восхищения самородок собрал ноги вместе и стал расти вверх, освобождая место скукожившимся по бокам соседям.

– Не могли бы подарить мне свой рисунок? Вы ж себе таких сколько угодно ещё нарисуете. А я покажу специалистам. Запишите мой номер, – кузина в произвольном порядке стала называть цифры.

– Садитесь! Вот! – подскочил внезапно Пикассо, прижимая к груди блокнот с гениальным рисунком и телефонным номером, открывающим дорогу в новую жизнь.

И кто сказал, что человеку нужна и полезна критика? Нет, восхищение, только восхищение, одно лишь восхищение заставляет нас выпрямлять ноги, подтягивать живот, расправлять плечи, поднимать голову, причём не только в метро.



**Главный редактор
Елена Кузьменко**

STORY

Главный редактор

Елена Кузьменко

Главный художник Инга Мачан

Зам. главного редактора Майя Чаплыгина

Редактор Наталья Смирнова

Фоторедактор Светлана Навроцкая

Корректор Наталья Камышанская

Секретарь редакции Мария Дембицкая

Над номером работали

Марина Бойкова, Наталья Горбунова, Лилия Гущина, Евгений Додолев, Максим Кантор, Екатерина Корнеева, Ирина Кравченко, Александр Никонов, Илья Носырев, Инна Садовская, Александр Шабуров

Издатель Елена Каякина

Распространение

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран

Маркетинг Марина Цховребова

PR Ольга Егорова

Производство Александр Бутузов

Препресс Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3
тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэззин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель), Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Алина Топорнина

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия в 2013 г., свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269 от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»
Распространяется по всей территории России
Тираж 221 500 экз. Цена свободная
Выход в свет 23.03.2016 года

Фото на обложке:

Иван Нуринной / FOTODOM

Редакция журнала не несёт ответственности за содержание рекламных материалов. Любое воспроизведение материалов и их фрагментов возможно только с письменного разрешения ООО «Стори мэгэззин». Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц. Апрель

В этом месяце Анна Керн попрощалась с репутацией «гения чистой красоты», принца Уильяма едва не подвело обручальное кольцо, город Петроград навестила «шведская» семья, чтоб там навеки поселиться, а пуля, пущенная в царя, превратила картузника в потомственного дворянина

10 Однажды...

Ефим Шифрин заплакал на Колыме, а Наталья Бестемьянова никак не могла решиться пойти танцевать

14 Толковый словарь... Евгения Евтушенко

18 Между прочим. Татьяна Устинова

Большой праздник

20 Жизнь удалась. Валерий Попов

Надежда

22 Линия отрыва. Вера Павлова

О братьях наших наименьших

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

24 Отпечатки. Отец-героин

Кто такой Михаил Ефремов? Лицедей без лица? Персонаж из романов Пелевина? Господин хороший? Или герой безгеройного времени?

42 Обстоятельства жизни. Кулаком в живот

Разные бывают способы целительства. Александр Огулов, к примеру, лечит людей кулаками. Метод суров, не совсем гуманен, а народная тропа к доктору почему-то не зарастает

50 Чудные люди. В дороге

Жил-был американец, бродяга и хиппи. Полмира проехал, меняя профессии, как перчатки, а потом посоветовался со своим продолговатым мозгом... да и остался в России. И чем же он тут занимается?

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

56 Мой... Чехов

Отчего Виктория Токарева не любит актрису Ольгу Книппер-Чехову? Потому что по уши влюблена в её мужа. А что именно она в нём так любит?

64 Версия. Пляска Святого Духа

Поистине нет такой глупости, в которую не мог бы уверовать настоящий рафинированный интеллигент. История хлыстовства – тому подтверждение. Среди его приверженцев были, можно сказать, лучшие умы, а туда же...

74 История живописи. Характер нордический, хрупкий

Эдвард Мунк выглядел скучным чиновником: жилетка, галстук, котелок, белоснежная накрахмаленная рубашка. Но жил куда интересней – к примеру, мог скомкать неудавшуюся картину и вышвырнуть через окно в сугроб. Как, спрашивается, уживалось в человеке такое беиенство с такой меланхолией?

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

88 Неформат. Белая стена

О том, как Сергей Параджанов обнимался с Софи Лорен, за что и был переведён из дворников в пожарку

98 Семейные тайны. Единственная любовь

Писатель Евгений Габрилович любил полежать и помечтать, а жена скидывала его с дивана и знала работать. Он и сценаристом-то стал по её воле. Они были полными антиподами, а прожили вместе долгую жизнь, о которой даже очень достоверный фильм сняли. И какой фильм?

110 Роман с продолжением. Азарт

Главы, в которой герой романа узнаёт, как неприятно звучит по-голландски «доброе утро» и что спасение приходит, как любовь, – когда не ждёшь

◎ ГЛАВА 5. Люди и вещи

118 Викторианский период. Виктория Токарева

Путевые заметки

122 Вещь. Вооружён и очень опасен

Какие перемены посулил нам в следующем десятилетии Анатолий Вассерман и для чего собрал такую обширную коллекцию оружия

130 Путешествие. Перезагрузка

О том, как певица Ирина Богусевская спустилась во тьму, чтоб воспарить к звёздам

136 Угощение. Бутерброд по-королевски

Когда Элвис Пресли купил белокаменный дом на шести гектарах земли, он чем его обставил? Автоматами с ванильным и шоколадным мороженым, газировкой и попкорном. Так любил автматы? Нет, скорее – поест

140 Гороскоп. Один против всех

Премьер-министр Пётр Столыпин пережил десять покушений на свою жизнь, да так и не начал трусить – мог в одиночку выйти и к разбушевавшейся толпе, и к разгневанному императору. Ибо с личным мужеством у Овнов, как правило, проблем нет

144 Библиотека. Архивности



НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ



Все грани совершенства!

от 14 000 ₽

ВПЕРВЫЕ ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ В БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКЕ!

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ
АТИКУЛ: 0396, КОРПУС: СЕРЕБРО 925°, ВСТАВКА: ФИАНИТЫ, МЕХАНИЗМ: RONDA, ШВЕЙЦАРИЯ

8 800 444 777 3

www.nikawatches.ru

Переписка

Доброе братство дороже богатства

Здравствуйте, уважаемая редакция! В январском номере меня очень взволновал и растрогал материал о Дмитрие Бертмане. Я не коллекционер, но в моём пространстве не бывает случайных и ненужных вещей: всё на своём месте, всё с историей и даже в какой-то степени с душой. В моей жизни было одно предательство: когда я была ещё юной, продала часы фирмы «Мозер», подаренные мне папой (хоть и с его согласия). Ради того, чтобы купить немецкий мебельный гарнитур... У часов был скромный, но очень достойный вид, красивый бой и папина пунктуальность... Прошло двадцать с лишним лет, а я частенько о них сожалею. Мой папа увлекается старинными часами. К нему обращаются многие любители и коллекционеры часов. И папа после своей трудной работы (он судебно-медицинский эксперт) остаётся один на один с любимыми механизмами. И чем труднее задача, тем больше он увлекается. Это – папино хобби, его «тайная территория». Он возродил столько старинных механизмов и корпусов, на которых многие ставили крест! От стальных ходиков с кукушкой до монументальных напольных. Последняя его работа – часы XIX века «Филезия»



Приз за лучшее письмо – парфюм для дома (Phaedon Paris) – вручается Олесе Семенько немецкой фирмы «Густав Беккер». Они не шли 25 или 30 лет! А сейчас их хозяин радуется, благодарит папу: «Я теперь, как пацан, звоню своим родственникам и даю в телефонную трубку послушать, как красиво бьют любимые часы из моего детства!» А рассказываю я это, чтобы автор материала передала Дмитрию Бертману, что есть такой вот мастер, который может починить его старинные часы из «Пиковой дамы». Папа мой такой скромный, что сам о себе не напишет... И об этом моём письме папа не знает. Проживает он в Омске (думаю, в XXI веке технические вопросы знакомства и встречи мастера с механизмом можно решить). И денег за свою помощь ни с кого не берёт. Просто делает любимое дело.

Олеса Семенько

Отвечает ДМИТРИЙ БЕРТМАН

Олеса, я бы хотел пригласить вашего замечательного папу в «Геликон-оперу». И, конечно, было бы здорово показать ему часы. Вдруг он их оживит и у них будет новая жизнь! Такие вещи – это как бы консервы, где хранится время. Вот их точно стоит держать. В отличие от других вещей, которые не надо бояться отпускать, потому что в противном случае... Объясню. Совсем недавно сделал вдруг открытие: есть вещи, которые вытесняют хозяина из дома. Скажем, у меня сложные отношения с чемоданами. Я же много езжу. А из-за границы много всего везу: что-то в дом, что-то для театра. Вот и приходится зачастую покупать новый чемодан, потому что в имеющиеся под рукой всё не помещается. И эти чемоданы потихоньку начинают меня из дома выживать... От них в доме хаос! И совсем другое дело – да те же часы старинные. Или кошки! Кошек у меня целый шкаф, они «размножаются» со страшной силой. Один подарил, другой подхватил, а остальные решили, что я их собираю. Я периодически взываю к друзьям: «Умоляю, не покупайте, их некуда ставить!» Но даже при явном переизбытке такие предметы создают то, для чего и нужны вещи, – «дух дома». ☺

Уважаемые читатели!

ТЕПЕРЬ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА STORY, В РАЗДЕЛЕ «МАГАЗИН»,
ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ:

Максим Кантор «Полное собрание баллад о Робин Гуде», подарочное издание с иллюстрациями

Екатерина Маркова «Каприз фаворита», психологическая проза
Дмитрий Лиханов «Жанры жизни», очерки и расследования

Кроме того, вы можете подписаться на книги, готовящиеся к выходу:

Иракий Квирикадзе «Мальчик, идущий за дикой уткой»

Максим Кантор «Чертополох»

Подробнее на сайте: www.story.ru

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА



*В которой роковая Инесса Арманд
подвигла Ленина создать жанр советского
семейного треугольника **с.6***

.....
*а пострадал от этого ноу-хау поэт
Евгений Евтушенко, причём
нещадно и много раз **с.14***

Апрель

4 АПРЕЛЯ 1866 Картузник Осип Комиссаров спас Александра II

Император мирно прогуливался по Летнему саду с герцогом Николаем Лейхтенбергским и его сестрой, принцессой Марией Баденской. Осип Комиссаров глазел на них из толпы зевак: в тот день у него были именины, ему было всего-то двадцать восемь, а он уже служил подмастерьем у модного шляпника, имел молодую жену и новорождённую дочь.

Но тут Дмитрий Каракозов поднял пистолет, Осип толкнул террориста, пуля просвистела у царя над головой и за секунду изменила жизнь и судьбу костромского крестьянина. Вечером в Зимнем дворце уже ни разу не простой мужик, но потомственный дворянин Иосиф Комиссаров-Костромской в платье от лучшего петербургского портного лобызался с императором, пока императрица собственноручно вдевала бриллиантовые серьги в уши его жены в наряде настоящей боярыни. А по Владимирскому тракту мчалась почтовая тройка, в которой по высочайшему указу из красноярской ссылки досрочно возвращался батюшка героя, вор и конокрад Ванька Комиссаров.

Страна ликовала ещё месяц. По всем театрам государства Российского давали оперу Глинки «Жизнь за царя», и спектакли шли вдвое дольше обычного, потому как то и дело прерывались хоровым исполнением гимна «Боже, царя храни!». Государева спасителя окрестили новым Сусаниным, Монетный двор отчеканил золотую ме-



даль с профилем Осипа, отовсюду к подаренному Комиссарову особняку тянулись возы с подношениями и пожертвованиями, дворники в массовом порядке носили по улицам на шестах комиссаровский портрет, а народ крестился и кланялся спасителю. Ошалевший Осип не просыхал и начал заикаться.

Через год в Александра II стреляли ещё раз, а потом покушались снова и снова, и не толь-

ко на него: теракты сделались любимым развлечением русской молодёжи.

Про Осипа Комиссарова напрочь забыли, и он то ли сгорел от пьянства, то ли повесился с тоски.

«Публика валит в театры, чтобы только посмотреть на него, как он сидит рядом с царской ложей, завитой, веснушчатый, испуганный».

[К. Чуковский
об О. Комиссарове]

16 АПРЕЛЯ 1917 Петроградцы приветствовали «шведскую семью»

В революционную столицу Ульяновых доставили в отдельном купе plombированного

в нестандартную ячейку в 1911 году, после того как Владимир Ильич решительно пресёк благородный порыв законной жены уступить место сопернице, объяснив, что для полноценного функционирования в роли



вагона. Глава семейства сразу включился в классовую борьбу, произнеся со ступеньки поезда свою историческую речь, которую позднее ради монументальности перенесут на скользкий люк броневика. В тамбуре за его спиной маячили фигурки двух его верных подруг и соратниц: Надежды Константиновны Крупской и Инессы Фёдоровны Арманд.

Классический любовный треугольник трансформировался

вождя ему нужны рядом обе любимые женщины.

Так бы они и жили, в мире и согласии, когда б не внезапное превращение лидеров маленькой партии в глав огромного государства. Оно запустило стремительный процесс прижизненной канонизации, исключавшей наличие у святых нового образца не только любовниц, но и вообще какой-либо интимной жизни. Тройственный союз распался.

Но любовь никуда не делась: В.И. Ленин без своей второй (или, точнее, третьей половины) скучал. А скоропостижный маразм, который загнал её несгибаемого мужа сначала в Горки и следом в гроб, Надежда Константиновна напрямую связывала с потрясением от смерти в 1920 году Инессы Арманд. Такие вот бахчисарайские фонтаны... Крупская даже хлопотала перед ВЦИК о совместном захоронении любовников, чтобы лежали они рядышком – хоть в Кремлёвской стене, хоть в Мавзолее, словно Пётр и Феврония, словно Тристан и Изольда, словно Сцилла с Харибдою, глядя задумчиво в небо широкое. Сталин отказал и ещё пригрозил лишить товарища Крупскую хлебного статуса вдовы вождя, если товарищ Крупская не уймётся и не прекратит наводить тень на плетень, пороча священную репутацию.

«Ильич набрасывал конспекты своих речей и статей, я изучала по Туссену итальянский язык, Инесса шила какую-то юбку».

[Из воспоминаний
Н.К. Крупской]

29 АПРЕЛЯ 2011 Принц Уильям ошибся с размером

Два миллиарда землян замерли, когда обручальное кольцо забуксовало на неаристократической фаланге пальца невесты. На Руси в таких случаях на лбу жениха выступала испарина, новобрачная бледнела, а толпа вздрагивала и суеверно крестилась. Но британский принц, поднатужившись, протиснул на положенное место золотой обруч, а британская Золушка ни на миллиметр не обрезала свою ангельскую улыбку.

Она права. Какие дурные приметы? Тьфу на них. У её свекрови перед свадьбой развалилась фамильная диадема, пропал букет, а на самой церемонии шлейф зацепился за под-

свечник, и ничего – прожила со своим супругом практически копейка в копейку 69 лет и пока не собирается умирать ни дуэтом, ни вразной. А вот церемония бракосочетания родителей Уильяма прошла идеально, без сучка без задоринки, если не считать милого ляпа: давая клятву верности у алтаря, разволновавшаяся Диана перепутала имя своего жениха и назвала его Филиппом Чарльзом, а не Чарльзом Филиппом. Ну и каков итог? То-то и оно.

Да и при чём тут тесные кольца, когда революция, о которой так долго твердил Шарль Перро, совершилась: самая снобистская и ортодоксальная из европейских монархий окончательно и бесповоротно признала любовь основанием для королевского брака. Члены венценосной семьи и раньше иногда влюблялись в абы кого и даже на этих абы ком женились. Но



такие поступки расценивались как проступки, виновных лишали короны или десерта за ужином, а не раскошеливались на шоу стоимостью в 60 миллионов нерушимых и непоколебимых фунтов стерлингов. Континентальная монархия на полвека раньше смирилась с глобальной демократизацией, и на престолах Испании, Швеции, Голландии уже сидят или вот-вот сядут бывшие продавщицы, официантки и барменши

с бейджами вместо фамильных гербов.

Островная же монархия продолжала высокомерно кривиться. Но капля камень точит. Последней из капель была Давина Виндзор, кузина королевы, вышедшая замуж за аборигена Новой Зеландии. После чего чистокровная англичанка Кейт Миддлтон показалась не такой уж и дурной партией для наследника престола.

«В нашей семье импульсивная молодёжь восстаёт против ценностей старшего поколения. Как и во всех нормальных семьях».

[Елизавета II]

АПРЕЛЬ 1899 Пражский студент Рене Карл Вильгельм поменял имя

Теперь под частными бумагами он начал подписываться как Райнер, под официальными – как Райнер Мария Рильке. Новое имя ему подсказала его возлюбленная Лу Андреас-Саломе, для своих – Лёля, дочь русского дворянина, философ, писатель, психотерапевт. Лёля принадлежала к той редкой породе женщин, которые ничего особенного не совершили – не родили гения, не создали никаких шедевров, не правили державой, не болтались по контрразведкам и явочным квартирам, не потрясали публику ни колоратурой, ни танцем живота – в общем, не имели никаких веских оснований входить в историю и, тем не менее, входили. В основном благодаря мужчинам, которые после встречи с ними вдруг принимались писать гениальные картины, стихи, музыку или баллотироваться в президенты. Другими словами, Лу Саломе была фатальной женщиной чистой воды, которая, в отличие от роковой, не корёжит мужскую жизнь, но меняет, и очень круто: внутри жизни образуется судьба.



Завтрашнему великому лирику повезло больше, чем Фридриху Ницше и Зигмунду Фрейдю. Эти глыбы, эти, если не сказать – матёрые человечиса, несмотря на упорство и славу, были вынуждены довольствоваться дружбой с фрау Саломе. Как и Карл Андреас, который в течение полувека, пока смерть не разлучила их, доводился Лёле законным и заботливым мужем. Но не любовником. Может, потому, что судьбы всех троих кристаллизовались до знакомства с ней и им нечего было взять от Лу.

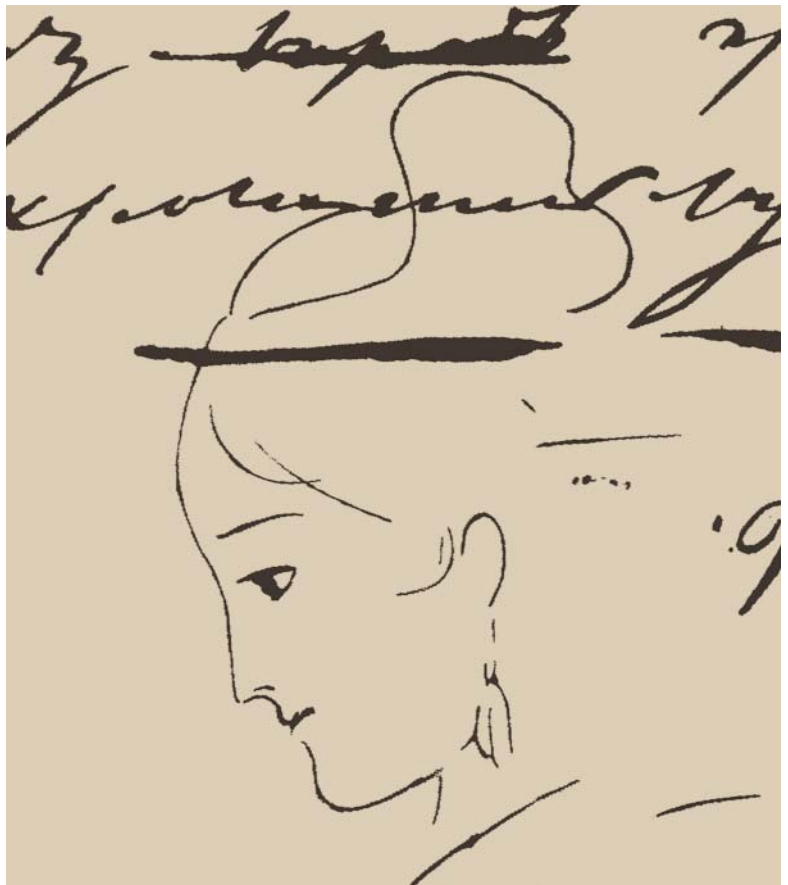
В придачу к благосклонности и имени (в нём и рай со зми-ем, и Рейн с Лорелейей) Саломе подарила Рене Карлу Россию, подгадав поездку под православную Пасху, потому что «почувствовать её можно только в России, которая и есть сама Пасха, – в ней не живут, в ней либо гибнут, либо воскресают, без промежутков». И вновь, как и с именем, оказалась права: уехал стихотворец и мальчишка – вернулся поэт и мужчина.

«Без этой женщицы я никогда б не нашёл собственного пути. А Россия сделала из меня того, кто я есть, там все мои глубинные истоки находятся».

[Райнер Мария Рильке]

28 АПРЕЛЯ 1839 Анна Керн родила бастарда

И не от кого-нибудь, а от собственного кузена, которого Анна Петровна навещала в кадетском корпусе по просьбе его матушки, никак не ожидавшей такого коварства от замужней взрослой генеральши. Не то чтобы в ту пору женщины рожали исключительно от мужей. Всякое бывало, и ещё как бывало! Каждый четвёртый петербургский младенец, одногодок Сашеньки (мальчика назвали в честь юного отца), был «плодом греховной любви». А скорее всего, каждый третий, если учли б и тех, чьи матери, дамы



из общества, помнили заповедь: «Свет не карает заблуждений, но тайны требует для них» – и, разрешившись от тягости в маленьком европейском городке, пристраивали ребёнка в какое-нибудь бедное семейство или не мешали законному супругу считать его своим собственным произведением. Но не такова была Анна Керн. Она совершенно не желала соблюдать никаких приличий и не только не скрывала истинного отца ребёнка, но и заставляла всех умиляться очевидному сходству двух Александров.

Такое демонстративное пренебрежение общественным мнением и моралью, искреннее убеждение в своём праве на счастье индивидуального пошива, на которое русские, да и импортные, женщины осмелятся очень не скоро, возмущало всех, даже толерантного Александра Сергеевича, в своё время пере-

крестившего «гения чистой красоты» в «вавилонскую блудницу». Особенно раздражал тот факт, что союз оказался на редкость прочным. Как только Анна Петровна овдовела, молодой человек немедленно с ней обвенчался, лишившись наследства, родительского благословения и погубив свою карьеру. Супруги заперлись на хуторе, растили сына, читали книжки, ворковали без малого сорок лет и умерли почти по сказочному канону: Анна Петровна Маркова-Виноградская, в девичестве Вульф, в первом замужестве Керн, пережила своего мужа всего на четыре месяца.

«Благодарю тебя, Господи, за то, что я женат. Без неё, моей душечки, я бы изныл, скучая... она сделалась мне необходимо-стью!»

[Из дневника А. Маркова-Виноградского] ☉

ЛИЛИЯ ГУЩИНА

Однажды...

Наталья Бестемьянова нашла выход из тупика

Мне всегда жутко хотелось быть первой. Соревноваться и побеждать. С детства во мне это доходило просто до какого-то болезненного накала. Такая гордыня во мне играла! Четвёрку в школе переживала как трагедию, лились горькие слезы. Но... жизнь перековала, приучила и к поражениям. И слава богу! Потому что неудач на жизненном пути никому не избежать...

Когда я каталась как одиночница, мне постоянно чего-то не хватало: то какого-то прыжка – ну никак не могла я его сделать, потом и с прыжком всё было хорошо, но лишь на тренировках – на соревнованиях он у меня не получался, я падала. Занимала последние места. Расстраивалась просто катастрофически. Такие были грустные годы!.. Наконец в шестнадцать лет стала чемпионкой СССР среди юниоров. Это был пик карьеры. Я понимала: дальше начнётся спуск, и уже подумывала уйти в балет на льду. И вот, пока я раздумывала над этим, меня пригласили в тур по Сибири: у меня был очень хороший показательный номер и я открывала первое отделение – после меня выступали все наши олимпийские чемпионы. И вот, помню, катаюсь, а они – Пахомова и Горшков, Роднина и Зайцев, Бобрин – все стоят и смотрят мой номер. И я прямо... из платья выскочила от счастья, что такие люди на меня смотрят! Потом оказалось, что наблюдали за мной не только они, но и Татьяна Анатольевна Тарасова, уже тогда легендарный тренер. И через



полгода, когда ей понадобилась партнёрша для Андрея Букина, она вспомнила про меня. И сделала мне предложение, от которого не отказываются! А я месяца полтора, наверное, всё думала, сомневалась. И так плакала! Мама меня всё время спрашивала: «Почему ты плачешь?» – «Мама, я ведь столько всего сделала в одиночном катании!» – «Тогда оставайся». – «Но мне так хочется в танцы!» – «Ну, иди в танцы». Никак не могла определиться. Тогда Татьяна Анатольевна ещё раз

со мной поговорила. Дело было во время тренировки, она даже вышла на лёд, взяла меня за руку и, глядя строго в глаза, сказала, точно дала пощёчину: «Хватит уже! Решайся». Андрей подошёл... И с января 77-го года мы стали кататься в паре с Андреем. Так я приобрела и опытного партнёра, которому доверяла с первой секунды, и верного друга. Получила долгожданный успех. А ещё убедилась: не надо бояться круто менять жизнь, тем более если путь, которым ты шла раньше, завёл в тупик. ☉

Пора нехитрых желаний

Незадолго до своей смерти пророк Мухаммед, общаясь в Медине со своими последователями, объявил, что вскоре мусульмане завоюют город Хиру. И тогда один из тех, кто его слушал, глуповатый крестьянин по имени Шувайл, спросил Мухаммеда: «О посланник Аллаха! Когда мы победим город Хиру, смогу я взять себе Кираму бин-Абд аль-Масих?» Пророк с улыбкой позволил ему это. Кирама – одна из принцесс Хиры – считалась самой красивой женщиной на Аравийском полуострове и была достойна лучшей участи. Но пророк решил, что его верный последователь заслужил награду.

В 633 году, когда армия мусульман под началом полководца Халида ибн-Валида стояла под Хирой, Шувайл обратился к военачальнику: «О полководец! Когда Хира падёт, можно ли мне будет взять себе Кираму бин-Абд аль-Масих? Ведь сам пророк разрешил мне это!» Ибн-Валид опешил, но, опросив свидетелей и убедившись, что крестьянин не врёт, не посмел нарушить волю посланника Аллаха.

И вот Хира была покорена. Ибн-Валид захватил дворец и объявил свою волю относительно бедной Кирамы. Женщины дворца зарыдали в голос, оплакивая судьбу принцессы, отданной простолюдину. Но делать нечего – красавицу привели к её новому владельцу. Шувайл откинул покрывало и замер от неожиданности. Кирама действительно была самой прекрасной женщиной на Аравийском полуострове. Лет шестьдесят назад. Принцес-



се оказалось около восьмидесяти. Легенды о её красоте дошли до селения Шувайла с большим опозданием. Любви не случилось. За выкуп в тысячу дирхем победитель отпустил былую красавицу к её родным.

Ах, молодость! Пора нехитрых желаний! Как много отдали бы и принцесса, и простолюдинка, дабы вернуть её! Учёные всего мира находят всё новые и новые способы, дабы отложить подальше ненавистную старость. Конечно, восьмидесятилетнюю даму ещё не научились превращать в девушку, однако определённые шаги в этом направлении уже сделаны.

1 апреля dr.brandt запускает в продажу новый продукт – Маску-Филлер Эффект 3-D линии House Calls. Это первая в мире косметическая маска-филлер, которая не только заполняет морщины, придавая коже потрясающую гладкость, но и грамотно «перекраивает» естественный контур, структурируя идеальную форму лица. А также разглаживает морщины нижней части лица: носогубные

складки и морщинки, образующиеся при улыбке. Достичь подобного результата помогают ключевые ингредиенты, собранные воедино исследователями dr.brandt:

гиалуроновая кислота, которая сразу же после нанесения интенсивно увлажняет кожу, способствуя разглаживанию морщин, вызванных обезвоженностью;

регенерирующие пептиды, которые способствуют росту клеток и регенерации тканей, укрепляют структуру кожи, улучшая естественный контур лица;

Adipofill'in™ – инкапсулированные аминокислоты, которые ингибируют распад жира в гиподерме, предотвращают возрастное истончение подкожной жировой клетчатки и возвращают щечкам округлость, свойственную молодости.

Есть надежда, что не всё утраченное утрачено навсегда. Кое-что подлежит возврату. Осуществить его можно в сети ИЛЬ ДЕ БОТЭ, где марка dr.brandt представлена эксклюзивно. ☉

Однажды...

Ефим Шифрин пожалел об упущенной возможности

Я поехал на родину к отцу – в белорусский городок Оршу, где он до 38-го года трудился скромным бухгалтером. Отца к тому времени уже не было... Почему всё делается потом, когда родных уже нет? Почему мне не приходило в голову терять отца при жизни распросами о том времени, почему мне пришлось в голову это только потом? Какая ошибка...

И вот я приехал в место, где, по сути, уже ничего не осталось от той жизни, которая была при отце: немцы всё сожгли дотла, не оставив ни одного жителя. И вдруг я увидел речку Проню. И моё воображение сразу заработало: отцу семь лет, у него очки с толстыми стёклами на носу, у него минус восемь, вот он бежит с ребятами вдоль речки.

И скачок дальше – мне стало так слёзно и горько, что его потом будут бить, что его поведут в подвал, что с него сдёрнут очки, что ему обрежут пуговицы на штанах, что он будет работать на приисках. Что будет умирать, весом двадцать восемь килограмм...

На отца повесят ложное обвинение в шпионаже, дадут 58-ю статью и отправят на Колыму. Где я и появлюсь на свет в 56-м году.

Колыма рождает сразу в сознании людей мрачные



вышки, большие территории, затянутые проволокой, но в моей жизни, хоть я и вырос на Колыме, ничего этого не было. То есть вышки были, и колючая проволока была, но в детстве это воспринималось как игрушки. Окна нашего дома выходили на гору Морджот, мы называли её колымская Джомолунгма. Это такая высокая сопка, круглый год покрытая снегами... Детские воспоминания играют с нами в причудливые игры.

Через много-много лет я вернулся на Колыму, причём уже звездой – на гастроли. Это было в начале 90-х. Меня встретили очень помпезно по тем временам: на «Волге», какие-то начальники привезли в здание исполкома, устроили пышный приём. Помню торт «Прага»...

Вдруг в какой-то момент я понял, что со мной случится то, чему я не хозяин... Я еле добежал до туалета, у меня брызнули слёзы, такой истерики за собой больше не припомню.

Какого чёрта я плакал?! Разница картинок – как я оставлял Колыму и как туда вернулся – вот что включило этот фонтан. И я вспомнил слова Бродского – о том, что возвращаться в места детства худо, возвращаться горько, но я вернулся, и я не жалею об этом, потому что это продлило мой сон о детстве. И я счастлив, что я второй раз увидел тот сон...

Я рад, что моя жизнь так угловата и так неправильно сложилась. И бывшее суждение о том, что я бы всё там перечиркал, всё бы стёр ластиком, – сейчас у меня поменялось. Я бы всё оставил. Ещё бы сдул пылинки с ошибок, заточил их в раму и гордился бы ими. Потому что они мне дали ощущение нерва. Вот я дёргаюсь, и я – артист. ☉

Подготовлено по материалам программы «Линия жизни».
Программу «Линия жизни» смотрите по пятницам в вечернем эфире телеканала «Россия-Культура»

Volkswagen Touareg R-Line¹

НОВЫЙ ВИД СПОРТА



Реклама



Эксклюзивная отделка интерьера



Пакет отделки экстерьера R-Line



Пневматическая подвеска



Затемнённые задние светодиодные фары



19-дюймовые легкосплавные диски Salvador²

Отличная спортивная форма. Точность движений. Volkswagen Touareg в специальной комплектации R-Line обладает массой достоинств и заслуживает пристального внимания. Динамичный облик, спортивный обвес и многое другое заставляя говорить о нём как о новом виде спорта, Большого спорта, и вы в нём — победитель.



По данным исследования по определению остаточной стоимости аналитического агентства Автостат.



Volkswagen

¹Эр-Лайн. ²Сальвадор. Реклама

Официальный дилер Volkswagen «Атлант-М»

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

Толковый словарь...

Евгения Евтушенко



А АНТИЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Мы разучились прижимать друг друга к сердцу и останавливать своих друзей, близких и любимых, когда они оказываются на краю. Не обязательно речь идёт о фактическом самоубийстве, когда человек спрыгивает с крыши и лезет в петлю. Сюда же, по-моему, относится и самоубийство того, кто ради карьеры жертвует своей честью, когда убивает в себе человека, чтобы стать успешным. На современном языке это называется «стать суперчеловеком», но, когда ты поднимаешься над другими, подобными себе, это значит, ты прошёл по их головам, то есть получается, что ты античеловек.

Б БРАК

Что такое брак? Определению это не поддаётся. Скажу просто: моя жена, Марья Владимировна, настоящая супружница. Мы очень часто спорим, ругаемся, и никто не хочет уступать, она такая же упрямая, как и я. Да, ссоримся, но зато как хорошо потом мириться! И стихи приходят сразу. Но сколько лет живём вместе, не могу понять, в чём секрет столь долгого взаимодействия.

Когда-то мне мой учитель Михаил Светлов, которого я очень люблю, сказал: «Одна женщина сегодня сказала дивно совершенно: мне есть с кем спать, но просыпаться не с кем. Я дарю вам, Женя, это, напишите...» И я написал.

Да, я думаю, любовь и брак – это то, что остаётся после – после юности, после расцвета, после всего, что бьёт через край. Когда утихают бури, смиряют-

ся ливни, жаркое солнце лета сменяется на осеннее спокойное тепло. Важно, чтобы после было с кем проспать...

В ВОЙНА

Я принадлежу к поколению «шестидесятников». Когда я закончил первый класс, почти сразу началась война. Мне удалось постоять на крыше собственной школы с лопаточкой и ведёрочком песка, и, когда иногда немцы прорывались сквозь противоздушную оборону, я тоже вносил скромную лепту в оборону родного города. Поэтому я считаю, что всё наше поколение – тоже ветераны Великой Отечественной войны, мы все что-то делали для победы вместе со всем народом. Вообще, это была странная война – война несостоявшегося поэта Сталина с несостоявшимся художником Гитлером. Из этого вытекает, что эта война была даже не политическая, а личностная.

Г ГЕНЕТИКА

Мой прапрадед Иосиф Байковский на нартах добрался до Берингова пролива. Конечно, его поразило, насколько рядом там Аляска и что там живут такие же люди и так же молятся православному Богу. И пришла ему в голову идея – на месте Берингова пролива проложить Берингов тоннель. И вот со своими друзьями, одарёнными инженерами, он нарисовал проект, послал его царю. Это был черновой проект. Но царь ответил ему: «У нас сейчас неспокойно на фабриках. Как только всё наладится, мы вернёмся к этому проекту». Конечно, геополитика могла изменить и саму политику. Это понял даже такой слабый царь, как Николай II. История могла бы быть другой. И я эту историю запомнил. Спустя много лет я думал, откуда во мне такое старательство, въедливость, умение проникать на большую глубину? От прапрадеда, вот откуда. Генетическое.

З ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Я прошёл сквозь разные заблуждения, совершенно искренние, от чистого сердца. Я написал много плохих стихов, больше меня, может, только Маяковский написал. Зато он написал «Облако в штанах», притом что у меня много критического в отношении Маяковского, но это любовь моя мне диктует, мы должны понимать ошибки наших предшественников. У Маяковского тоже было заблуждение – он путал Родину и государство. Он хотел это слить воедино. В принципе, это было бы идеально, и, возможно, когда-нибудь именно так и будет. Но пока что этого нет ни в одной стране. Маяковский был гением по первому и последнему тому с его недописанными поэмами. Но наши заблуждения помогают нам в поисках. Без них невозможно вытаскивать форму жизни.

З ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Я недавно решил провести один опыт – пролистал несколько стенограмм всяких официальных заседаний, конференций, и знаете, какое самое часто встречающееся слово? «Как бы...» А самое раритетное и не в ходу – слово «совесть». Я думаю, это яркая иллюстрация того, что происходит в нашем обществе сегодня. Что нас может спасти? Мирная идея, примиряющая нас. И скорее всего, её нам даст литература.

И ИЛЛЮЗИИ

Иногда меня студенты приглашают на вечеринки. Я с удовольствием прихожу и спрашиваю: «Почему у вас такая громкая музыка? Ничего ведь не слышно, поговорить невозможно». А мне отвечают: «О чём говорить, Евгений Александрович?» Это удобно для многих. Не для всех, конечно, но для многих. Хороший повод сойти за многого.

К КЛИН КЛИНОМ

Некоторые люди считают, что чем больше у мужчины женщин, тем он счастливее, но на самом деле это большое несчастье – быть влюблённым одновременно сразу в трёх женщин, и в каждую по-своему. Невыносимо! Как будто три камня на душе лежит. А ещё семья рухнет... Врагу не пожелаешь. Однажды, в такой вот ситуации, я написал своему другу Пабло Неруде – напросился к нему в гости, в Чили, чтобы сбежать от всех сразу. Приехал и пропал там месяцев на десять, объездил чуть ли не всю Латинскую Америку. И в Колумбии познакомился с прекрасной девушкой Дорой Франко. Неофициальной королевой красоты. Представляете, я сбежал от любви, чтобы... Ну, вы понимаете. Много лет спустя я встретил её, она до сих пор красива и до сих пор не замужем. Есть такие женщины, недостижимые, как звёзды. Я написал о ней поэму «Дора Франко», это меньше, что я мог сделать.

К КОМПЛЕКСЫ

Самый страшный, на мой взгляд, комплекс неполноценности – зависть. Вместо того чтобы работать, люди сами себя разрушают. Зависть отвлекает людей от того, что у них есть, и создаёт ощущение ущербности. На этом жизнь заканчивается.

Н НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Мне кажется, что самое важное сегодня – это вернуться не к идеологиям, а к идеалам. Какое общество мы строим – непонятно, но людей должно что-то объединять, причём не идеологически, потому что любая идеология – официальная или неофициальная – это клетка. Людям нужны идеалы. Что-то сердечное должно быть, а не официальное, чтобы каждый в истории страны находил что-то своё. Не политикой и не экономикой жив человек.

Н НАШЕ ВСЁ

Конечно, Пушкин! Он был настоящим интернационалистом и дал нам пример, как можно быть одновременно и западником, и славянофилом. Ведь он впитал в себя всё лучшее, что было тогда в истории. Был издателем, журналистом, историком, открыл многих интересных поэтов. Он был даже революционным поэтом, но не терял осторожности. Яркое свидетельство тому – история про то, как его заяц напугал и он не поехал в Петербург. Да не заяц его напугал! Его напугало, точнее остановило, то, что тогда многое зависело от кучки декабристов, среди которых были люди не только совершенно безупречные, но и те, перед которыми поставили задачу расправиться с царской семьёй, что и было осуществлено впоследствии и что спровоцировало гражданскую войну. Слава богу, судьба Пушкину помогла – имею в виду его гениальную няню. Она стала его преподавателем русского фольклора, мудрости народной. И очень жалко, что наше государство не поставило ей памятника. Только сатирик Миша Задорнов объявил конкурс на памятник Арине Родионовне, и, когда оказалось три очень хороших проекта, он все их реализовал на собственные деньги. И она действительно заслуживает этого.

Н НЕНАВИСТЬ

Больше всего на свете я ненавижу только одну вещь – ненависть. Никогда не был злым. Ещё в детстве очень не любил злые драки, подлые, когда не по честному. Для меня насилие – последнее дело, всегда старался развести людей перед физическим взрывом, чтобы договорились без рук. Выступал в роли переговорщика. Пока однажды меня самого не огрели по голове – огрела женщина, которую избивал её собственный муж, а я решил за неё вступиться.

П ПАТРИОТИЗМ

Что это такое? Порядочность. Понимание того, что всё зависит не от кого-то другого, а от тебя. Это не только берёзки и поддержание рублём отечественных товаров, но осознание, что Родина – внутри тебя. И даже если ты куда-то далеко уезжаешь, ты всё равно хранишь в себе частичку своего края. Очень важно не терять достоинства. Не тот патриот, кто стоит на Манежной с транспарантами, а придя домой, хаёт всё отечественное – от творога до автомобиля. И ещё патриотизм – это общность, когда ты чувствуешь плечо другого рядом. Интернационализм, если хотите. А мы разобщены, по нормкам, нам много лет отказывали в праве на самость, мы были винтиками системы, и теперь, когда старая система развалилась, винтики разбежались кто куда и каждый мечтает о своём домике в Испании. На самом деле мы стоим перед страшной бедой – терроризмом, и наша задача – сплотиться. Не произойдёт этого – всё может закончиться очень плохо. Достоевский говорил, что самое главное качество Пушкина – «всемирная отзывчивость». И эта отзывчивость подразумевает патриотизм всей матушки-Земли. Ведь, когда родилась наша планета, на ней не было никаких границ. Бог не нарисовал их.

П ПРЕДУГАДЫВАНИЕ

Мне удалось в жизни несколько вещей, которые удаются очень редко. Это когда стихи превращаются в поступки, а поступки изменяют жизнь – твою и твоей страны. Например, через два года после смерти Сталина я написал: «Границы мне мешают, мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка, хочу шататься сколько надо в Лондоне, со всеми говорить, хотя б на ломаном...» существовал огромный мир, которого мы не видели. Сейчас у нас есть

возможность ездить, но изменило ли это что-то в нашем сознании? Вырвались ли мы из клетки? Далеко не все.

С СОСТРАДАНИЕ

Я помню проход немцев в 44-м году по Садовому кольцу, когда все боялись, что женщины русские просто разорвут их, а всё произошло по-другому. Когда шли надменные генералы, офицеры – это было одно, они не вызывали ни у кого жалости, только ненависть за наших погибших. А вот когда шли простые солдаты, совсем молодые, мальчишки с пушкой над верхней губой, к ним бросились женщины, прорвав милицкий кордон. Все испугались, думали, ужас сейчас будет, но в них жалость победила к этим мальчишкам, которых мобилизовали против их воли. Наши женщины стали совать им кусочки хлеба от пайков, сахар, одна из них сняла с себя спецовку и протянула солдату, потому что он был в каких-то обмотках. Тогда я увидел, какой моральный резерв у наших людей.

С СТЕРЕОТИПЫ

Я преподаю в Оклахоме, в сердце США, где живут настоящие ковбои, а не мюзик-холльные, и, кстати, большинство из них телевизоры держат в стойлах. Детям разрешается смотреть ТВ-программы только раз в день, потому что считается, что они их портят. У большинства этих людей есть прекрасные библиотеки. В Оклахоме я преподаю русскую литературу и поэзию, а также русское и европейское кино. И удивительная вещь, такой фильм, как «Холодное лето пятьдесят третьего» Прошкина, их потрясает на каждом просмотре.

В такие минуты я понимаю, что разговоры про то, что американцы другие, не такие, как мы, – беспочвенны. ©

**КРИСТИНА
ФРАНЦУЗОВА-ЯНУШ**

Lindt

EXCELLENCE



70% COCOA*



Откройте для себя Lindt и мир
превосходного горького шоколада.



Идеальная гармония вкусов и ароматов
из благородных какао-бобов.

Lindt Excellence, созданный Мэтрами
Шоколяте от Lindt. Превосходное
швейцарское качество с 1845 года.



Реклама

www.lindt.ru

  /LindtRussia

* Линдт. Экселланс. Какао

Большой праздник

Татьяна Устинова

Каждый год наша семья отмечает 12 апреля. Это день моей мамы, которая всю жизнь проработала «на космос». Нет, она не занимала пост генерального конструктора и не была знаменитым двигателем. Она работала инженером, самым обыкновенным инженером, но – «на космос»!

Каждый год 12 апреля они с папой вспоминают, как он провожал её «на полигон», так тогда называли космодром Байконур, а борт военный, сплошь люди в погонах, «представители заказчика», как тогда называли сотрудников Министерства обороны, а на дворе ночь, а двигатели воют, а сидеть в «транспортнике» – транспортном самолёте – нужно на длинных деревянных лавках, недолго, часа четыре с половиной, может, и неизвестно ещё, будет «болтанка» или нет, а из всех «удобств» – одно ведро в закутке рядом с пилотами.

И год 1965-й, и маме моей 26 лет, и она такая хорошенькая, кудрявая, застенчивая, что за ней с места в карьер начинают ухаживать все «представители заказчика», а тут папа, он же её провожает! И все знают, что планируется «старт», но делают вид, что не знают!.. Гриф «два Семёна», «сс» – «совершенно секретно».

Почему-то особое отношение к этому дню и к мамину участию в освоении космоса у Женьки, моего мужа. Зять поздравляет тещу изо всех сил, по моему, несколько раз букеты даже из командировок присылал, не знаю, как ему это удавалось. Мне, к примеру, никогда не присылал!



«Убеждена: в нашей стране есть два безусловных праздника. День Победы и День космонавтики. Не так уж много. Но и не мало»

...Тем солнечным и прекрасным апрельским утром я проснулась очень озабоченная. Что-то с вечера я планировала, придумывала, и очень важно всё это было осуществить! Деловая до невозможности, да ещё в дурном настроении, я вышла из спальни и обнаружила, что муж мой куда-то собирается, уже одетый стоит.

Позвольте, что такое?! Мы же с вечера решили, что нам нужно... Мы же всю неделю планировали, что заедем... Мы же вчера договорились, что сразу, как встанем...

Тут выяснилось самое страшное – кофе он уже выпил, и я те-

перь должна пить этот самый кофе одна!.. Да ну тебя к шутам! И зачем ты нацепил этот ботинок – муж мыкался в прихожей в одном ботинке. Ты вчера гулял с собакой, на ботинках теперь по пуду грязи, посмотри, что на полу! Мне опять всё это мыть?! Я устала за всеми вами бесконечно всё мыть, мойте сами! Снимай эти башмаки и надевай другие!

Он снял эти и надел другие. Ни слова не говоря.

По сценарию, он уже не должен никуда ехать, мы же ссоримся, он теперь должен сначала меня утешить, а уж потом ехать, но он уехал.

Так и не сказав куда.

Злая, как мегера, я послонялась по дому. Никого нет. Дети кто в школе, кто по своим делам. Кофе со мной пить некому. Плитка под дверью напоминает вход в коровник, и стоит одинокий ботинок с пудом засохшей глины по периметру.

Я притащила ведро и стала мыть ботинок. Один.

Тут позвонила мне мама. Я держала телефон плечом, руки у меня были мокрые и в глине.

– Танюш, – весело сказала в телефоне мама, – ну какой у меня праздник! Вот тебе спасибо!

Я мрачно осведомилась, за что мне спасибо.

– Как?! За поздравления! Приехал Женя, привёз мне такой роскошный букет тюльпанов и передал от тебя поздравления!

Я уронила ботинок в ведро.

– Спасибо вам обоим! – продолжала ликовать мама. – Как я люблю День космонавтики.

Ну конечно! Сегодня же 12 апреля! Как это я забыла, дура?..

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА.

BALI & THAI-SPA "7 КРАСОК" -

обладатель титула Гиннесс Мировые Рекорды

107 балийских и тайских SPA-программ · Восточный хаммам
Романтические встречи · SPA-курсы · Коррекция фигуры



«Меня зовут Сатиявати. Я из семьи потомственных балийских Мастеров, работаю в компании «7 КРАСОК» уже 10 лет. Мы помогаем нашим Гостям обрести гармоничное тело, снять стресс, нормализовать сон, создать новую

Сатиявати, Гранд-Мастер «7 КРАСОК».

Гранд-Мастер Сатиявати

SPA-курсы для коррекции фигуры и женского здоровья



КУРС «МОЯ НОВАЯ ФИГУРА»

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

77777



THAI-SPA "7 КРАСОК"

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

КУРС "ORIENTAL PRINCESS"

77777



КУРС «АНТИСТРЕССОВЫЙ»

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

77777

(495) 925-51-77 (24) (812) 333-50-77 www.7KRASOK.ru или СПА.рф

Москва | Санкт-Петербург | Химки | Королев | Красногорск | Мытищи



Надежда

Валерий Попов

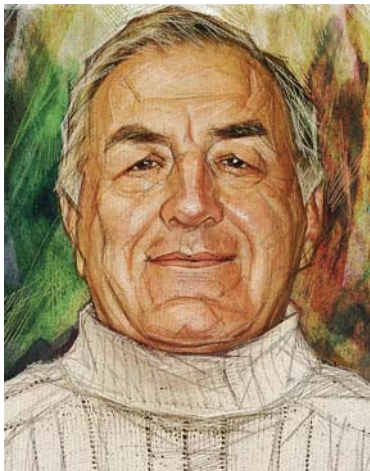


Помню, как в первый раз я вышел на трап самолёта в ташкентском аэропорту – и лицо обожгло печным жаром, и я вместо того, чтобы закрыть ладонью, стоял и грелся, и чувствовал радостно: я здесь уже был!

Отец рассказывал, что они жили в небольшом домике среди яблонь, слив, абрикосов. Ташкент не только спас их в голодные годы, но и наполнил их жизнь незабываемыми воспоминаниями. Однажды все заболели дизентерией – мой будущий отец, его старшие сёстры лежали в комнате, распластанные на матрасах. Было жарко, их тошнило. Окна в сад были распахнуты. А младшая их сестра, весёлая и кудрявая, которую болезнь почему-то не брала, сидела у окна на абрикосовом дереве, ела мягкие жёлто-красные абрикосы один за другим и, смеясь, пуляла в комнату косточки. Отец вспоминал, что они тоже пытались «отстреливаться», но косточки из их ослабевших рук не долетали даже до подоконника...

Дома я не нашёл – и всё равно был счастлив: на ярком, пахучем рынке, где дружелюбные узбеки в халатах и тубетейках продавали дыни и виноград. Лежал на помосте над арыком, сняв обувь, и пил зелёный чай, разглядывая витиеватые здания «под старину», построенные после страшного землетрясения всей страной, в том числе ленинградцами.

Помню, как я сумел завернуть сюда экспедицию международного Пен-клуба, убедил – именно ташкентцы нуждаются в нашей поддержке. Стоя на жаре у гостиницы, спросил друга-финна, вылезавшего из такси:



«О, как я любил Ташкент! Больше всех городов на свете»

– Ты чего это на тачках всё время ездешь?

– Так такси здесь дешевле, чем у нас трамвай!

Теперь, увы, всё не так. Мечтал о Ташкенте – и мечта сбылась, но как-то неожиданно.

Воображал, что они живут в раю, а они вдруг, неожиданно, огромными семьями стали переезжать к нам! Просыпаюсь я теперь от гортанного и очень громкого женского голоса, разговаривающего по-узбекски. Женщина в белом халате и чепчике (из рабочего входа в столовую), присев на корточки, разговаривает по мобильнику так громко, как они, наверно, привыкли разговаривать в степи. Но не во дворе же старинного дома в центре Петербурга! Я бывал у них в махалле – это пространство, огороженное

глинобитными стенами, где живёт, как правило, многочисленный клан. Теперь такой махаллэй сделался наш двор – исторический (какие люди здесь жили!), прежде красивый, которым я хвастался где только мог!

Я вежливо (ленинградцы всегда славились вежливостью) обошёл огромный живот нашего дворника Юсуфа. Он властно указывал, где парковаться машинам... Каким-то задрипанным – явно не с нашего двора. Он снисходительно кивнул. Его царство! Неужели будет такая же вражда, как в Европе? Но ведь у них были – угнетённые, а у нас – братский Союз! В Ташкенте спасся не только отец в голодные двадцатые, но и тётка моя, вырвавшись из блокады! И всё превратилось в хлам, в отходы столовой, которые носят и носят во двор – и даже не понимают, что было здесь прежде, до них.

Я вошёл в троллейбус. Может, здесь лучше, чем во дворе? Молодёжь тыкается в айфоны, не поднимая голов. И только один, молодой узбек, уступил место, притом даже улыбаясь. Да, уступают только они.

Я достал клочок бумаги и стал писать. Нет! Ничего не выйдет! Паста, как назло, кончилась. Я чиркал, но только рвал бумагу. И вдруг кто-то тронул за плечо. Молодой узбек, мой спаситель, протягивал ручку. Не «паркер», конечно, – все пальцы его были в чернильных пятнах. Я радостно взял – и стал писать!

Брякнули двери. Мой узбек выходил. Я протянул в его сторону ручку. «Нет! Нет!» – Он замахал чернильными пальцами. Так, может быть, есть ещё надежда? ❖

100,5 FM

BEST

**ЛУЧШЕЕ
РАДИО**

НОВЫЙ ЗВУК!

НОВЫЙ ФОРМАТ!

НОВЫЕ АРТИСТЫ!

12+

www.bestfm.ru

Реклама.

О братьях наименьших

Вера Павлова

Я – о насекомых. О многочисленном классе живых существ на земле. О вездесущнейшем. Вот, оторвите глаза от страницы: ведь кто-нибудь из них, крошечных, прямо сейчас проползает-пролетает перед вашими глазами?

Я отрываю глаза от экрана – и вижу божью коровку. Их в этом году небывало много. Что Бог хочет этим сказать?

*Парус сарафана
в море васильков,
солнечная ванна
с пеной облаков,
рекогносцировка
изумрудных мух,
божия коровка
и её пастух.*

Пастух – я. И пастор. Мне пять лет. Я не люблю играть в куклы. Другое дело – божьи коровки.

*Папиросная коробка –
дом. Машина – коробок.
Едем, божия коровка,
заждался тебя бычок.
В огороде за сараем
в баночке из-под сардин
свадьбу скромную сыграем.
Колорадских пригласим.*

Моим молодожёнам хорошо в баночке – божьи коровки знают толк в любви. У них – самый продолжительный любовный акт среди насекомых. Он длится до восьми часов. Я люблю вас, божьи коровки. Вы красивые. Насекомые вообще ювелирно красивы. Это стало мне ясно в тот день, двадцать лет назад, когда мы решили привнести в наш убогий уют немного роскоши: покрасили золотой краской из баллончика помочный буфетик на кухне нашей хрущёвки. И возликовали: получилось и правда роскошно. И тут



**«Божья коровка,
лети на небеси,
Хлеба насущного
нам принеси.
Чёрного и белого...»**

на грязно-белой стене над буфетиком появился Он. Золотой таракан. Он полз горделиво-медленно. Он знал, что великолепен. Что Фаберже отдыхает, что Левша нервно курит в сторонке. Мы любовались им с горькой улыбкой: он был живым символом нашей роскоши.

Как вас не любить, братцы-насекомые! Как не любить светлячков, превращающихся в светлячки звёзды? Как не любить певчих кузнечиков, дающих звёздам голос, делающих слышимой музыку сфер? Они такие безрассудные, певчие кузнечики: если их посадить на ствол дерева, они ползут вверх, только вверх, а слезть потом не могут, сидят на ветках, поют без умолку. Мы с братом в детстве превращали сосну, возвышав-

шуюся в центре нашего палаточного лагеря, в оркестр кузнечиков. Струнный. Он играл всю ночь – Генделя, Моцарта, Россини...

А как насчёт кровососущих? Москва. Метро. Стою. Перед мной сидят парень и баба. Парень в наушниках, баба спит. А за их плечами по спинке сиденья ползёт крупная вошь. То к нему подползёт, то к ней: выбирает. Гражданский долг взывает: «Предупреди их!» «А как?» – стесняюсь я. Препираемся три прогона. Наконец – решение: «Чёрт с ним, с парнем. К тому же он почти лысый. А если она выберет бабу, тогда...» Она выбирает бабу. И я бужу бабу следующим монологом: «Простите, что прерываю ваш сон так бесцеремонно. Но вам угрожает ужасная опасность. К вам устремляется вошь!» Баба смотрит на меня, на вошь, на меня, стряхивает её одним движением на пол и снова засыпает. А раздавить? А спасибо сказать?

Одним из самых пронзительных признаний в любви я обязана вшам. Их принесла из детсада Наташа. И наградила ими меня. Мы не сразу поняли, в чём дело. Ясность внесла бабушка Роза – уж она-то, ровесница советской власти, знала что к чему. Развели керосин, вымыли головы. Бабушка села в кресло, я устроилась у её ног. Бабушка принялась выбирать гнид из моих длинных волос. Выбирала, выбирала – и вдруг сказала, и голос её звенел от безбрежной нежности: «Верочка, дай поцелую тебя в твои гнидочки!» И поцеловала. И любовней этого поцелуя не было поцелуев в моей долгой жизни. ☉

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО



*В которой у актёра
Михаила Ефремова вместо сурового
героя выходят одни шпентики **с.24***

.....
*а американский хиппи Джей Клоус сам
становится героем, причём российского
молочного разлива **с.50***

Михаил Ефремов

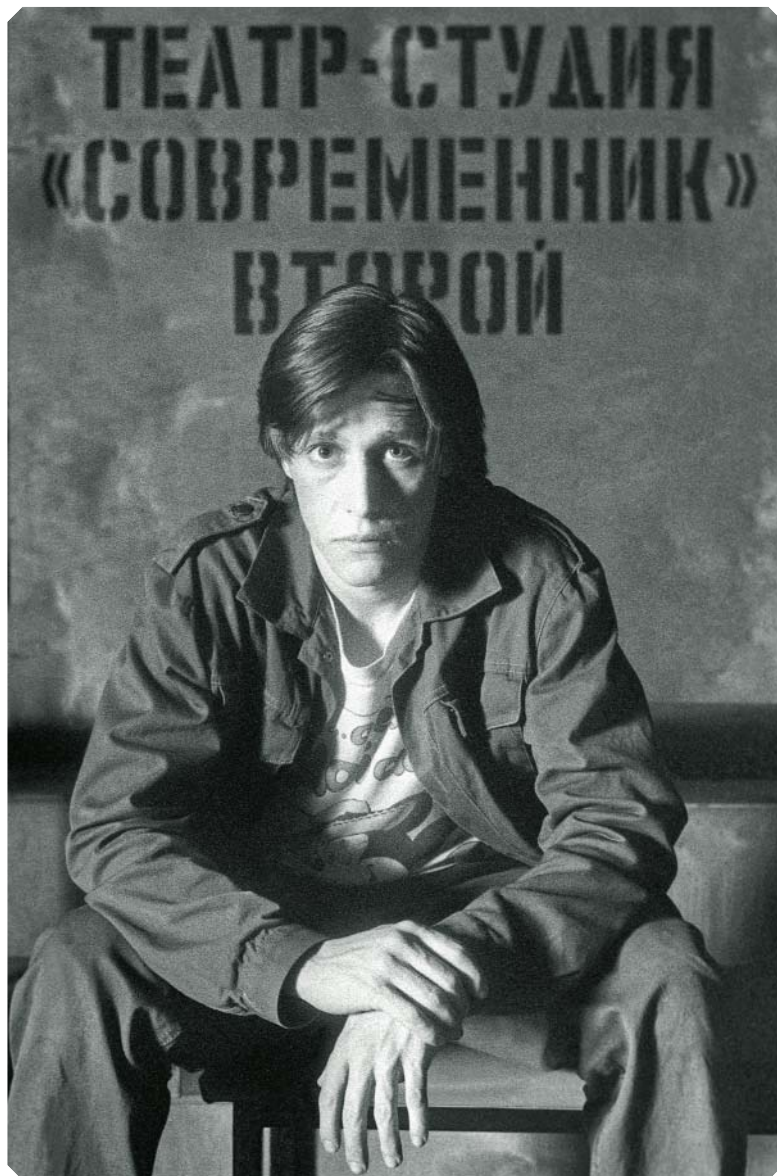




ФОТО: КОКОШКИН, КОКОШКИН/ТАСС; ИГОРЬ ВЕРЕЩАГИН



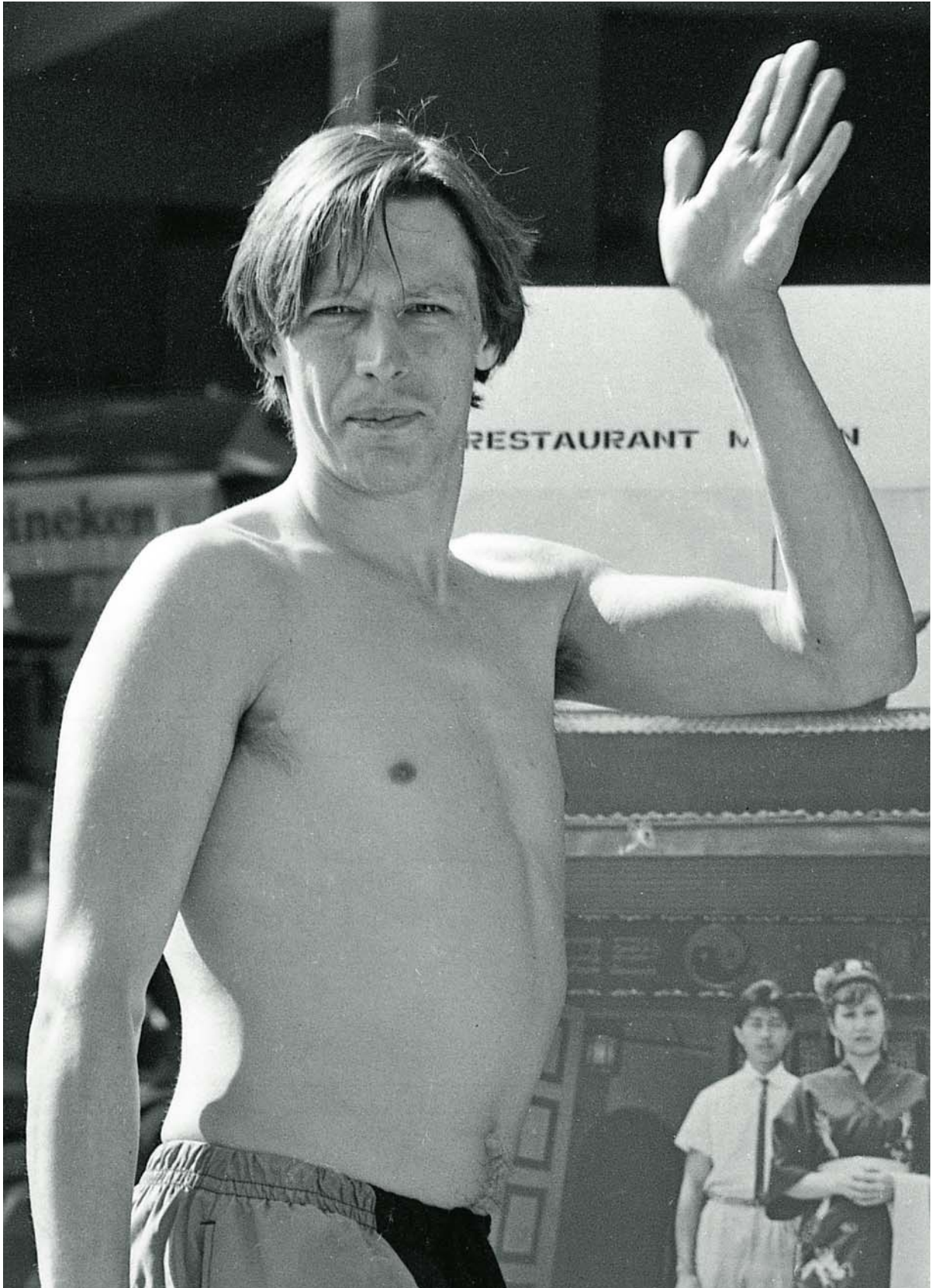


► Три возраста Михаила Ефремова: в 2 года на коленях у папы, в 7 лет с букетом и родителями в первый класс, в 18 лет с автоматом и мамой на присяге в армии



► С актёром Михаилом Горевым (слева) и друзьями-рокерами: Гариком Сукачёвым и Сергеем Галаниным









Отец-героин

Человек-реклама, человек-избыточность, человек, плывущий по течению времени и получающий от этого удовольствие, – так можно описать, глядя с разных сторон и под разными углами на актёра, который последнюю четверть века украшает нам жизнь

ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ



► Михаил Ефремов и его большая семья – мама Алла Покровская, жена Софья Кругликова, дети и родственники

Помню, как-то Лариса Гузеева, представляя в своём ТВ-проекте «Давай поженимся» очередного претендента на роль жениха, заметила, что мужчины-актёры поразительно пусты и бессодержательны. И Татьяна Толстая однажды сказала: «У актёров вообще нету частного лица, поэтому мы их никогда не зовём в «Школу злословия». Это бесполезно, вы не можете узнать, кто они на самом деле есть. Актёр всегда в личинах и масках. Мы его видим в разных ролях и можем как-то экстраполировать его истинную сущность, но она никогда не проявляется, даже когда он пьянствует. А он пьянствует, как раз чтобы заглушить вот это отсутствие материального стержня».

Так вот Михаил Ефремов, актёр, лихо пьющий и, более того, делающий из своего пьянства своего рода мегаигру, представляется мне на самом деле персоной вполне аутентичной: он ничего не изображает в жизни в отличие от большинства своих

коллег. Такой, какой есть. И актёр он просто гениальный, однако не лицедей, полагаю. Возможно, именно поэтому и продержался в качестве ведущего ТВ-программы «Жди меня» всего полгода: исполнителю нужен режиссёр, а не установка.

Так сложилось, что у Михал Олегыча режиссёром по жизни стал Андрей «Вася» Васильев, одарённый «журналига», прославленный главред, циничный мизантроп и, между прочим, неплохой (и недооценённый) актёр (не забуду, как истово он желал сыграть Бориса Березовского и какой точный был бы это образ, о боги кинематографа + фарса!). Именно факт этого альянса (точнее, дружбы), замешенного вовсе не на алкоголизме, но на совпадении темпераментов и представлений о прекрасном и/или правильном (лютая страсть «Васи» к спиртному в значительной степени мифологизирована; питье в целом имманентно журналистам советской школы, сам, признаюсь, пил ежедневно & еженощно).

Я помню Ефремова конца 80-х, когда он зажигал по-богемному со своей тогдашней пассией Наташей Негодой, обладательницей титула секс-символа СССР (после премьеры «Маленькой Веры»). По мне, он не претерпел основательной коррекции жизнью или бытом. Как и большинство людей его среды, не особо привечает журналистов и не считает нужным эту (закономерную, подчеркну, неприязнь) шифровать. Как меньшинство, недолюбливает кошек, однако у него просто банальная аллергия на хвостатых. Как почти все, знает себе цену, при этом не обременён дешёвыми понтами. И – ещё раз – очень настоящий, что редкость в актёрском цехе. Моё мнение. При этом пелевинский абсолютно герой, с этой его хмельной игрой в футбол на юрмальских площадках и поездками на Афон с загадочными собутыльниками.

Их с Васильевым проект «Господин хороший» обрёл статус культового не только у зрителей, настроенных оппозиционно, он стал симпатичной частью богемного ландшафта современной России. И поэтому их имена теперь связаны в пульсирующий узел, который не будет распутан, даже если в силу обстоятельств пути этих двух экстравагантных разойдутся.

Кстати, в тот момент, когда родилась идея настоящего материала, я тут же набрал Ефремову. Так вот, трубу снял... хмурый «Вася»: «Мишка спит ещё, рано». Однако! Было три пополудни. Но! Выяснилось, что удалая парочка тусуется в Калифорнии.

Впрочем, на сцене выступает Михаил в паре с Андреем «Орлушей» Орловым, который как-то сказал: «Наша дружба – это не политический альянс, как могут некоторые подумать. Мол, собрались три нацпредателя и решают себе, как бы получить побольше денег или когда снова поехать

«скакать» на Майдане. С Ефремовым я познакомился в Крыму 8 мая 1978 года. Мы действительно друзья, а не просто случайно оказавшиеся в «белом списке» люди, куда нас записало Министерство культуры Украины».

Всё, что касается «Господина хорошего», по-прежнему находится в зоне ответственности Андрея Виталича: когда Ефремов на пару с Орловым выступал в киевском клубе Atlas, я уточнял статус проекта у Васильева (он был в Лондоне) – «Господин» перестал быть цикличным энд эфирным, но всё ещё на плаву. Хотя хоронили его не раз. И не два. С этого и начал я беседу с лицом проекта.

Про похороны. Весёлое

☉ *Михаил, ты со своими «подельниками» несколько раз хоронил проект «Гражданин поэт». Это был коммерческий ход?*

– Ну, похороны были, один раз похоронили. Потом столько было желающих кинуть горсть земли в могилу проекта «Гражданин поэт», что пришлось провести и второй, и третий раз.

☉ *Ну, я слышу какие-то ностальгические нотки...*

– Нет, это не ностальгические. Это ностальгические – по площадке.

☉ *Кстати, на той же сцене ты праздновал полувековой юбилей – «Запой с Михаилом Ефремовым». Кто придумал такое провокационное название?*

– Я думаю, что Васильев придумал. Я, честно говоря, не помню. Дело в том, что очень много ваш брат журналист пишет про то, что, ну, как говорят, Михаил Ефремов – это кто? Актёр-алкаш. И второе, я хотел бы, чтобы меня называли пьянчужкой. «Запой» имеет двоякое значение.

☉ *Я понимаю, что это как глагол «запеть».*

– «Проснись и пой». Встаю утром, пою. У нас даже Дима Быков пел с Мазаевым в Малом театре один раз.

☉ *Серьёзно? Я Диму никогда не видел поющим.*

– Я так никогда не хохотал. Он не попал ни в одну ноту. Но мне сказал, что у него очень хороший слух, потому что не попасть ни в одну ноту – это уметь надо.

☉ *А у тебя ещё и дети поющие, по-моему? Ну, не профессионально поющие, однако со слухом и голосом.*

– Ну, я, честно говоря, надеюсь. Вот у меня Боря в три года пошёл в хор и получил пятёрку по соль-феджио.

☉ *Это отличная идея, семейная как бы тема, мне кажется, – с детьми что-то исполнить.*

– Ну, я надеюсь, что поможет в этом моя жена Соня, «золотые уши России», как её называет Дмитрий Дибров (но не забывает добавлять при этом, что я «золотая печень России»). Маленьких всё-таки пока не хочется ещё тащить.

☉ *Ты же вот, допустим, в десять лет уже знал, что ты будешь...*

– Нет, я ещё не знал.

☉ *Ты не знал?! Ну, в тринадцать-то уже ты определился.*

НВ. В 1976 году Миша снялся в трёхсерийном фильме «Дни хирурга Мишкина». Ефремов-младший играл роль сына главного героя Евгения Львовича Мишкина, заведующего отделением больницы маленького провинциального городка (роль коего исполнил Ефремов-старший).

– Ну, я снимался в фильме, да, да. И не в одном, а уже в двух. Я не могу сказать, что я определился в то время. Всё равно же в тринадцать лет человек думает, а может, я тем стану, а может, этим, а может, там... Открыты все дороги.

☉ *Ты же понимал, что у тебя что-то получается?*

– Да не особо. Вообще, у меня такого ощущения, что получается, не бывает почти. Очень редкое ощущение. Оно какое-то такое – не очень правильное. Потому что, когда ты так думаешь – «а хорошо сыграл», – на самом деле это ой обманчиво. Потому что, если у тебя такое ощущение, зритель увидел на сцене самодовольного дурака, который там чего-то играет.

☉ *А с женой обсуждаете, что получилось, чего не получилось у тебя?*

– Нет, она потому и супруга, что она считает, что, в принципе, моя работа – это тьфу, не бей лежачего.

☉ *А-а, вот так вот, да?*

– Конечно. «И не надо делать вид, что так ты устал». Ну, она права, потому что она работает, у неё трое детей всё время. Но, правда, у нас есть разница в возрасте, чем я пользуюсь иногда.

☉ *А как ты пользуешься? Авторитет включаешь?*

– Ну, авторитета нет уже давно. Я не включаю авторитет, я пытаюсь бить на жалость. Но тоже не очень получается.

☉ *Про «Запой» расскажи поподробней.*

– Это медиаменеджерская идея Андрея Витальевича Васильева. Он сказал: «А вот пятьдесят тебе будет», как раз когда ему было пятьдесят, в 2008. И почему-то я хотел справлять пятьдесят лет в Колонном зале Дома союзов. Помнишь, когда похороны были и там портрет вождя висел? И гроб выносили. Вот такой же дурацкий портрет я хотел чтобы висел хоть один денёчек. Но это всё-таки слишком: Дом союзов – он же рядом с Госдумой. А «Крокус Сити Холл» всё-таки на окраине. И конечно, это очень технически удобная площадка.

☉ *Вот ты упомянул похороны. Открыл как бы сам эту дверь.*

– Похороны «Гражданина поэта». Или ты имеешь в виду Колонный зал Дома союзов?

⊙ *Да, Колонный зал, да. Гармаш мне как-то признался, что самый правильный вопрос, который надо задавать, – это думает ли человек о смерти. Он сказал, что ему задали на творческом вечере такой вопрос, и это его очень впечатлило.*

– Я с неизбежностью отношусь к смерти. Как можно относиться? Чего думать? Как это будет, это я уже отдумался. Это когда тебе лет пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, вот там ты о смерти думаешь, представляешь, как ты мёртвый лежишь и все плачут. Вот это те штуки. Сейчас уже всё-таки страшновато об этом думать.

⊙ *Нет, ну смотря как к этому относиться, какие опции рассматривать.*

– Ну конечно.

⊙ *Вот ты, допустим, веришь, что ты «есть после смерти»?*

– Я верующий человек, православный. Но не могу сказать, что я углублён. Но, конечно, по-моему, правильнее «есть», конечно. Ещё как можно сказать? Что если ты веришь, что там чего-то будет, значит, там чего-то будет. А не веришь, то и не будет ничего.

⊙ *Кстати, действительно, очень резонно. Когда-нибудь обсуждал это с женой?*

– У меня супруга православная. Она у меня ходит каждое воскресенье с детьми в церковь. Я редко хожу. Я – грешник.

⊙ *Обсуждал ты с ней печальные перспективы, условно говоря?*

– Мы не обсуждаем такие вещи. Но мы же вместе. И поэтому как бы... чего нам обсуждать?

⊙ *А как папа твой знаменитый?*

– Как его отношение с религией? Ну, крестик у него в столе лежал. Его крестили. Наверное, крестила бабушка, ну, мама его, Анна Дмитриевна. Всё-таки он родился в 1927 году. Но тогда это была традиция. Хотя и сейчас это...

⊙ *Нет, сейчас это скорее тренд. А тогда да, традиция.*

– Нет, тренд это был скорее в конце 80-х – начале 90-х, когда их всех подсвечниками звали...

Миф или легенда?

⊙ *А ты следишь за трендами?*

– Ну, если я назвал свое 50-летие «Запой», конечно, я слежу за трендами.

⊙ *Ну, знаешь, ты сам трендообразующий тогда, скажем так.*

– Нет, я не трендообразующий. Это от лени. Это от вашей журналистской лени. Нашли себе темочку, вот её и разрабатываете уже сколько лет.

⊙ *Ну Миш, ты же поводы даёшь.*

– Ничего подобного. Никаких поводов. Всё – шутка. Вас накололи.

⊙ *Ха-ха... Да я помню, с Охлобыстиным Иванов на «Кинотавре» ты та-а-ак зажег.*

– Не с Охлобыстиным, а с Башировым Александром Николаевичем...

⊙ *Ну, может быть, мы развеем, если ты считаешь, что это миф, сказ о пьянстве российских актёров.*

– Это не миф. Это красивая легенда. Ну, как нет дыма без огня. Да, конечно. Но всё-таки сейчас это уже не в тренде среди молодых артистов. Самый молодой среди пьющих артистов, ну, как бы таких, я имею в виду «медийно-пьющих» артистов, – Лёша Панин. А ему уже за тридцать.

НВ. Мне Александр Ширвиндт как-то жаловался, что если раньше проблема была вылечить актёра от алкоголизма, то «сейчас такая пошла театральная молодёжь, что выпить не с кем».

⊙ *Вот Панин-то поводы даёт покруче тебя.*

– Ну, а может, он специально эти поводы даёт. Увидел камеру скрытого наблюдения, раз, два – повод дал.

⊙ *Актёры должны видеть камеры. Ты же видишь камеры и чувствуешь.*

– Поэтому мало записей со мной на YouTube, почти нет.

⊙ *Многие коллеги твои берутся за мемуары. Как, в принципе, относишься к этой теме?*

– Я не умею писать.

⊙ *Да, не все, Миш, кто издаёт мемуары, умеют писать, они, главное, умеют рассказывать.*

– Ну, так неудобняк. Я про себя не очень умею рассказывать. Это есть какой-то набор историй. Там их тридцать пять. Это у всех так. Тридцать пять – сорок историй. Когда ты неожиданно где-то вспоминаешь: «А вот ещё мы там ходили тогда в Сочи» или «А вот, помнится, я был в Германии». Ну, вот такие истории, они есть у всех. Ну, это такие сборники историй о, там, Несчастливцеве, там, о Счастливецеве. Ну, а самому писать, ну, я не знаю, наверное, ещё рано. Я всё-таки человек энергичный. И ещё чего-то я поделаю на сцене.

⊙ *Нет, ну вот Кончаловский свои знаменитые мемуары начал писать, как раз когда полвека отжил, и этот багаж нажитый он-то и стал описывать. Вот как ты относишься к жанру мемуаров?*

– Да относительно ко мне – никак. Я могу даже себе представить, как я уехал куда-нибудь, сел за письменный стол и стал писать. Но я уверен, что я напишу полстраницы или, там, лист, начну перечитывать, увижу, что мысль какая-то была, не вставил, а это вот плохо сформулировано и всё такое прочее.

⊙ *По-другому сформулирую. Дело не в технологии. Я пытаюсь понять твоё отношение: имеет*

ли право, допустим, такой человек, как ты, – с известной родословной, с насыщенной биографией (у тебя было много всяких приключений), – право на собственную биографию? Потому что масса людей, ну, я не знаю, допустим, Наташа Негода, ещё кто-нибудь, которые были задеифствованы так или иначе в твоей биографии, должны быть упомянуты в твоих мемуарах.

– Да нет, я думаю, нет. Во всяком случае, я бы не стал.

⊙ *А ты Кончаловского читал, его мемуары?*

– Да, я читал.

⊙ *С интересом?*

– Не могу сказать, что с огромным. Но читал.

⊙ *Осуждаешь?*

– Не осуждаю, но как-то странно мне. Да и кто я такой, чтобы осуждать Кончаловского? Андрей Сергеевич – великий кинорежиссёр.

⊙ *Понял. Хорошо, про режиссёра понял. Марка Рудинштейна ты читал, где, кстати, описаны и твои «кинотаврические» похождения?*

– Да, это я читал. Я читал, потому что это читали все. И то и другое. Ну, это некрасиво, конечно. Но это не моё дело.

Право на биографию

⊙ *Я беседовал с Андреем Васильевым – продюсером вашего совместного проекта «Господин хороший». И как у профи матёрого спросил, какой бы вопрос он – в качестве журналиста – задал Михаилу Ефремову, который персонифицирует этот проект.*

– Он на пенсии как журналист, я просто предупреждаю. Медиаменеджер прошлого десятилетия.

⊙ *Прошлого столетия даже, я сказал бы. Но с опытом. Опыт-то не пропьёшь. Так вот, такой вопрос на самом деле очень правильный: насчёт того, что не боишься ли ты, что настолько сольёшься с этим самым проектом, что перестанешь быть актёром, что тебя попросту перестанут приглашать режиссёры? Потому что бренд «Михаил Ефремов» будет ассоциироваться исключительно с «Господином хорошим», с «Гражданином поэтом». Не политическая мотивация здесь, нет, а вот просто приклеится к тебе вот эта вот маска.*

– Ну, «Гражданин поэт» же не приклеился.

⊙ *Фактически это ведь один и тот же проект.*

– Это разные проекты. Всё-таки больше от себя я работал в проекте «Гражданин поэт». Было больше, скажем так, интеллектуальной какой-то работы. А в «Господине хорошем» больше, скажу, хулиганства. И, что очень радует, много разных жанров и много разных персонажей. Помню, делали номер по жанру «Христарадина» от моего же имени, по поводу переаттестации артистов, поэтов, творческих профессий каждые пять лет.

Ну, я же вот там – один раз, а всё остальное-то я же – в разных персонажах. А если привыкну, ну, что поделаешь... Буду, значит, до гробовой доски господитьхорошить и гражданинпоэтить.

⊙ *Скажи, а тебе когда-нибудь предлагали те роли, которые ты не принимал нутром? Чувствовал, что это не твоё, но ты вписывался в них из-за денег, допустим? Или из-за возможности сняться у хорошего режиссёра?*

– Ну, скажем так, из-за денег вписываешься во всё. А хотел всегда сыграть такого брутального... Но это не моё совершенно. Я всё-таки шпентик как бы с детства. Всегда стоял в конце класса, ну, вот по росту.

⊙ *Да? Неужели? Какой у тебя сейчас рост, кстати?*

– Сто семьдесят пять. У меня и рост не маленький. Может быть, я какой-то невыдержанный, какой-то расхристанный, развинченный... Поэтому мне не удаётся. Но хотелось чего-то такого сурового, с малым движением. Я в каких-то фильмах, может быть, даже и пытался это делать. Но если мне сразу не говорят, что «ох!»... Хотя есть люди, которым те фильмы нравятся, но их не так много. Как, например, «День выборов» или «Бешеная балерина».

⊙ *Я думаю, это потому, что немножко ты сорентирован на свою микросреду, а не на массовую аудиторию. Вряд ли ты хорошо себе представляешь массового зрителя, понимаешь, что он любит, а что нет.*

– Почему? Я думаю, что массовый зритель любит всё хорошее. А всё плохое не любит. Как и любой.

⊙ *Ну а что это такое – хорошее?*

– А это уж как я сойду с о зрителем, как он меня прочувствует. И если у меня будет, как мне кажется, действие как учили, действие правильное, то всё остальное приложится: от себя пойду, как можно дальше по правильному действию, то всё будет хорошо.

⊙ *Сам в кино – в качестве зрителя – не очень ходишь?*

– Я в кино не очень хожу в последнее время, да и вообще... Ну как, я с детьми хожу. Но это тоже редко бывает, к сожалению.

⊙ *А почему? Внимание толпы?*

– Да нет. Кепочку можно надеть. Это не самая большая проблема в жизни. А потом, ещё же есть фишка с мобильным телефоном, когда ты всё время идёшь и как бы по телефону разговариваешь, и людям неудобно тебя отвлекать.

⊙ *Ну, Охлобыстину-то (он мне рассказывал) дети просто подарили курточку с таким огромным капюшоном, специально для походов в кино. А расскажи про детишек своих.*

– Хм, «детишек». У меня уже два взрослых дядьки старшие.

⊙ **Но всё равно же для тебя детишки. У тебя дочери же ещё?**

– Да, потом пошли дочери. Анна-Мария, Вера, Надя. И Боря, самый маленький, – Борис Михайлович.

НВ. Первенец Никита Ефремов (1988), от жены № 2 – в прошлом литературного редактора в московском театре «Современник» Асии Робертзовны Бикмухаметовой, ранее – второй жены Антона Табакова. Второй сын Николай Ефремов (1991), от третьей жены – народной артистки Российской Федерации Евгении Владимировны Добровольской; тоже актёр. Анна-Мария (2000) от жены № 4 Ксении Качалиной, актрисы, дебютировавшей в «первой ленте свободного российского кино» «Не-любовь» по сценарию Ренаты Литвиновой (1992). И трое (Вера, Надежда, Борис) от Софьи Кругликовой, звукорежиссёра, преподавателя Института современного искусства.

«У МЕНЯ
ВСЯ ЖИЗНЬ –
ЭТО КРИЗИС.
А КАК ИНАЧЕ?
ИНАЧЕ НЕИНТЕРЕСНО
ЖИТЬ!»

МИХАИЛ ЕФРЕМОВ

⊙ **Слушай, я даже не знал, что ты такой у нас многодетный. У вас с Охлобыстиным, значит, одинаковое число наследников?**

– Да, у меня шесть, и у него шесть, по-моему.

⊙ **Ух ты! То есть вы такие прямо реально многодетные, по-восточному! По три дочери, по три сына. Круто, завидую. Ну что сказать? Ты отец-герой. Вот как это называется.**

– Я думаю, всё-таки это Ваня отец-герой, потому что всё-таки все дети Ксюшины. А я всё-таки отец-героин, потому что от разных жён дети. От разных. От разных, но всех – любимых.

⊙ **Понятно. Ну, сыновья-то – они уже определились с выбором по жизни?**

– Сыновья да, по-моему. Ну, старший-то точно определился. У младшего могут быть ещё какие-то выборы. Но всё равно он снимается, понимает в этом что-то. Так что ему надо только образование настоящее получить.

⊙ **А надо ли?**

– Надо. Образование вообще надо. Потому что образование и воспитание – очень рядом. Чем больше образования, тем лучше: даже человек самовоспитывается как-то, может быть, от образования начинается. А с воспитанием и образованием, как раз вот с этим-то, и с культурой – вот с этим со всем у нас полный швах. Вот полный швах!

⊙ **Произнося «у нас», ты имеешь в виду своё семейство или говоришь о стране в целом?**

– Поскольку я «господин хороший», я говорю в целом о стране, конечно.

⊙ **Понятно. Давай закончим тему про наследниц, про девочек тогда. Они-то кем будут? Кем ты их видишь? Это будет шоу-бизнес?**

– Я не хочу говорить, куда именно пойдут, но я надеюсь, что они станут учёными, банкиршами.

⊙ **???**

– Я думаю, что банкиры и экономисты – тоже учёные всё-таки. Если бы все это понимали, как учёные, банкиры и экономисты, то, может быть, не было бы и кризисов. А так – ведь никто же не понимает ничего. И куда-то в разные стороны деньги зашвыривают, наверное. Но, с другой стороны, поскольку и Маша, и Вера, и Надя выходили на сцену, то я думаю, что они уже отравлены. Хотя надежда моя на то, что, может быть, Наденька будет танцевать, а Вера будет музыкантом. Такие надежды есть... Анна-Мария, она пишет. У неё увлечения писательские. Вера сквозь слёзы, но занимается на фортепиано.

⊙ **Почему «сквозь слёзы»? Заставляете?**

– Я нет. Но мама... Ну, не то что заставляет, но... заставляет.

⊙ **А тебя родители заставляли что-то делать?**

– У меня мама – демократичный человек. Она меня воспитывала так: иногда даст подзатыльник, но не более того, и то так просто, оттого, что у неё, может, настроение не очень. А так – она меня не отдала ни в музыку, ни в танцы. Была у них, впрочем, попытка, у родителей... Было у них желание, чтобы я выучил английский язык. Ну, чтобы быть человеком мира.

⊙ **Сниматься в Голливуде?**

– Сниматься в Голливуде. Ничего не вышло, хотя действительно я занимался класса, наверное, до четвёртого – до пятого. Помимо того, что в школе учил, ещё у меня был и преподаватель. И надо сказать, дней через пять – через шесть, когда за границей находишься и понимаешь, что надо уже что-то говорить, откуда-то всплывает чего-то.

⊙ **Маму упомянул, а папу нет. А я о чём подумал? Что ты и Антон Табаков удивительным образом похожи на своих знаменитых отцов внешне.**

– Ну, я думаю, не только мы с Антоном. Я думаю, ещё масса есть примеров. Если даже из артистов: у Киру Козакова назову – тоже очень-очень.

☉ *Пожож, да. Но всё-таки не в такой степени, в какой ты на своего – Олега Ефремова.*

– Мне очень сложно себя со стороны оценивать. Я знаю, что с детства, лет с тринадцати-четырнадцати, у меня получалось показывать папу. Я даже где-то показывал Олега Николаевича. Я помню, что он, когда первый раз стал его показывать (это как раз была первая свадьба Антона), он там чего-то смеялся, потом говорит: «А кто это?» То есть я понял, что со стороны человеку очень трудно себя увидеть. И вот уже давно его с нами нет, но вот это иногда во мне. Чувствую.

☉ *Скажи, смотрят дети твои фильмы с участием дедушки?*

– Ну, «Айболит-66», конечно, смотрели. «Король-олень» мама показывает. Но сейчас же дети... ну, надо им вкачать в iPad'ы – это называется. Они же другая эпоха.

☉ *Скажи, а твой основной проект они отсатривали – «Господин хороший»?*

– Сыновья отсатривали. Но они туда и приходили, на выступления. У нас была такая задумка – вызвать детей.

☉ *На сцену?*

– Нет, не на сцену. В проект «Господин хороший». Там они у нас сидели за столиком и отвечали на каверзные вопросы своих родителей. Но так, смотрят ли – я, честно говоря, не знаю.

Никита играл вместе со своей бабушкой, с моей мамой. Очень интересная пьеса «4000 миль» американского драматурга (Эми Герцог. – Прим. авт.). Они репетировали это всё в театре «Современник», на другой сцене, на Малой. Режиссёр Михаил Али-Хусейн. Пьеса очень интересная.

☉ *А как-то в семье обсуждали проект «Господин хороший»? Поскольку он, в общем-то, ну, то, что называется злободневный, актуальный. Или вы про работу не разговариваете в семье?*

– Ну как? Я не думаю, чтобы Олег Николаевич это обсуждал. «Хулиганы, – сказал бы, – дураки вы все». А маме я звонил после каждого эфира. Она мне говорит что и как. Она же переживает, она очень сильно переживает. Когда мы давным-давно вместе репетировали спектакль «Привидение» в театре «Современник» (и у неё главная роль, ну и у меня тоже), она настолько нервничала, как сыграв я, что практически забыла о себе.

☉ *Ну, то есть она тебя консультирует исключительно по профессии? То есть политические аспекты вы не обсуждаете?*

– Как не обсуждаем? Она позвонила Андрею Васильеву, когда начался ещё «Гражданин поэт»: «Андрей, а Мишу не посадят?» На что «Вася» сказал: «А кто же его посадит-то? Он же Лермонтов».

☉ *Отлично!*

– Это действительно у неё есть. Она же всё-таки «шестидесятник» настоящий. У неё подруга Лия Меджидовна Ахеджакова. С подачи мамы моей

я пошёл на суд над Ходорковским. Потому что она туда ходила и говорит, мол, ты знаешь, это историческое дело, это надо посмотреть, чтобы понять машину, которая снова, ну, как бы возникла.

НВ. Мишина мама, актриса, театральный педагог Алла Покровская, – из заслуженной театральной семьи. Дед Михаила по материнской линии – прославленный оперный режиссёр Борис Покровский, а бабушка Анна Некрасова – режиссёр Центрального детского театра.

☉ *А как ты считаешь, богема всегда настроена на фронду?*

– Это вот то, что я говорил об образовании и воспитании. Чем больше начинаешь образовываться, тем более сложно всё воспринимаешь. А когда воспринимаешь всё сложно, мир для тебя не чёрно-белый, а какой-то сложный, филоновский, скажем, то, конечно, ты не будешь радоваться тому, что видишь в простых каких-то таких и достаточно подлых делах, которые творит власть в любой стране и в любое время. Это у неё такая обязанность – вредить людям.

☉ *Везде и всегда так было.*

– Да-да, я это прекрасно понимаю.

☉ *Тем не менее мне кажется, что у нас многие люди из твоей, скажем, среды, из среды богемы, они, если, допустим, думают иначе, не в основном тренде, в оппозиционном, они даже не решаются эти вещи озвучивать, потому что среда их будет осуждать. У тебя нет такого ощущения?*

– Не знаю, нет. Назови хоть кого-нибудь.

☉ *Ну что же я человека буду компрометировать?*

– А я начинаю думать и не вижу, не могу сказать. Для меня Федя Бондарчук не перестал быть братским сердцем. Совершенно нет. Сан Саныч Карелин – прекрасный, и Слава Фетисов. Прекрасные спортсмены. И я горд, что я с ними знаком. И они не перестают быть друзьями оттого, что они при власти и всё такое. Я понимаю, что, если мы сядем и начнём говорить об этом с ними, мы, может быть, и не найдём точек соприкосновения. Но я не думаю, что мы уж такие дураки, чтобы по поводу политики разойтись. Это как в спектакле «Так победим!», который когда-то поставил Олег Николаевич Ефремов, и пришло всё Политбюро ЦК КПСС на этот спектакль. Там Ленин как раз говорил кому-то из левых эсеров: «Если я рву политически, я рву и лично».

☉ *Театром эстрады, где вы, кстати, выступали с «Господином хорошим», руководит доверенное лицо Путина, общественный деятель Геннадий Викторович Хазанов. Это тоже к нашему разговору о политических каких-то разногласиях.*

– Но это же, по-моему, детство уже.

⊙ **Не знаю, Васильев в разговоре со мной всё время пытался вывести на тему, что на самом деле «Господин хороший» – такой пропутинский проект.**

– Конечно, конечно, конечно.

⊙ **Что он, мол, тайно спонсируется Путиным.**

– Мы идём – это старый театральный ход, – идём от обратного.

Ход от обратного

⊙ **Скажи, ты спорт упомянул. Ты любишь спорт?**

– Я болел. Я играл раньше в футбол немножко даже. Ну, как играл? По субботам с пацанами.

⊙ **А-а, в этом смысле?**

– В этом смысле.

⊙ **Просто ты ведь, помню, ездил в Лондон, смотреть игру.**

– Ну, это вышла оказия. Как не поехать?

⊙ **Что за оказия, расскажи.**

– Оказия? Это Андрей Витальевич Васильев, который отдал туда учиться свою дочь Варю. И у него там есть место, где можно тормознуться, что называется.

⊙ **В городе Лондонске?**

– Да. Потом с Никитой Владимировичем Высоцким мы подумали, что давненько мы не зажигали. И поехали в Лондон. Дней на пять. Там пьётся по-другому. Мы там день рождения мой отпраздновали. Там была Галина Борисовна Волчек, с которой мы встретились в ложе на футболе «Челси» – «Манчестер». «Манчестер» проиграл 1:0. Ну, это было несколько лет назад. Это не сейчас. Это не недавняя история. Просто тогда я был второй раз в Лондоне. Тогда мы были с Никитой такие абсолютные «мы же свободные!», хотим – туда идём, хотим – сюда. Нам не надо куда-то там спешить. Ну, не по делу были, а вот так, отдохнуть. В этом смысле это здорово.

⊙ **А у тебя вообще плотный график?**

– Да.

⊙ **То есть ты занят без выходных?**

– Сейчас совсем стало тяжело выкраивать где-нибудь неделю, чтобы уехать. Когда остаётся на неделе три-четыре дня. И куда их деть? На то, чтобы в кино пойти, или на то, чтобы в театр, или на то, чтобы поехать куда-то чего-нибудь где-нибудь «срубить», или всё-таки отдохнуть?

⊙ **И выбор всегда делается...**

– И выбор – на «рубку леса».

⊙ **Да, помню твоё замечательное: «Мы – люди честные, наша главная задача – в том, чтобы зрители не скучали. Наша сила в правде, и наша триада – свобода, любовь и бабло – продолжает действовать на народное благо».**

PS. Трудно расти в тени больших деревьев. Не просто, родившись в семье знаменитостей, доказать, что ты чего-то стоишь. Но, с другой

стороны, ты уже заведомо позиционирован среди великих, что, конечно же, придаёт объём любому действию. Не говоря уже о том, что культурный багаж семейного происхождения бесценен по определению и ни с каким официальным образованием не сравним. Конечно, многие именитые отпрыски актёрских фамилий становятся тупиком гениальности, но не всегда. Бывают и продолжатели традиций, прокладывающие культурный мост между прошлым и будущим.

Миша является ярким представителем актёрской династии и по всем параметрам попадает в категорию «плывущих по течению». Он обладает бесспорными способностями в той сфере, где преуспели его звёздные родители, он органично вписан в среду, его породившую, и унаследовал от отца способность при этом быть «своим» и для массовой аудитории. И если Олегович не создал образ «нашего современника» (что Ефремову-старшему однозначно удалось), то не в силу отсутствия таланта, а в силу несовпадения со временем.

Михаил Ефремов – непобедимый герой эпизода, мастер ироничной миниатюры, эмоциональный и открытый человек, что считается зрителем, но день сегодняшний для мужских характеров сложен как никогда. Не то, что рассчитывать, но даже предугадать, какой мужской типаж может стать «культовым», не представляется возможным.

Поколение отцов нынешних пятидесятилетних актёров создало целую палитру мужских типажей, и Олег Ефремов вместе с Алексеем Баталовым возглавили список «настоящих мужчин» эпохи. А поколение их детей не особо преуспело в этом. Событию, за весь постсоветский период у нас случилось всего один «герой», и это был «Брат» Сергея Бодрова.

Судьба обрекает талантливого актёра «переходного» в культурном отношении периода на эпизод, красивое украшение полотна, которое целиком и не увидать. Недаром именно Михаил сыграл один из самых ярких образов в экранизации «Поколения П». Он сам часть поколения, которое уйдёт, не оставив следов, но порадовав современников. В определённом смысле Михаил Олегович продолжил скорее традицию Ширвиндта с Державиным, мастеров сатирического эпизода, но точно не тех, кто совпал с эпохой в ощущении «высоких чувств».

Говоря о Ефремове как о культурной единице, нельзя не вспомнить о его многодетности и о том, что Никита Ефремов уже сейчас подаёт серьёзную заявку на востребованный сегодняшними молодыми мужской характер. Жизнь перетекает из поколения в поколение, и можно с уверенностью сказать, что свой багаж Михаил Ефремов, не растеряв, а приумножив, успешно передал по наследству. ⊙



Никита Ефремов:

– Разные хорошие писатели, тот же Тургенев, писали о проблеме отцов и детей. Наверное, она существует. Но что-то не верю я в то, что это природный такой закон: мол, рано или поздно между родителями и взрослыми детьми обязательно возникает напряжение и непонимание. Я больше склоняюсь к тому, что этим стереотипом люди просто оправдывают недостаток доброты. По-моему, будут конфликты или нет, зависит от того, как себя ведут родители и дети. Это же двусторонняя история, верно? Но одной доброты, чтобы их избежать, мне кажется, мало. Особенно в современном мире, в котором очень всё ускорилося. Мы сегодня успеваем за день переделать множество дел, а на то, чтобы проанализировать их, времени не хватает. И поступки близкого человека, его слова, его настроение тоже не успеваем проанализировать. Вот и сталкиваемся лбами. Наверное, так было всегда, а теперь ещё больше усугубилось.

У нас с отцом тоже бывали столкновения. Но вот такого, чтобы конфликт грозил закончиться разрывом отношений, к счастью, не случилось. При том, что ни я, ни отец никогда не старались как-то целенаправленно поддерживать, укреплять наши отношения. Всё складывалось так, как складывалось. И спорим, и ссоримся, и скажу вам, что это иногда даже больше сближает, чем полное единодушие по всем вопросам.

Надо сказать, что мы с отцом скорее друзья, чем в классическом понимании «отец и сын». Во всяком случае, назидательность в наших отношениях начисто отсутствует. В них больше иронии и самоиронии. Но когда отцу нужно что-то мне такое «родительское» сказать, он, конечно, скажет. Хотя, скрывать не буду, главный человек, который меня воспитывал, много в меня вложил, – это мама. Она филолог, большой знаток музыки, театра. В пору моего детства отец на меня влиял куда меньше. Мы и виделись нечасто. Но, мне кажется, это ничуть не помешало нам стать близкими людьми. Родителей и детей делают чужими какие-то совсем другие вещи.

Разумеется, у каждого поколения своя интонация. Вот девянностым годам, когда папа был молодой, была свойственна интонация такого стёба, ёрничества. Мы же поколение информационного бума: выбирай что хочешь – любую книжку, любой фильм в Интернете. И говори что хочешь. Мир открыт, и возможностей больше. Поэтому и интонация такая – напрямую, открытая. Но при

этом я абсолютно нормально «считаваю» и папины шутки. Его «Гражданин поэт» мне очень даже понятен...

Мои дед и отец – истинные, природные лицедеи. Отец даже говорит, что для Олега Николаевича театр был важнее жизни. Я в этом смысле не в деда. Мне кажется, театр – это не жизнь в полном её понимании. Мне, например, не хотелось бы ради театра жертвовать общением с будущими детьми, жертвовать семьёй. Но – говорю так, а вдруг получится по-другому? Поэтому – что загадывать наперёд? Мне было двенадцать лет, когда не стало Олега Николаевича. Помню, за неделю до его смерти нас, внуков, привели в его квартиру на Тверской. Видимо, чувствовали, что надо проститься. Но я его не воспринимал как дедушку. Для меня дедушкой был мамин папа, с которым я вырос, профессор филологии Роберт Бикмухаметов. Он переводил Мусу Джалиля, огромный вклад внёс в нашу культуру. И больше помню прадеда – Бориса Александровича Покровского. Как сидел с ним в ложе на «Хованщине» между Ростроповичем и Вишневецкой. Спектакль шёл четыре часа, и я мало что понимал – и в опере, и в своих соседях. Но ощущение восторга и тайны помню до сих пор.

...Мне было семнадцать лет, когда я поступил в Школу-студию МХАТ и, к слову, ещё не был так похож на Олега Николаевича, как (часто это слышу) похож сейчас. Тогда это точно никакой роли не играло. К тому же поступал я к Константину Аркадьевичу Райкину, которого сложно удивить родственными отношениями. Но вот после окончания училища меня брали практически во все театры, в которых я показывался. Я даже расстроился: получается, раз Ефремов, то дорога открыта? И тогда решил: пойду в свой родной «Современник».

Конечно, я советуюсь с отцом. Но он никогда не учит «как надо жить», скорее задаёт наводящие вопросы – и ситуация, уже благодаря этому, проясняется. То есть он уходит от прямых ответов: мол, поступай так, и не иначе. Он направляет – чтобы я сам нашёл решение, чтобы у меня самого мозги работали.

Хвалит ли меня отец? Хвалит. Когда есть за что хвалить. А если что-то не получается, говорит: «Всё будет в обмен на молодость».

Мой дед, Олег Николаевич Ефремов, оставил отцу такую жизненную установку: «Не спеши!» Мне же от отца досталось другое правило: «Больше молчи!» Не хочется нарушать семейную традицию. Вот думаю, что бы такое оставить своему сыну, который, надеюсь, когда-нибудь да появится? Может быть – «Слушай!»? Молчать и слушать – ведь разные вещи? Но это – исходя из моего сегодняшнего опыта. Может быть, с годами что-то изменится... ☺

Кулаком В ЖИВОТ

Целые взводы, роты, полки врачей каждый год выпускают медицинские институты нашей страны. Чеканя шаг, побатальонно, держа равнение на мавзолей Гиппократа, они стройными рядами выходят на равнину жизни со шприцами наперевес и... пропадают где-то в тумане. Хорошего врача не найдёшь! И спрашивается, что тогда делать?.. Слушайте, я знаю ответ на вопрос

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Заняв оборону в районных поликлиниках, воины добра и света в белых халатах днём и ночью отстреливаются очередями таблеток от качающихся, но неустанно наступающих на них пенсионеров с палками. Бои идут с переменным успехом, но линия фронта не меняется – болезни не отступают! Уносятся в крематорий одна волна пенсионеров, им на смену заступает другая, а на их горбах незримо выплывают наездники-призраки – Гипертония, Невралгия, Нефропатия и сотни других богинь возмездия за несправедно прожитую жизнь. Шрапнель таблеток выкашивает только наступающих, а призракам вреда причинить не в состоянии.

– Не ходи в поликлинику, – сказал мне мой бывший коллега. – Поликлиника – это кладбище врачей, фигурально выражаясь. Ищи настоящего специалиста, редкого, как бриллиант. Я вот лечил годами больную спину с грыжами, таблетки горстями ел, и только хуже становилось. А потом мне посоветовали в Тамбове одного народного костоправа, и он мне за два сеанса всё сделал.

Так бывает. Казалось бы, в поликлинике сидят дипломированные люди, сдавшие в институте все предметы на хорошие оценки, не ниже «удовлетворительно», и лечат вроде правильно – по инструкциям Минздрава, ничуть не отклоняясь, – а вылечить всё равно не могут. Человек приходит к ним с гипертонией, кушает таблетки от гипертонии и умирает от гипертонии, освобождая место для

следующего. А с другой стороны, есть где-то целитель вовсе без медицинского образования, который чувствует человеческое тело, как Паганини скрипку. И к нему не зарастает народная тропа.

Таков, например, Александр Огулов, очередь на приём к которому – на полгода вперёд. И это без всякой рекламы, ибо из уст в уста передаётся молва о том, что он не только лечит, но и излечивает. Тем более что лечит Огулов совершенно необычно – так, как никто этого не делает: он пальпирует и разминает кулаком живот, массируя таким образом внутренние органы человека. И даже дипломированных врачей учит – и в России, и за рубежом лекции им читает. А доктора старательно записывают за Огуловым то, чего им в медвузах не рассказывали.

Меня, как очевидца эпохи и писца её с натуры, одно лишь в Огулове не устраивает – он в институте всё же таки изучал анатомию, физиологию и прочую человечью подноготную и оттого на роль эскулапа от сохи не совсем подходит. Зато ручки у него пролетарские – здоровенные! И ножищи! Потому что Огулов – бывший спортсмен. Борец за народное счастье по системе дзюдо. А первым его учителем в области врачевания был зек, свои целительские университеты полжизни постигавший на нарах. Впрочем, не будем спешить. Разговор за жизнь всегда длинный, а первый вопрос всегда короткий...



⊙ **Как вы дошли до жизни такой – живым людям в живот кулаком тычете?**

– Я и думать не думал, что буду лечить людей, да ещё таким странным способом. Моё первое образование – техническое: электрооборудование промпредприятий. А параллельно я тренировался, был мастером спорта по самбо и дзюдо, призёром первенства России. И решил пойти именно по этой стезе – поступил в институт физкультуры (МОГИФК). Правда, потом, уже после того, как занялся целительством, закончил ещё медучилище – только для того, чтобы на вопрос, есть ли у меня медицинское образование, гордо отвечать: «Есть!» Хотя, если честно, оно мне было не нужно: цикл анатомии у нас в физкультурном институте, например, по часам превышал тот курс, который дают в медицинском училище. А толчком к тому, что я сейчас делаю, послужила одна странная история. Все спортсмены периодически травмируются. Ну, вот и я однажды травмировался и на время перестал заниматься. А был я тогда начальником детского-юношеского спортивного комплекса. И в этот период ко мне пришёл один приятель со своим знакомым. У них была с собой бутылка водки, которую они планировали употребить внутрь. И чтобы они сделали это культурно, я пригласил их в свой кабинет и даже выставил на стол тушёнку для ещё большего очеловечивания процесса.

Они пили, а я сидел рядом и поддерживал беседу. Оказалось, знакомец моего приятеля – бывший заключённый, просидевший двадцать лет в тюрьме. Считаю, вся сознательная жизнь там прошла. Он уже нормальными словами и говорить-то не мог – только по фене ботал. И вот, проникшись моим гостеприимством, этот человек сказал: «Хочешь, я тебе кое-что покажу? Ложись на кушетку».

Я лёг. Он начал мять мне живот. И вот что странно... Я ведь мастер спорта, тренируемый, легко двадцать раз подтягивался, здоровый должен быть. Но куда он мне в живот ни ткнёт – у меня везде болит! Я это отнёс на тренировки, хотя умом понимал, что такого быть не может – мышцы у меня болеть не должны: я уже месяц не тренируюсь. И всё-таки говорю ему: «Ну, это, наверное, у всех так. Всё-таки живот, потроха...»

Он тогда выглянул из кабинета, пацана какого-то взял, положил, начал ему живот проминать. «Больно?» – «Нет». – «А тут?» – «Нет». «Видишь, – говорит, – у него не болит. А у тебя почему болит? Ты такой сильный, такой грамотный. А всё болит!» Я задумался. Так-то я хожу, ничего не чувствую, думаю, что всё нормально. А чуть надавишь – болит!

И после этого он особым образом промял мне живот, все больные места. И боль сразу прошла! Это меня не на шутку зацепило. Что за чёрт?! Я начал на пацанах своей школы пробовать. Одному щупаешь живот – не болит. Другому нажи-

маешь – болит. А потом поддавливаешь – и боль проходит. Чудеса.

⊙ **Что значит «поддавливаешь»?**

– Надавливаешь с определённым усилием на область боли – и боль исчезает. Орган был спазмирован гладкой мускулатурой. На него надавливаешь, выдавливая застойную кровь, отпускаешь, и орган, как губка, в себя всасывает свежую кровь, и боль проходит. Это я сейчас понимаю, когда создана теория. А тогда было непонятно и интересно.

Я начал экспериментировать. Кому-то в команде спину защемило или шея не поворачивается, а разомнёшь ему живот, и шею почему-то отпускает, спина проходит... Причём я в то время увлекался ещё гипнозом и довольно легко вводил спортсменов в трансовые состояния. И стал сравнивать – можно под гипнозом внушить человеку, что у него живот не болит, и он перестанет боль чувствовать, но ведь проблема-то никуда не уйдёт!.. А можно продать живот, и проблема уйдёт сама. И больше не возвращается.

Прослышав о моих способностях, меня звали поработать с одной футбольной командой. Что такое футбол? Это постоянные проблемы с суставами. А я своей методой большую часть этих проблем убрал. Главная заноза футбола как спорта в том, что к концу сезона обычно уже никому играть – все игроки травмированы. А у меня те игроки, кому я начал поддавливать животы, вдруг перестали вообще травмироваться. Это меня самого удивляло. Почему так происходит? Я начал копать, искать литературу. И первая основательная книга, которая мне что-то прояснила, была работа Хаустона «Acupuncture without needles» – «Акупунктура без иголок». После её прочтения у меня начало что-то брезжить в голове. Я стал связывать в голове собственную практику и знание анатомии: ага, тут нажал – там прошло.

Потом были работы Токуиро Намикоши, японского специалиста по шиацу – это, если вы знаете, такая терапия надавливанием пальцами на активные точки. Намикоши даёт картинку лица с отображением на нём внутренних органов человека. Но, как выяснилось позже, Намикоши не знал живота, поэтому картинку представительных зон дал с большими ошибками. Я его работу перевернул, эти ошибки исправил и дал совсем другую картинку. И именно мои схемы продаются теперь в Германии как наиболее точные.

Сейчас, зная прекрасно живот, понимая, где какая плотность должна быть при надавливании, я вижу, в каком состоянии у человека, например, передне-ободочная кишка и как её состояние отражается на лице. Вообще, по лицу человека можно весь его диагноз прописать!

⊙ **К лицу мы ещё вернёмся. А пока я не очень понял, кем вы в футбольной команде-то были? Не врач ведь.**

– Специалист по оздоровлению. А как ещё называть? И не врач, и не тренер, но отвечал за состояние команды. При мне врачу в команде было просто нечего делать, все его функции выполнял я. Локоть у кого-то заболел или плечо, я пришёл: ага, локоть, если это правая рука, представительство печеночного угла восходящей толстой кишки. Размял кишку в области печени – локоть прошёл.

Шею тянет? Размял почку – напряжение с мышц шеи ушло, потому что именно спазм почек даёт напряжение в шее. Выбежал футболист на поле и вдруг упал. Что такое? Колено неожиданно заболело буквально на ровном месте. Начинаю проминать, массировать желчный пузырь – колено проходит. Вот вам суть рефлексотерапии: спазм желчевыводящих путей даёт отток желчи и суставы становятся сухими, поскольку напрямую зависят от желчи. Кто в современной спортивной медицине об этом знает? А я вам говорю как бывший спортсмен, что все травмы происходят в начале соревнований. Когда же человек разогрелся, сфинктер желчевыводящих путей открылся, желчь начинает истекать – и травм нет.

Но все эти знания у меня тоже возникали не сразу. Футбольная команда разделилась на две части – кому-то моя «животная терапия» помогала, а кому-то становилось только хуже, поскольку я тогда не все тонкости ещё понимал. Не знал, например, что перестимуляция живота может привести к такому расстройству, что человека неделю нести будет. Или, наоборот, запор мог приключиться. Опыт приходил с практикой.

Постепенно разошлась молва, и ко мне пошёл поток людей с улицы. Потому как медицина что тогда у нас была никакая, что сейчас никакая.

☉ **Так вы стали знаменитым в народе специалистом по животу – животологом.**

– Вот смеяться не нужно. Равно как и недооценивать роль живота. Живот – это наш второй мозг. Там сто миллионов нейронов.

☉ **Что они там делают?**

– Выстилают стенки кишечника. В стадии эмбриогенеза мы проходим все этапы эволюции – у человеческого зародыша есть жаберные щели, хвостик... Когда-то, на заре эволюции, когда мозга ещё не было, управлять телом всё равно было надо. И это осуществлялось нейронами, расположенными в теле. Так по сию пору работают кольчатые черви. И у нас эти телесные нейроны остались. Я их называю «брюшной мозг»...

Вообще, если уж на то пошло, все внутренние органы человека отражают разные человеческие качества – гнев, страх. Не зря же говорят «желчный человек». Это всё в животе, все наши эмоции! А в голове у нас только «я». Поэтому, когда приводишь в порядок живот, каждый раз с изумлением наблюдаешь, как меняется психотип человека. Печень, например, – это злость. Но её уравни-

вает желчный пузырь. И если система не уравновешена, какие-то качества начинают преобладать. По лицу, по характеру человека все его диагнозы видны! И никакими таблетками человека никогда не вылечишь, потому что в основе любой патологии – нарушения микроциркуляции крови и лимфы. Но достаточно выдавить из органа застаившуюся кровь, как приходит свежая, и причина болезни исчезает.

☉ **Ага. На Святую Таблетку наехали! Чувствую, с официальной медициной у вас отношения сложные...**

– Конечно. Они в ужасе от того, что я делаю! «Ты что! В живот руками лезешь! Повредишь чего-нибудь! Селезёнку порвёшь!..» Но я же не первый, кто этим начал заниматься. Как оказалось, обдавливание живота – это старинная русская практика, староверы её хорошо знают. Я вам одну историю расскажу.

Как-то во время столкновения на поле одному игроку в нашей команде повредили коленную чашечку, мышца бедра сократилась, и оторванный надколенник (это кость такая) ушёл вслед за мышцей вверх. Нога раздулась, отекала. Срочно на операцию! А футболист вдруг запротестовал: «Везите к бабке!» – «Да какая бабка, тебя срочно на стол класть надо!» – «Нет, только к бабке!..»

Ладно, решили завезти его к этой бабке, раз всё равно по пути. И что вы думаете? Эта бабка нагрела красный кирпич, замотала его в сырое полотенце и приложила к бедру. И по мере остывания кирпича снимала с него один слой мокрого полотенца за другим. Мы с врачом команды переглянулись, потому как известно, что при травмах и отёках тепло ни в коем случае нельзя прикладывать, только холод!

Мышца ноги, между тем, разогрелась до красноты, бабка намылила её хозяйственным мылом и начала гладить, расслабляя сокращённую мышцу. Сначала было больно, но после того, как застоявшаяся кровь начала уходить, ушёл и отёк. И вскоре бабка поставила оторванный надколенник на место, привязала к ноге палку, зафиксировала и сказала: «Через три дня придёшь...»

Мы с доктором снова переглянулись: везти его теперь в операционную или нет? Дело в том, что свежие надрывы, если вовремя их совместить и зафиксировать, срастаются. В этом случае так и вышло.

И я стал ходить к этой бабуле, смотреть, что она делает. Тем более что перед нашим футболистом она как раз живот очередному пациенту массирила. На этой почве мы и сошлись, я объяснил, что тоже разминаю живот, а она улыбнулась: «У тебя обострений не бывает?» Я признался, что бывают – часть команды мой массаж любит, а часть категорически от него отказывается. И она меня стала учить: «Тут надо вот так нажать, а здесь то-то сде-

лать...» Я зарисовывал, записывал, потом приходил домой и, зная анатомию, сопоставлял и осмысливал, что она на самом деле делала, на что и каким образом воздействовала. Ага, здесь луковица двенадцатиперстной кишки, если её расслабить, спазм уходит – что ж, логично...

Мы с ней много разговаривали. Оказалось, у неё это наследственное. Её бабушка тем же самым занималась и во время войны работала в госпитале, ставила солдатам животы, выстукивала голову, убирала вывихи. Врачи закрывали на это глаза, потому что не до того было – поток раненых шёл огромный, а она всё-таки помогала... И вот эта женщина стала для меня настоящей школой! Я видел, что она делает руками, и просто поражался.

Она брала даже психически больных. Я сам наблюдал, как она заговаривала одного невменяемого. Она над ним Псалтырь читала, а тот выл и корчился, как будто из него бесы лезли, у него менялось лицо, оскал. Причём бабка не текст из книжки наговаривала! Она читала нараспев только ударные гласные слова, отчего получалось нечто вроде горлового пения.

☉ **Шаманы так делают. Известная практика введения в транс. Думаю, если бы таким образом бабка читала «Историю КПСС», был бы тот же результат – из психа полезли бы в корчах бесы капитализма и эксплуатации человека.**

– Может быть. Но когда она читала, я смотрел, как корёжит и корчит сумасшедшего, и сам чуть в это состояние не вошёл. Со мной тоже начало что-то происходить, и не только со мной – всех, кто за этой картиной наблюдал, трясло. Я вообще по жизни и советской биографии был человек ни во что не верящий, но эта женщина меня сделала если и не верующим, то сомневающимся.

...А потом настала перестройка, прежние социальные схемы перестали работать, надо было кормить семью, и я попал на Метрострой массажистом. Сразу пошёл поток народа. Я один давал больше дохода, чем весь оздоровительный комплекс! Вот там у меня впервые количество опыта и знаний переросло в качество и вызрело новое видение. Так сказать, родилась «математическая модель развития патологий» – схема внутренних взаимодействий.

Я вижу, на каком этапе болезни находится человек. Что это значит? На этапе недостаточной функции почек должно быть с зубами плохо или с простатой. У одного это проявляется ярче, у другого мягче, потому что все люди анатомически и психофизиологически отличаются. Сангвиник, холерик, меланхолик – это всё разные организмы, разные типы мышц, – у одного преимущественно белые мышцы-анаэробы, рассчитанные на рывок, у другого больше красных мышечных волокон, он хорошо работает на выносливость и может, как

китаец, целый день киркой тюкать. У сангвиника же на тупой конвейерной работе просто крыша съедет.

А вы знаете, кто в животе является дирижёром всех процессов? Желчный пузырь! Формирование рН-среды в кишке зависит от желчи. Желчь активизирует ферменты поджелудочной и моторику кишечника, отвечает за синовиальную жидкость в суставах. Если у вас суставы хрустят, проверьте желчный пузырь. А кто об этом пишет? И в медвузах этому не учат. Хотя все врачи знают, что желчь прикладывают к больным суставам! Но совместить это в головах врачей не получается – что при больных суставах нужно не снаружи к ним желчь прикладывать, а изнутри – заниматься желчным пузырём.

☉ **Стоп. Если об этом нигде не пишут, вы откуда это знаете?**

– Всегда кто-то должен что-то написать первым – чтобы было у кого переписывать. Знаете, когда много работаешь с материалом, возникает озарения – это когда подсознание помимо воли отмечает некие закономерности и однажды вдруг выбрасывает их в сознание, где они всплывают ярким пузырём понимания.

Недуг в организме развивается постепенно. После функционального расстройства желчного пузыря дисфункция передаётся печени, затем поджелудочной железе, почкам. Появляются внешние признаки – напряжение в основании шеи, сухие локти, щелчки в суставах и боль в икроножной мышце. Постепенное обрушение организма напоминает эстафету, где органы один за другим передают эстафетную палочку болезни друг другу, но сами при этом не останавливаются, а продолжают бежать на износ. Вот у вас, например, снижена функция левой почки – на поясище возникает напряжённая мышечная ткань, на шее с левой стороны такая же, в грудном отделе слева тоже напряжение, за счёт чего идёт ущемление 2-й ножки пучка Гисса и появление нарушения ритма сердца!

☉ **Приятно слышать. А что ещё можно сказать по внешнему виду?**

– Много. Запредельный уровень сахара можно определить по цвету слизистой губ. Если за линией соприкосновения губ слизистая сильно контрастирует по цвету с наружной стороной губы, значит, сахара повышены. Синюшный подбородок – аденнома простаты.

По языку, по ушам, по глазам всё считывается. Жёлтый налёт на языке – интоксикация желчью. Поперечные разломы – склонность к инсультам и инфарктам. Отпечатки зубов на языке – стрессы и проблемы с желудком.

Танцуешь с девушкой, она на тебя глазёнки вытаращила, а ты ей говоришь: «У тебя камень в левой почке». По глазам это видно – на радужной оболочке появляется небольшое пятнышко. Если губа

верхняя у человека морщится – знаете, вертикальные такие морщинки появляются, – значит, у него в организме дефицит белка.

☉ **Тяжело вам живётся! В гости приходите, а кругом одни больные. У кого камень, у кого диабет, у кого чего... А почему организм выдаёт такие странные внешние признаки в ответ на внутренние неполадки?**

– Рефлексия. Так уж устроен человек, он весь взаимосвязан... В общем, я увлёкся этим делом не на шутку и стал пользоваться успехом в разных кругах. Однажды меня даже попросили ввести эту тему – проминание живота – в армии. Обучить спецназовцев самомассажу, у них ведь во время рейдов врача нет, а стресс и страх есть. Страх сгущает кровь, забиваются мелкие сосуды, и органы перестают нормально функционировать.

☉ **А куда девается вода из крови, почему она вдруг сгущается?**

– Стресс – это изменение гуморального фактора, то есть гормонального фона. Тот же адреналин сначала мобилизует, но, если он слишком долго находится в крови, идёт резкое снижение тонуса – расслабляется всё, включая магистральные сосуды, оплетённые гладкой мускулатурой. Откуда у нас ишемия брюшной части аорты или сердца? Из-за

постоянного стресса! Гладкая мускулатура сосудов расслабляется настолько, что плазма крови протекает в брюшину. Организм это «видит», поднимает холестерин и начинает срочно заклеивать им дырки – стенки сосудов. А вместе с дырками заклеиваются мягкие сосуды, слабеет левая почка...

В общем, методичку я им написал, а потом по результатам этой методички сделал свою первую книгу – «Висцеральная хиропрактика старорусской медицины», поскольку все эти почти утраченные практики были мною тщательно собраны. А началось всё с той самой бабки на станции Белый Уголь, куда с врачом команды мы привезли травмированного футболиста. Потом были встречи с сибирскими староверами. И не только с сибирскими! Самое большое удивление постигло меня в Канаде, на одной из конференций, где я встретился с русскими староверами. У них жил старый знахарь, который занимался животом, поэтому люди этого посёлка современной медициной вообще не пользовались. И когда знахарь умер, посёлок остался без медицинской помощи, то есть наедине с современной медициной, которая ничего не лечит. Поэтому из посёлка мне прислали молодого врача, чтобы я его научил продавливать живот и спасать людей. За пару недель я его там

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Экстренная профилактика
и лечение **ГРИППА и ОРВИ**
даже для
будущих мам и малышей
с первых дней жизни



БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firn.m



немного натаскал. Он ходил, наблюдал, языком цокал: для него это было невиданно – как это так, без лекарств лечить?

☉ **А мне представляется странным другое – ждать исцеления от таблетки. Ведь болезнь по-прежнему не оттого, что в организме не хватало веществ, которые находятся в этой таблетке!**

– Конечно. Вот вчера ездил к мужику. Он лечился в Израиле, где ему от болей начали наркотики совать, сделали наркозависимым, не может теперь слезть. У него онкопроцесс был, ему стали делать химиотерапию – одну, вторую, и на второй химии ему парализовало руку и ногу. А ему говорят: готовьте деньги вперёд на следующие три курса химиотерапии. «Какая химия! – Он кричит. – У меня рука и нога отнялись!» И прав ведь был: следующая химия его бы убила.

☉ **Не хотите ли вы сказать, что лечите рак?**

– У нас нет лицензии на лечение рака. Причём ситуация тут интересная. На второй и третьей стадиях мы лечить не имеем права. А вот когда четвёртая, когда медицина отказалась, вот тогда бери! А у него уже ресурсов нет... Я вот у своего отца ситуацию решил, у него был рак лёгкого. Но ведь об этом даже заикаться нельзя по одной простой причине: сломят, затопчут – наш центр оздоровительной висцеральной терапии превратится в раковый корпус. У меня есть сейчас программа по ранней диагностике рака по соскобу с внутренней стороны щеки. Но мы, наверное, даже выпускать её не будем, потому что куда их девать дальше, этих больных?

☉ **Один американский врач советует онкобольным есть побольше крестоцветных – капуста, например. И не есть мяса. А как вы относитесь к вегетарианству? Сейчас в большой моде отказ от мяса и сыродоение!**

– Я десять лет был вегетарианцем, пока не понял, что это ошибочное направление. Человеку нужен белок. Если человек не ест мяса, у него желудок атрофируется, потому что становится ненужным: растительная пища переваривается в луковице двенадцатиперстной кишки, а в желудке желудочный сок выделяется на животный белок. А сырые овощи есть вообще вредно. В странах, где люди живут долго – Японии, Корее, Китае, – люди не едят сырых овощей! Их обязательно ошпаривают, притушивают, обжаривают. Сырая пища даёт вздутие живота. Выделяются ядовитые зловонные газы – индол, меркаптан, сернистый газ, скатол. И нам приходится убеждать людей: у тебя камень в почке, потому что ты не ешь белковую пищу, ведь именно на неё хорошо сбрасывается желчь. Желчный пузырь должен тренироваться, а у вас, напротив, развивается его детренированность.

☉ **Вернёмся к Великому Пути. Бывший зек направил вас на него, вовремя попавшаяся на пути бабка тортила дорогу, обучая старым рецептам,**

метростроевский оздоровительный комплекс дал огромную практику. Что было дальше?

– А потом меня уволили из Метростроя. Там сгорела баня, и меня в числе других обвинили, что я не сообщал руководству комплекса о том, что в бане, которая загорелась, парились и мужики, и тётки, и вообще был целый вертеп. А чего сообщать, если само начальство там и парилось, простой человек туда же не попадёт! В общем, слово за слово, с начальством я поссорился, меня уволили, я вышел на улицу, посмотрел на голубое небо, вдохнул запах весны. Светило солнце... До того момента я ничего этого не видел, поскольку с восьми утра до десяти вечера пропадал на работе. И я благодарен судьбе за это несправедливое увольнение, поскольку каждое испытание в жизни открывает нам новые дороги.

Потом, гуляя по ВДНХ, увидел Институт традиционной народной медицины. Зашёл к директору познакомиться, спросить, что это вообще за институт такой, а у него как раз уволил – преподаватель не вышел на работу. Чем занять слушателей на два часа? Он меня спрашивает: «Ты можешь?» – «Могу!» Я вышел и стал рассказывать про свою работу. Вместо двух часов слушатели просидели четыре и не хотели выходить из зала. После чего меня взяли туда на работу – читать лекции. И уже потом я открыл свой центр. Где снова работаю с утра до вечера, спины не разгибая. Но уже совсем на другом уровне.

☉ **И с какими проблемами к вам приходят?**

– Мы берём со всеми, кроме онкологии и психиатрии. Хоть полипы в носу! Их обычно оперируют. И мало кто знает, что полипы эти можно «выманить» из носа. Тогда они просто выходят из ноздрей куском мяса.

☉ **Я, наверное, тоже ваш клиент. Вы сказали, что у меня левая почка ослаблена. А разве есть разница по функциям между левой и правой?**

– Да. Все знают, что почки – это очистные станции. Но это не единственная их функция, о чём медики даже не подозревают! Левая почка, например, управляет зарядами эритроцитов. Если она ослаблена, эритроциты теряют отталкивающий их друг от друга отрицательный заряд и начинают слипаться в столбики, напоминающие под микроскопом стопку монет. Кроме того, левая почка управляет кальциевым обменом. Ослаблена почка – получите остеопороз. И хоть ты объешься кальцием, он не будет усваиваться, пока не включится в полную силу левая почка. Конечно, если она удалена, частично её функции берёт на себя правая почка, но она имеет и свои, персональные функции. Например, правая почка у нас отвечает за газообмен. Если её функция снижается, будет синдром хронической усталости, потому что будет хуже усваиваться кислород – из-за того, что упадёт уровень углекислоты в крови.

Напряжение мышц спины, шеи, грудного отдела – это тоже проблема с почками. А что такое спазмированные мышцы шеи? Это повышенное давление! Из десяти инсультов восемь даёт ослабленная почка: организм повышает давление, чтобы протолкнуть кровь до мозга через пережатые шейными спазмами сосуды. Разрушающиеся зубы – это тоже почка, поскольку мышечный спазм в шее затрудняет омывание дёсен и корней зубов кровью.

Почки надо беречь. А если хотите быстро посадить почки, я вам дам совет: холодный квас, холодное пиво, холодное молоко, холодное шампанское – это всё быстро почки убивает. Я понимаю, что всё сказанное звучит несколько неожиданно. Поэтому, когда я читаю лекции в Германии, народу собирается целые толпы, включая медиков. Потом люди подходят ко мне потрясённые какими-то открытиями, которые для себя сделали, и говорят: «Я вас ждала тридцать лет!»

☉ *А их не смущает – там же очень строго к этому относятся, – что человек без медицинского образования учит медиков?*

– У Авиценны тоже не было медицинского образования. А кого это смущает, тот пусть не ходит, пусть гниёт, носит в себе проблему, от которой можно просто избавиться... Вот у меня недавно

случай был. Семья, два врача. У него на ровном месте вдруг цирроз печени, асцит. Откуда? Медицина разводит руками: на всё божья воля!.. А я сразу спросил: кошки-собаки в доме есть? «Есть!» – «Сдайте анализы на токсоплазму!» Потому что первая причина циррозов – паразиты кошачьих. Но об этом же нигде не пишут! Сделали анализ – и что вы думаете? У него показатели в 3500 раз превышают норму, у неё – полторы нормы. Теперь оба смотрят на меня как на бога, звонят, консультируются. Но почему их этому в медвузе не научили?.. А какой стоматолог даст вам совет проверить почки, если у вас начали сыпаться зубы?

Или вот недавно пришла женщина-врач, гинеколог, профессор. Привела свою дочь, которая уже четыре ЭКО перенесла, и всё время выкидыши. Я её прощупал, а там – ишемия брюшной части аорты с ишемией подвздошных артерий, через которые питается матка. И если кровь плохо идёт к матке, выносить плод ни одна женщина не сможет. Заметьте, мать у неё гинеколог и она этого не знала. Это же профессиональный крах!

☉ *Иногда у меня складывается впечатление, что медицина наша идёт куда-то немного не туда.*

– Не у вас одного. Но другой медицины у человечества пока нет...☉

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2b и противоаллергический компонент



Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРМ М www.firmm.ru



ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

В дороге

«Наполовину хотдог, наполовину кенгуру», – представляется американец австралийского происхождения Джей Клоус. Он объездил полмира: Америка, Австралия, Европа. Последняя точка его личной Одиссеи – деревня Мошницы под Москвой. Что заставило человека с отчаянной жаждой воли именно в России пустить свои корни?

МАЙЯ ЧАПЛЫГИНА

Автострада гордости

Вообще-то я дикий. Никогда не иду в ногу вместе со всеми. Ну, просто потому, что слышу другой барабан. И этот барабан с юности звал меня в дорогу. Для меня дорога – то, что доктор прописал. Отец был тоже с шилом в заднице, так ведь у вас говорят? Жил в Африке, Мексике, проехал всю Америку. Всё время куда-то его несло. Дед – из той же породы. Пошёл на судно моряком, океаны бороздил. Как вышел на берег – стал писать, прославился, даже у вас перевели его книгу «Элиза Каллиган», про австралийских первопроходцев. Выходит так, что у всех Клоусов есть это генетическое отклонение – не можем долго сидеть на месте...

Да и вырос я среди хиппи, родители жили в калифорнийской коммуне. Лёгкие на подъём и в то же время умеющие жить сообща. Хиппи научили меня не только курить травку, но и гонять на мотоциклах, разбираться в автомеханике, делать витражи, свечи, обращаться с оружием. Я был любопытным мальчишкой, во всё нос совал. Ну вот стоит рядом тостер – мне обязательно нужно было его разобрать до основания. Подарили велосипед – а интересно, как тут всё крутится?.. То есть я мастер по демонтажу. Поэтому первое правило, которое я услышал от отца: «Не сломано – не трогай». Помню, он тогда подарил мне часы. Другой надел бы на руку и кайфовал. А мне мало быть просто обладателем, мне нужно открыть, посмотреть – что внутри? Вот и в тот раз – через полчаса от часов остались одни винтики. И так во всё...

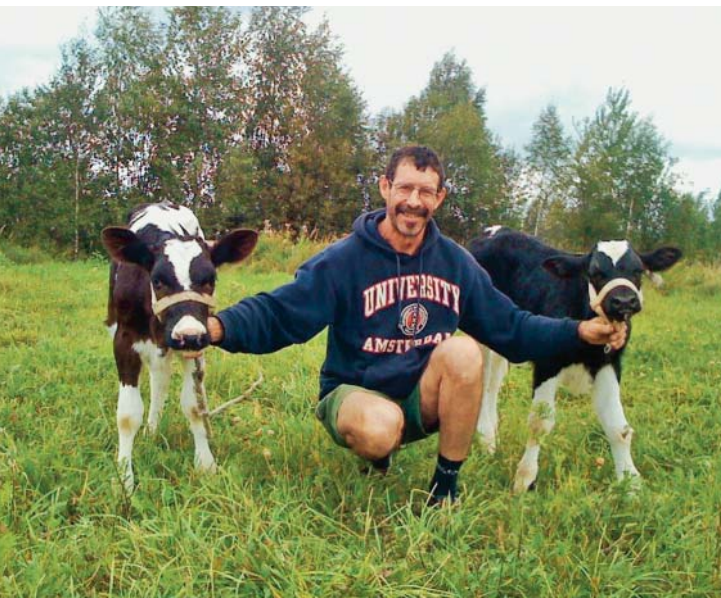
Мне было шестнадцать, когда родители развелись, отец уехал с новой семьёй в Австралию, матери было не до меня... Я остался один. И стал жить как король! В это время я уже работал автомехаником пять дней в неделю, у меня был свой мотоцикл... Только представьте: мотоцикл, длинные волосы, подружка... Америка 70-х, послушайте Doors и всё поймёте! В школу я тоже не забывал ходить. Но однажды меня поймали стражи поряд-

ка – проехал на красный свет. Потом застучали, как я пил пиво и курил косячок... Где родители? В Австралии! Вау! И ультиматум – или я еду к отцу в Австралию, под его опеку, или меня сажают в тюрьму. Это было чертовски несправедливо – я работал, как взрослый, жил самостоятельно. Конечно, я и отдыхал, как взрослый. И пусть мне было только шестнадцать. Но в тюрьму меня совсем не тянуло. Пришлось подчиниться.

Взялся ли я там за ум? Ну как сказать... Отец купил мне мотоцикл, в первый же раз я выехал на нём и – помчался не по той стороне дороги, там же правостороннее движение. Что дальше? Полиция, тюрьма, штраф...

Говорят, я хулиган. Нет! Просто я из тех, у кого внутри кипяток, адреналин зашкаливает. А ещё у природы экспериментатор. Если у меня в руках спички, мне надо попробовать, что горит, а что не горит. И что будет, если лимонный сок смешать с хлоркой... Да – большой «бум»! Я до сих пор хулиганю, то есть экспериментирую. Но сейчас я использую энергию исключительно в мирных целях.

...Потом была Новая Зеландия, и я снова вернулся в Америку. Кем я тогда только не работал! Плотником, полиграфистом, уборщиком. Я мастер на все руки, никакой работы на боюсь. Во Флориде познакомился с будущей женой. Но в Америке я никогда не чувствовал себя дома. Отец с детства мне всегда повторял: лучше тебя научу думать, чем «что думать». Смотреть на всё холодным взглядом, не верить безоговорочно государству. А в Америке же очень мощная пропагандистская машина. Попробуйте произнесите там вслух, что государство против народа. Все в один голос скажут: у нас самая демократическая страна в мире! А на самом деле это как раз пропагандистская машина в действии. И большинство людей – как барашки: верят во всё, что им говорят. Что они самые сильные, храбрые, что это они помогают всему миру. А в чём помощь-то? Что дядя Сэм



включает печатный станок и за это пользуется ресурсами других стран? Это же всё воздушный шарик.

Меня не было в Америке лет десять. И что? Сосед как работал кассиром, так спустя десять лет и продолжал работать кассиром. И так живёт большинство – ходят на работу, которую ненавидят, чтобы купить барахло, которое, по большому счёту, не нужно. Стабильно? Да. И ску-у-учно ужасно! Но самое печальное даже не это, а то, что они все переполнены страхами – бедности, сокращения штата или увольнения, страхом лишиться жилья за долги, попасться на подозрении в связях с террористами... И многие несчастливы – именно потому, что добровольно отдают себя в рабство той жизни, которой живут...

А у меня принцип такой: надо, даже вопреки всему, найти дело, которое тебе нравится, – иначе жизнь дерьмо. Пусть это дело на год, на пять лет, не больше, и что? Но так я не буду чувствовать себя рабом. Не отсутствие денег, стабильности, спокойствия, а именно это ощущение рабства пугает меня сильнее всего.

К чему это отступление? Жена была наполовину француженка. И мы решили, что надо ехать в Европу, там точно другая жизнь. Я ничуть не жалею. Вы потом поймёте – это всё звенья той цепи, которая и приведёт меня в Россию. Но кое в чём я тогда крепко ошибся: думал, что только в Америке все поклоняются его величеству статусу, но нет, весь мир живёт в цивилизации статуса: если ты занимаешь такое-то социальное положение, ты должен жить в таком-то районе, носить такую-то одежду, ходить в такие-то рестораны...

Сейчас всё объясню. Свадьбу мы устроили в Ватикане, медовый месяц провели в Венеции. Класс! А потом начались будни. Я работал плотником, маляром. Я же говорю, никакой работы не боюсь. И тут выясняется: жена скрыла от своей семьи, что я простой плотник, говорила – у него свой строительный бизнес. И когда её мама наконец узнала... Будто у всех должна быть голубая кровь... Не получилось у нас с ней ничего.

И я переехал жить на баржу, она была пришвартована на Сене – друг предложил там временно перекаптоваться. Моим соседом был Пьер Ришар, отличный парень, не сноб... Баржа дышала на ладан, начал её потихоньку ремонтировать. Когда привёл в приличный вид, друг дал её выкупить. Купил. И всё шло хорошо! В течение тех шести лет я был шеф-поваром в лучших ресторанах Парижа. А потом французы ввели новый закон – массу препон для иностранцев, официально устроиться на работу стало просто нереально. А в ресторанах же постоянно идут проверки, не исхитришься. Что делать? Нужно было срочно что-то придумать. И тут – фарт чистой воды: знакомство с русскими...

UTREMENT...DIT



Московская сага

Я тогда работал в большом ресторане возле Центра Помпиду. Однажды пришла большая компания. Парни говорили на непонятном мне языке – русский, польский? Решил подойти, познакомиться. Среди них был Андрей Кобзон и Валентин Юдашкин. Я предложил им показать Париж. Почему нет? Юдашкин попросил отвести туда, где пуговицы, ткани продают. Потом – в клубы. Отвёл! Классно погуляли.

Через какое-то время ребята приехали снова и стали заывать меня в Россию – теперь их очередь показывать мне Москву. Помогли мне быстро сделать визу и... Я приехал всего на несколько дней. Была ли это любовь с первого раза? Ну уж нет. Но уже тогда я понял: пожалуй, вот то место на земле, где один день не похож на другой! Моё место.

Поэтому через несколько месяцев я снова вернулся в Россию... Что меня всё время несёт вперёд? Я повар, поэтому метафора будет гастрономической. В одном месте готовят тыквенный суп, в другом – борщ, в третьем – суп из текилы. В каждой стране пекут свой хлеб. Мне нравится французская булка, но я хочу попробовать и немецкий хлеб, и русский... Ну, вы понимаете. Везде своя культура. Мир такой разнообразный! И мне не интересно быть просто туристом, посмотреть достопримечательности из каталога и поставить галочку на карте – был здесь. Мне нужно окунуться в то, что называют бытом, а по мне, так это правда жизни, познакомиться с людьми, разобратся с историей страны.

Когда приехал в Москву, у меня в кармане было 50 долларов. Снял квартиру. Однажды звонок в дверь – сосед. Приехали с дачи – вот тебе лук, картошка, морковь, всё своё, угощайся! Просто так. Это было очень трогательно, потому что был как раз тот момент, когда есть – ну нечего. Мне очень симпатична ваша традиция домашних заготовок, этого нигде в мире уже не осталось. Вы в курсе, что в Америке мало кто знает, как растёт морковь? Я, конечно, утрирую, но это правда – весь западный мир давно уже живёт на фастфуде. А в России как? Бабушка уезжает на лето в деревню или на дачу. Через шесть месяцев она возвращается – за машиной прицеп, запас на всю зиму. Классно же!

Мне нравится, что здесь с тобой поделятся последней лепёшкой, многие готовы помочь. Ну как такое забудешь? Я не верю в Бога, но я верю в доброту – стержень, который проходит сквозь нас. Всегда происходит что-то волшебное, когда вдруг чужой человек подставляет тебе плечо. Это обнадёживает...

Потом нашёл работу шеф-повара. Вот было приключение! Такое ощущение, будто я на Марс попал. Ну, вы же помните те годы, начало 90-х, когда был сплошной дефицит продуктов! И всё дур-

ного качества. Найдёшь что-то – и у тебя праздник. Причём всегда находилось то, что как раз не нужно. И всё равно радуешься. Это был самый странный период в моей жизни. Но что больше всего меня потрясло, так это люди: как все терпят! У друга на работе несколько месяцев не платили зарплату, а он всё равно продолжал туда ходить. Люди терпели, терпели...

В 95-м я рванул в Австралию. Да просто соскучился. Записался шеф-поваром на речной корабль. И вот однажды звонок: приезжают Rollings Stones, у них семидневный тур, не хочешь быть их личным поваром? Да кто же откажется от такого?! Наша команда творила чудеса. Каждый день парни из группы приходили к нам то с ящиком пива, то с ящиком виски в благодарность: «У тебя, Джей, супербанда, спасибо!»

У меня там любовь большая случилась. Когда она забеременела, я поехал во Францию – продать баржу свою, думал, наконец укоренюсь, будет семья, ребёнок. Очень хотел ребёнка. И вот у меня уже сделка на носу, вдруг подружка звонит: «Плохая новость. Мама меня накрутила, что ты не вернёшься, сделала аборт». Ну что я мог сказать? «Мама была права, теперь я не возвращаюсь».

Я был свободен, как ветер. Мог ехать на все четыре стороны. Я поехал в Россию. Почему? Однажды я попросил совета у друга, не помню, что был за повод, зато помню его ответ: «Слушайся продолговатого мозга, он скажет тебе, что делать». Вот и в тот раз я спросил свой продолговатый мозг, и тот ответил: «Езжай в Россию. Там сейчас как раз снег». А я люблю снег – нравится его хруст под ногами... Я понятно всё объяснил?

Зимой я по-прежнему работал шеф-поваром в ресторанах, а вот летом устраивался коком на теплоходах: Москва – Ростов, Москва – Петербург. Волгоград, Кизи, Углич-бублич, Кострома. Природа, красота, просторы! А зимой возвращаешься в город. И что? Бетонные коробки, грязь. На лестничной клетке – вечный запах еды, которую готовит кто-то из соседей. И вечный ор за стенкой – слышно же всё! Ужасно захотелось построить свой дом. Чтобы глянуть в окно, а там небо, поля, никого! Друзья поддержали, помогли найти участок в деревне Мошницы. С этого всё и началось...

Я продал свою баржу. На дом вырученных денег хватало в обрез. Много приходилось делать своими руками. Долго не мог найти брёвна для дома. Искал по всему Подмосковью. Наконец нашёл одного мушкетера, у него была своя пиломатериала. Он мне очень помог с материалами. Подружились. Он и познакомил меня с Валецкой, своей племянницей...

Дом, жена! Чего не хватало для счастья? Валя предложила купить корову, завести кур. Поначалу радовались, как дети. Пока не ошалели от богатого удоя нашей бурёнки: молока много, оно портится, и куда его девать? И тут мы поехали в свадебное

путешествие – в Голландию. Набредли там на сыроварню, зашли, пригляделись. Решение пришло само собой – будем делать сыр! Тогда всё сошлось: было кого любить, чем заняться, на что надеяться... И я был готов к тому, что будет тяжело. Покормил кошку – нужно кормить собаку. Покормил собаку – нужно кормить скот. Потом убрал навоз, и вот уже снова время всех кормить. И так каждый день. Да, фермерский труд потный, горький, зато честный: получаешь столько, сколько вкладываешь. И меня работой не напугаешь: я и плотник, и сантехник, и слесарь. А самое главное, в этом деле всё зависит только от тебя.

Достучаться до небес

Я не скрываю... ну просто с тех пор столько уже воды утекло. Да, мне дали условный срок, четыре года, – за выращивание конопли. Я не продавал! Просто для себя, иногда, э!.. А кто не без греха? То-то и оно...

И вот же подстава – сосед настучал. Думаете, только на Западе стучат? Нет, у вас тоже. Твоя собака съела курицу соседа – и он отомстит... Пришли полицейские. Причём сами пробовали травку, ещё смеялись – как у меня круто, а потом раз – и дело на меня завели. Что за люди?..

Потом мне надоело – здесь семья, сын растёт, дочка родилась, а я каждые три месяца должен уезжать, возвращаться, живу на птичьих правах – надоело! Пора гражданство получать... Я поехал во Францию, чтобы сделать новую визу. Подал документы в консульство, жду. И вдруг мне отказывают. Не дают визу! Подлость в том, что до отъезда я приходил в ФМС и меня там уверили: «Да, Джей, теперь и гражданство можешь получать! Только тебе сперва виза новая нужна». Помню, главный ещё добавил: «Ни о чём не беспокойся!»

И вот месяц проходит, второй – и все меня завтраками кормят! Бюрократы мучают: «Ваш вопрос рассматривается».

А жена?! Вот что женщине нужно? Друзья разрешили мне пожить в их квартире – центр Парижа. Отправил жене деньги, чтобы она приехала ко мне. Звоню, спрашиваю – визу делаешь, билет купила? На всё отвечает: да, да. А потом раз – и три недели не берёт трубку. Оказалось, всё враньё. Потом друзья звонят: дом заброшен, жена уволила всех помощников, коров продала, сыр продала. И всем рассказывает, что я не помогаю семье. Деньги, деньги...

Нет, я понимаю – когда родилась дочка, я тоже боялся, что мало денег у нас пока, только же начали бизнес. Что сделал? Стал варить больше сыра. Много денег – классно, кто спорит! Но есть ещё такое понятие – достаточно денег. Для тебя, чтобы обеспечить семью. Хватает – не имеешь права тогда роптать. А детям – детям не нужны деньги. Им любовь нужна.

Шестнадцать месяцев я промучился во Франции. Почти надежду потерял. Только, думал, приземлился в жизни наконец. А все обстоятельства вынуждают снова летать. Но я не хотел всё с нуля начинать где-то в Америке! Люди там не чувствуют, что я делаю что-то полезное. Мой дом теперь в России. Дети здесь! Сыну двенадцать лет, дочке будет два года в апреле. Где дети, там и родина, разве нет?

Но время я зря не терял. Позвонила вдруг девочка-волонтёр: я из Франции, но сейчас в России, слышала про вашу ферму, хочу у вас поучиться... Я ей: класс, только я сам сейчас во Франции... Конечно, предложил ей остановиться на моей ферме. И тогда она вдруг в ответ: а ты тогда езжай на ферму моих родителей. Ну и обменялись. Я у них пас скот, принимал роды у коров, пёк хлеб, ну и в сыроварении практиковался. Причём не только там – ездил и на другие фермы.

И ждал, ждал, когда дадут визу. И что вы думаете – дали! И на три года! Казалось, мой ад закончился...

Приезжаю домой – канун Нового года. Жены с детьми нет, животных нет. Окна в доме разбиты, из дома всё растащили – инструменты, вилы, лопаты. Витрина для продажи сыра раскурочена...

Пошёл к соседям. Выпили... Один одолжил машину, другой набил холодильник едой. Всё надо было начинать заново. Ну... так не в первый раз.

Я вот что скажу. Бывает, что обстоятельства сильнее нас, и так чаще всего. И тогда – только жди и терпи. Но есть кое-что, чем мы можем управлять, что в нашей власти. Я про выбор: быть весёлым или грустным, добрым или злым, счастливым или несчастным. Потому что быть несчастным – это привычка. Быть счастливым – тоже привычка. Знаете, вторая мне гораздо симпатичнее. Я за это и держусь.

...Мне нравятся старые вещи. Какая-нибудь допотопная открывалка для вина. Или хомут для лошади, который век назад использовали, а он до сих пор крепкий, хоть сейчас надевай лошади на шею. Теперь всё по большей части одноразовое. Купил столбики для забора – через год почти что все сломались. Это что, специально? А похоже! Раньше машину передавали по наследству от отца сыну. Нормальный был металл, запчасти. А теперь купил машину, она ровно через три года начинает рассыпаться. Как будто там заложена бомба с часовым механизмом. Вещи стали как сыр-нарезка. Всё временное. Мне это неинтересно. Потому я и своё дело так хочу организовать, чтобы оно потом детям перешло. Чтобы и дело, и имя моё все знали и понимали – это хорошо, качественно, надолго. Меня отец с детства так воспитывал: «Если берёшься за что-то – делай хорошо, приходи к этому основательно». Нельзя халтурить. Ну а иначе всё зачем? ☉

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ



*В которой интеллигентный доктор
Чехов отучает собственных братьев
сквернословить и пить горькую **с.56***

.....

*а художник-социопат Эдвард Мунк
ссорится со всеми подряд, грубит дамам
и швыряется картинами **с.74***

ЧЕХОВ



Виктория Токарева рассказывает о своём любимом писателе –
Антоне Павловиче Чехове

ИРИНА КРАВЧЕНКО

⊙ *Если пофантазировать, вы могли бы стать его женой?*

– Нет, женой Чехова я себя не вижу, хотя бы потому, что у него была чахотка, а это палочки Коха... Это как-то мне не очень. Интересно, что у нас с Антоном Павловичем похожие лица: прямой, аккуратный нос, прямые, аккуратные губы, глаза чуть-чуть уголками вниз. Мы с ним внешне как брат и сестра. По своему человеческому типу он мне очень близок: не алкоголик, не игрок, которые всегда на ком-то едут. Чехов сам вёз воз. Если бы я жила в его время, я бы помыла ему полы, окна – я бы ему прислуживала.

⊙ *А его семейная история могла быть много лучше?*

– Думаю, главная любовь Антона Павловича пришлось на Лику Мизинову. Когда он впервые её увидел – она пришла в гости к его сестре Маше, – Лика стояла, вжавшись в своё пальто, потому что боялась. Она была красавица: изумительные брови, тонкое лицо. Живая, остроумная. И Лика любила Чехова. Мечтала выйти за него замуж... А Ольга Книппер была женщиной не только талантливой, но и известной, Чехов же был снобом. К тому же Книппер оказалась активной: после замужества быстро устроила так, что они стали очень хорошо зарабатывать на его пьесах и её актёрской игре. Лика была от этого далека: какие там деньги? По сравнению с Книппер она выглядела, что называется, труба пониже и дым пожиже.

У Книппер был любовник, Владимир Немирович-Данченко, но его жена стояла крепко, как скала. Ольга понимала, что Немирович на ней не женится, а быть пожизненной любовницей, естественно, не хотела. Но, выйдя замуж за Чехова, она не рассталась с Немировичем. Однажды они с Книппер явились откуда-то в пять часов утра, и она, увидев, что Антон Павлович не спит, бросила ему что-то вроде: «Ты не ложишься, дуся? Тебе вредно». И ушла к себе, шурша атласными юбками и оставляя за собой шлейф духов. Чехов посмотрел на сестру Марию Павловну и сказал: «Умирать пора»... Вы, наверное, поняли, что я Книппер не люблю. А почему? Потому что я люблю Чехова. Я в него влюблена как женщина.

⊙ *Вам не обидно, что Чехову изменяла жена, что детей у него не было?*

– Свою порцию удовольствий он всё-таки получил, и это меня утешает. Детей не было... Ну, родились бы сын или дочь, но отца они всё равно не повторили бы. Природа кого-то выбирает для выражения себя – «будешь ты!» – а дальше без права наследования дара. Но этот дар – самое ценное. Настоящий писатель так любит состояние творчества! Поэтому Чехов не был несчастным: он был счастливым, и очень счастливым. В конце жизни – счастливым и, к сожалению, больным, вот два его главных тогдашних состояния.

Мне от рождения, например, был дан писательский талант, сейчас уже можно об этом





▶ Антон Павлович Чехов

И его любимые женщины:

▶ **Справа сверху:** О.Л. Книппер-Чехова в роли Серебряковой. Спектакль «Дядя Ваня»

▶ **Внизу:** Л.С. Мизинова в Мелихове. 1890-е гг.

говорить, но до поры до времени я о нём ничего не знала. И вот чеховские волны натолкнулись на мои внутренние. Случилось это, когда мне, двенадцати- или тринадцатилетней, мать читала рассказ «Скрипка Ротшильда». Кстати, Самуил Маршак говорил, что каждому талантливому писателю нужен талантливый читатель. Моя мать была талантливым читателем, она слышала чужой талант, потому что обладала внутренним слухом на настоящее. Так она расслышала Чехова. После «Скрипки Ротшильда», которую она мне прочитала, я стала писать, писать и писать. Чехов – это было моё подключение к космической розетке.

☉ **А что вы, ещё почти ребёнок, могли понять в этом рассказе? Или он на вас воздействовал как волшебство?**

– Как волшебство. До сих пор помню, например, то место, где главный герой, Бронза, робко напоминает врачу, что каждый жить хочет.

«– Что ж? Пожила старушка. Пора и честь знать».

– Оно, конечно, справедливо изволили заметить, Максим Николаич, – сказал Яков, улыбаясь из вежливости, – и чувствительно вас благодарим за вашу приятность, но позвольте вам выразиться, всякому насекомому жить хочется.

– Мало ли чего! – сказал фельдшер таким тоном, как будто от него зависело, жить старухе или умереть».

– Это «мало ли чего!» – удивительная по точности деталь. Изумительный рассказ! Рассказ о таланте. Бронза, одарённый скрипач, зарабатывал тем, что делал гробы. Талант человека был задавлен грубой повседневностью. И сам Бронза был грубым... Мой Чехов и начинается с того периода, когда он написал «Скрипку Ротшильда». Он прожил сорок четыре года, очень мало, но собрание его сочинений – это более десятка томов. Несколько первых – короткие смешные рассказы. Для меня Чехов-юморист – вполне хорошее, но не обязательное чтение, я люблю его произведения 90-х годов и более поздние. Некоторые его рассказы я перечитывала по восемь – десять раз.

☉ **Учились у него?**

– Чехов – мой мастер. Он сдержанный писатель, аскетичный. Никогда не педалирует ни радость, ни горе, благородно доносит состояние своих героев. Например, рассказ «Моя жизнь»: главного героя, Мисаила, бросила жена и уехала в Петербург, возлюбленный его сестры, доктор Благово, от которого она забеременела, продолжал жить своей жизнью. И бывшая жена, и возлюбленный стремились к блестящему будущему. «...и только я и сестра остались при старом». Аскетическая фраза, но сколько в ней горечи, боли и мужества! Чехов – это мужественное видение жизни. Это спокойный ум. Я училась у него не писать – этому не научишься. Я смотрела, что это за человек – Чехов.

☉ **В нём сочетались острый глаз, способность не обольщаться – и деликатность, правильно?**

– Деликатность была не врождённая, а благоприобретённая. Чеховы – из простого сословия. Сестра Антона Павловича Мария влюбилась в Ивана Бунина, но дворяне на «простых» не женились. Хотя отец Чехова, несмотря на своё происхождение, неплохо содержал семью, хозяином был. Но Антон Павлович всегда помнил, из какого он клубня, какого сословия. Он, как сам написал, по капле выдавливал из себя раба. У него был старший брат Александр, который сквернословил, разговаривал на достаточно скабрёзные темы, и младший как-то написал ему письмо, чтобы тот перестал вести такие разговоры.

☉ **Чехова, видно, задевало всё, что нарушало в человеке гармонию. Достаточно привести такие его слова: «Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы... Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет... Работать надо... Главное – надо быть справедливым, а остальное всё приложится».**

– Чехов себя контролировал, он воспитывал себя и, в конце концов, стал тем же, что и его лучшие герои, например Астров или Гуров. Они благородны, они сдержанны, я полюбила их на всю жизнь. Для меня, например, высшая похвала артисту – чеховский герой. Станислав Любшин – чеховский герой, а Никита Михалков – нет. Михалков талантливый, но он, что называется, «царь горы», Карабас-Барабас, хозяин жизни. А Чехов совсем другой.

☉ **Но разве Чехову был чужд гедонизм? Ему было чем наслаждаться, даже несмотря на болезнь: слава, к Антону Павловичу тянулись люди, и материально он не нуждался.**

– Да, Чехов любил красиво одеться и вкусно поесть, а кто не любит? Вот я каждый год езжу в Италию, и, когда в последний раз отдыхала, со мной за столом сидел богатый татарин из Казани. Я спросила его, почему он ездит на этот итальянский курорт, и услышала в ответ: «Питание и респект». Комфорт всё-таки важен. А Чехов был интеллигентом в первом поколении, и, наверное, его комплекс разночинца выражался в том, чтобы наверстать упущенное в смысле материальных благ. А то, что хорошо одевался, так ведь он был красивым, и женщинам нравился, и они ему – Чехова можно назвать бабником, – а бабники следят за собой.

☉ **Советская интеллигенция, читавшая Чехова, возводила в культ безытнность...**

– Это от бедности, «по одежке протягивай ножки».

☉ **Получается, что люди, не имевшие возможности к достатку, придумали себе**

объяснение: наша бедность – от высокой духовности?

– Человек склонен оправдывать свои дурные поступки и неудачи. У моего мужа много недостатков, они исходят из недостатков моего характера, но разве я признаюсь себе в этом? Нет, я говорю себе: пусть у него есть такие-то недостатки, но зато он интеллигентный. У меня не получилась совместная жизнь с моим любовником, но я оправдывала ситуацию: он алкоголик, зачем он мне? Каждый хочет ощущать себя достойно. Кто не прав, тот не живёт. Моя соседка и подруга рассказала мне, как она по утрам делает зарядку и думает: Вика Токарева пишет хорошо, а зато я делаю зарядку. Каждому приятно думать, что он хорош и даже кого-то лучше.

☉ **Но Антон Павлович не стал «царём горы», хотя мог бы?**

– Знаете, за что я больше всего люблю Чехова? За его героев. Мне особенно близок его дядя Ваня. Каждый из нас в душе дядя Ваня. Мы все где-то недобрали, где-то не состоялись, где-то пожертвовали собой, но в дяде Ване это особенно видно. Он человек с богатейшей душой, и его печаль такая глубокая, пронзительная, его так жаль! Соня говорит ему: «Мы отдохнём!» Отдохнём от несправедливости жизни. Чехов такие вещи тонко чувствовал.

☉ **Он всех жалел?**

– Слово «жалует» к нему не подходит. Сочувствует. Видит больше других и сочувствует. И любит своих героев. Когда заканчивается рассказ или пьеса, я их тоже люблю.

☉ **А почему он недостаточно обращал внимания на свою болезнь? «А себя он не лечил вовсе, – вспоминал его товарищ, литератор Игнатий Потапенко. – Странно, непостижимо относился он к своему здоровью. Жизнь любил он каждой каплей своей крови и страстно хотел жить, а о здоровье почти не заботился».**

– Видимо, наша психика так устроена, что человек отменяет от себя тяжёлые мысли. Чехов, думаю, не хотел обременять собой других людей. Но он ещё и потому не брал в голову свою болезнь, что, если взять её в голову, писать не сможешь. Ни о чём другом думать не будешь.

☉ **Писатель в нём одержал верх над врачом? А первая профессия Чехова как-то оказала, на ваш взгляд, влияние на его произведения?**

– Его рассказы в любом случае были бы гениальными. Что-то он сразу видел дальше и глубже, чем другие, а до остального доходил интуицией. Писатель – это прежде всего интуиция.

О врачебном ремесле Чехов писал: «Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. (...) Сладкие звуки и поэзия, где вы?»

– В лечении людей много рутины. Каждый день приходится на приём, каждый день открываются

двери в кабинет – и входят больные, в страхе за свою ничтожную жизнь, которая кажется им самой главной... В том, чтобы возиться с недужными, мало поэзии. Однако в человеке есть не только бессмертная душа, но и прямая кишка для стока отходов. И оказывается, что там, где противно, там и служение людям. Всё рядом.

И это Чехов тоже чувствовал: слабость и сила, жизнь и смерть нерасторжимы. Будучи больным, он всё равно много писал. Чехов, как известно, дружил с художником Исааком Левитаном, а тот тоже болел и рано умер. Оба знали, что обречены, и каждый из них работал, как вол, и один фактически создал русскую пейзажную живопись, а другой развернул нашу литературу в новое русло.

– Такая плодотворность в их случае – перекаливание лампы перед концом. Прежде чем погаснуть, лампа разгорается ярко-ярко. Когда Чехов жил в Мелихове, к нему туда постоянно приезжали люди, а в Ялте, куда он уехал, спасая свои лёгкие, его уже навещали реже – далеко ведь. И он, под покровительством верной сестры Маши, мог много работать. Основные вершины чеховского творчества – «В овраге», «Дама с собачкой» – пришлись на ялтинский период. Он понимал, что умирает, и не тратил сил и времени впустую.

☉ **Что главное в поздних произведениях Чехова?**

– Правда. В серьёзные, решительные моменты своей жизни человек не будет читать вранья: он захочет правды. У Чехова вообще нет вранья, так мало кто пишет.

☉ **Вы говорили, что тоже с некоторых пор перестали лгать и в жизни, и в своих рассказах.**

– Да, и когда пишу, перестала выдумывать. Если внимательно смотреть вокруг, то интересно всё. Если смотреть глазом доброжелательным и пристальным, можно увидеть много такого, чего обычный человек не заметит. Я долгие годы боялась исписаться, боялась, что у меня кончатся замыслы. А они не могут кончиться! Пониманию этого меня тоже научил Антон Павлович. Конечно, я не могу писать так, как он: талантливый мужчина всегда пишет лучше талантливой женщины, потому что у него другая обработка замысла. Главное же, что Чехов – мой нравственный идеал. Наверняка я его идеализирую, но вижу таким – высоким, красивым, гениальным, сдержанным, грустным классиком. Он украшает мою жизнь.

☉ **Хотя ваша жизнь на чеховскую, к счастью, мало похожа?**

– Иногда у меня случались странные переключки с написанным Чеховым. Помните его рассказ «Архиерей»? Там в конце сказано, что мать главного героя рассказывала – у неё был сын архиерей, и ей не верили. А моя мама хвасталась незнакомым людям, что у неё дочка известная писательница. И ей не верили, ещё и смеялись. ☉



ЛИНИЯ ЖИЗНИ

ПРОГРАММА СПАСЕНИЯ ТЯЖЕЛОБОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

САМОЕ ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА!

ОТПРАВЬ **SMS** НА НОМЕР **3242**

УКАЖИ СУММУ ПОЖЕРТВОВАНИЯ

например: **100**

СПАСИ РЕБЁНКА!

Все собранные средства поступают на оплату высокотехнологичных операций детям с опасными для жизни заболеваниями сердца, головного мозга и позвоночника. Подробнее на www.life-line.ru

0+

Сервис доступен только с авансовых и некорпоративных счетов, минимальный платеж — 10 рублей, максимальный — 15 000 рублей.
*life — жизнь.

«Вишнёвый сад» на новый лад

В этой рубрике предлагаем нашим читателям взглянуть на давно знакомую классику совсем по-другому

АЛЕКСАНДР ШАБУРОВ

Сюжет пьесы Чехова «Вишнёвый сад» (если кто забыл) такой: 1903 год, семейка нелепых дворян – жеманная барыня Раневская, пара её дочек, Аня и Варя, и заговаривающийся братец Гаев – возвращаются из Парижа, где прокуршевтели все. Их родовое имение теперь продаётся за долги.

Как известно, в 1861 году в России отменили крепостное право, но крестьян принудили к выкупным платежам в течение 49 лет (это такая насильственная ипотека за надел, от которой отказаться было нельзя, а переплачивать надо было втрое). И вот результат – крестьяне и некоторые помещики стали нищими.

Имение покупает холопий сын, а ныне купец Лопахин. Который видит единственный способ поиметь выгоду от покупки – это вырубить сад, поделить землю на участки и сдавать дачникам. Раньше Лопахин предлагал этот способ спасения барыне, но та даже не поняла, о чём он, и по обыкновению пальцем не пошевелила.

До торгов прежние хозяева, их прислуга (Яша, Дуняша, Шарлотта Ивановна и Фирс), а также приживалы (Епиходов, Симеонов-Пищик и Петя Трофимов) живут в усадьбе и вспоминают, как хорошо всё было. Обслуживать себя они не умеют. Зато умеют играть на бильярде и нести велеречивую чушь. В театре это принято сопровождать грустными мелодиями и разводить декаданс. Периодически откуда-то раздаётся «звук лопнувшей струны». Его трактуют как слом эпох, а вырубку вишнёвого сада – как гибель дворянства. Для усугубления сострадания сад начинают рубить прямо при хозяевах и выдёргивать из-под них стулья. Барыня причитает: «Моя жизнь, моя молодость, счастье моё, прощай!» Как тут не посочувствовать... После этого баре уезжают, оставив старика-лакея Фирса помирать в заколоченном доме. Это неудивительно. Владельцы современных усадеб не то что слуг, даже жён выкидывают на улицу, предварительно

детей отобрав. В общем, это история о том, как по очередным маленьким человечкам оттоптались Большая История, политика и даже экономика. В принципе, я им сопереживаю. Своих седых преподов с орденскими планками я тоже считал людьми, не способными вписаться в актуальный контекст. А сейчас мне это аукнулось. Я ощущаю себя ветераном СССР и готов напрудить целую лужу слёз. Но не буду! Почему? А надо не нюни разводить, а быть ко всему готовым! Показать раскисшему зрителю, что жизнь не заканчивается, и перевести «Вишнёвый сад» на новый язык.

Акт 1. Рождение капитализма

После отмены крепостного права прежние хозяйствовавшие субъекты загнулись. Народившиеся капиталисты скупают их имущество за долги, а их самих выгоняют на свалку. Селяви! Но и новые хозяева жизни жируют недолго. По рецепту прежних господ они проматывают доходы за границей, доведя население до двух революций сразу. Залп «Авроры». Ленин на броневике. Керенский бежит в женском салопе. Крестьяне Флегонт и Анфиноген собираются сжечь барскую усадьбу (сами догадайтесь почему). Раневская и Гаев учатся мыть тарелки в парижских кафе и больше никогда в нашем сюжете не появляются.

Акт 2. «Военный коммунизм» и нэп

Большевики не дали крестьянам сжечь усадьбу с садом. В усадьбе теперь одновременно изба-читальня, приют для беспризорных детей и ЧК. Вокруг голод и холод, разруха и бандитизм, «белый» и «красный» террор, интервенция, «продразвёрстка», «новая экономическая политика». Петю Трофимова расстреляли колчаковцы. Ответработник Епиходов строчит доносы. Благодаря ему Симеонов-Пищик отправлен в ГУЛАГ. ЧК руководит Варя, которая, выходя из своего подвала, говорит: «Ничего, очистим землю от гадов, посадим новый сад и ещё сами успеем погулять в том саду!» И тут наркомвнутдела Г. Ягоду

заменяют на Н. Ежова, а того на Л. Берию. Половину осуждённых возвращают, а прежнее руководство ЧК (и Варю) отправляют на их место.

Акт 3. Индустриализация и коллективизация

В усадьбе санаторий для оздоровления трудящихся масс. Вокруг лозунги, «пятилетки», «стахановское движение», пионерский лагерь, отделение ДОСААФ с тиром, а также тракторный завод и ГЭС. Санаторием заведует бывший лакей Яша. Шахтёрам Климу и Мустафе не терпится поскорее вернуться на работу, чтобы снова пере-выполнять план и получать почётные грамоты. А пока они проходят процедуры, тягают гантели, сажают тополя и ухлёстывают за медсёстрами. И вдруг – война. Тракторный завод перепрофилируют в танковый. Тополя вырубают на дрова.



Медсёстры провожают добровольцев на фронт, а сами работают в размещённом в усадьбе госпитале.

Акт 4. Огосударствление экономики

В усадьбе Дом культуры. Его новый хозяин – колхоз в лице председателя Петра Семёновича. Вокруг заборчик из штакетника, флаги, портреты Сталина, рынки и потребкооперативы. Вчерашние фронтовики ударными темпами восстанавливают народное хозяйство, а пионеры-тимуровцы собирают металлолом... И вдруг – умирает Сталин. Н. Хрущёв разоблачает на XX съезде «культ личности», вводят налоги на плодовые

деревья и домашнюю живность, яблони заменяют кукурузой, колхозы становятся совхозами. Пётр Семёнович спивается. Доходит до голодных бунтов. Их участников расстреливают, кукурузу вырубают, Хрущёва отправляют на пенсию.

Акт 5. Реформа Косыгина-Либермана

В усадьбе подпольный цех. Его новые хозяева – цеховик Вахтанг и валютчик Майкл. Вокруг неприметный забор. За ним – «застой», «разрядка напряжённости», дефицит, талоны, «колбасные электрички». Внутри ткачихи Анжелика и Венера шьют кожаные плащи и джинсы. За этим поверх забора попеременно следят люди Н. Щёлокова и Ю. Андропова. На соседней даче живёт эмэнэс Элем, который тех, кто, как поётся, «создаёт все богатства на свете», считает «афонями» и «алкашами». И вдруг – умирает Л. Брежнев. Цех ликвидируют, при обыске находят валюту, и его владельцы отправляются на строительство БАМа.

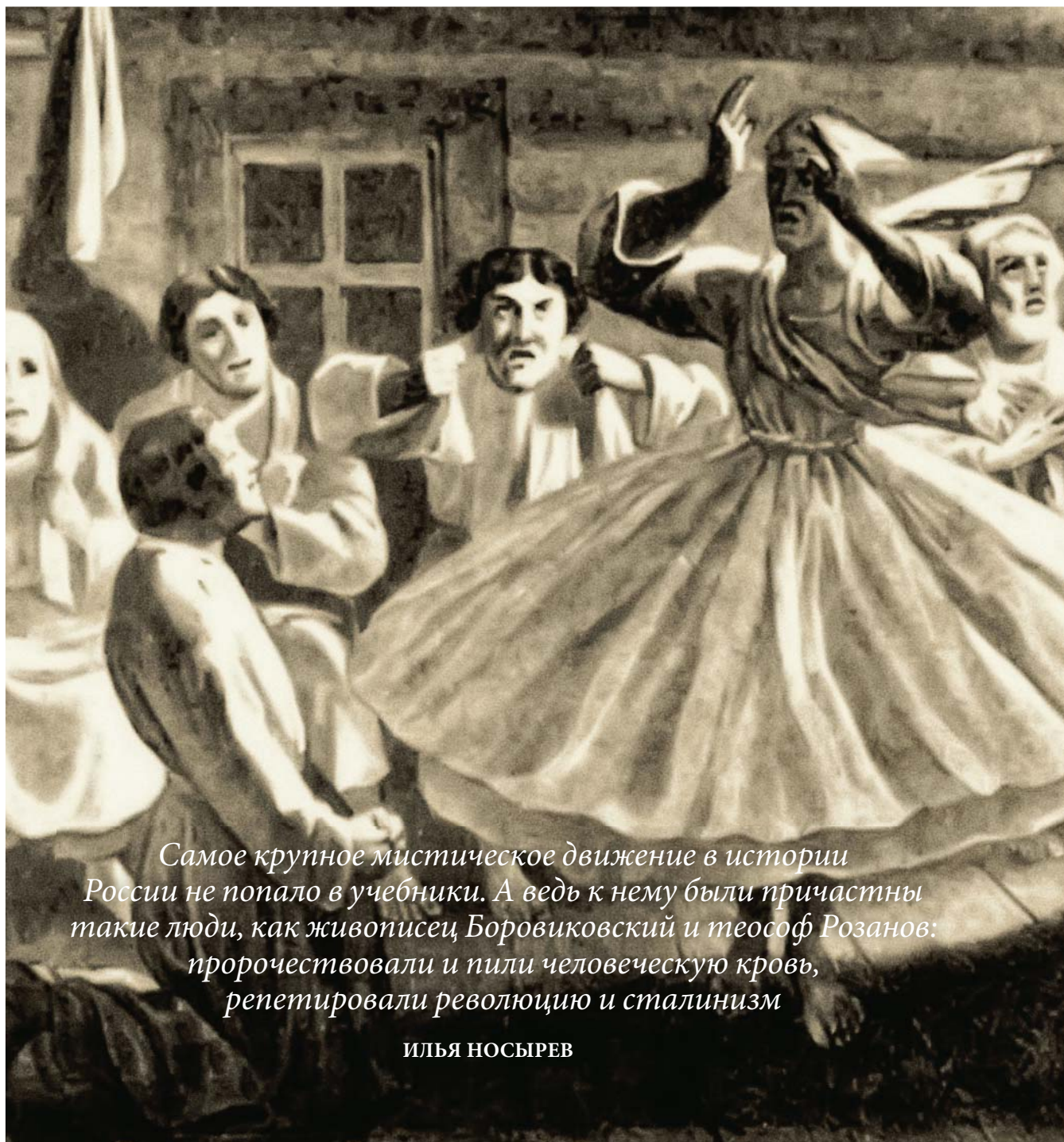
Акт 6. Перестройка

В усадьбе госдача. Её новый хозяин – партапаратчик Егор Кузьмич. Вокруг метровый забор и охрана из девятого управления КГБ. За ним – «демократизация», «новое мышление», «ускорение», «гласность», кришнаиты и интердевочки. На соседней даче живёт бывший опальный секретарь Московского ГК КПСС, а ныне президент РСФСР Б. Ельцин. Прослушка спецназа пишет: «Он вряд ли выживет!» Это охрана смотрит фильм В. Бортко «Собачье сердце», где очередной краснобай-интеллигент утверждает, что разрухи в 1924 году не было... И вдруг – «Лебединое озеро». В Москве ГКЧП. А организовывали его на этой самой даче! «Путчистов» арестовывают, и они отправляются в «Матросскую Тишину».

Акт 7. Приватизация 1 и 2

В усадьбе частный дворец, к которому прирезали ещё 500 га. Её новый хозяин – вице-премьер правительства Б. Ельцина и олигарх Козловский. Который тоже, так уж получилось, сидит. Вокруг двухметровый забор. За ним – «шоковая терапия», «залоговые аукционы», скупка ваучеров, офшоры, «братки» и «челноки». Тракторный завод в руинах. Бывший колхоз по колено в навозе. Внутри чоповцы смотрят новый фильм Н. Михалкова «Облачный удар» о том, как офицеры в старой России бегали за дамочками и потому недовоспитали народ. В новостях – сюжет про столетнюю дочь помещицы Раневской Аню, которую везут в кресле-каталке в Россию, чтобы она рассказала, как хорошо было при царе. Следующая новость – владельца усадьбы амнистировали и он сбежал в Лондон... Это всё, чтоб отвлечь от «второй волны приватизации». Новый владелец усадьбы, президент госкорпорации, обносит её трёхметровым забором. Поэтому зрителю больше ничего не видно! Занавес. Как сделать, чтоб элиты не деградировали? Не заводить их. ☉

Пляска Святого Духа



Самое крупное мистическое движение в истории России не попало в учебники. А ведь к нему были причастны такие люди, как живописец Боровиковский и теософ Розанов: пророчествовали и пили человеческую кровь, репетировали революцию и сталинизм

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

Эпоха Александра I ассоциируется с небывалым взлётом мистицизма, в первую очередь в высшем обществе. Почему образованные люди вызывали духов и пытались вычислить имя Антихриста? Наверное, имел место кризис роста: повседневность стала комфортнее, нравы – гуманнее, а вот с превратностями судьбы ничего сделать не получалось. Смерть по-прежнему легко обрывала жизнь человека, приходя к нему в виде полученной в бою раны или эпидемии холеры, забирала его близких. И если крестьяне в силу неразвитости

ещё могли смириться с этим, то разум образованного человека восставал против такого порядка вещей – искал свидетельств вечной жизни, мечтал слиться с божеством, иногда даже не в будущей жизни, а уже в этой. И тем удивительнее, что находили путь к слиянию с Богом многие образованные люди именно в поверьях, созданных тёмным мужичьём.

Русская Астарта

В 1817 году до сведения правительства дошли слухи о том, что в Петербурге обосновалась новая секта. Религиозными обществами столицу удивить было трудно – едва ли не каждый год предметом горячего обсуждения петербуржцев становились то какие-нибудь «прыгуны», то новая юродивая, то заезжий медиум. Но тут было дело из ряда вон выходящее: новая секта завелась прямо у правительства под носом – группа неизвестных устраивала тайные сборища в печальном известном Михайловском замке, где был некогда убит отец царствующего императора. По слухам, там происходили настоящие мистерии: рассказывали, что на собрания сектанты являются в белых одеждах, будто древние греки, а верховодит ими прекрасная женщина-дворянка, показывающаяся в чём мать родила.

Чтобы убедиться в правоте слухов, Министерство внутренних дел наводнило Михайловский замок агентами. Некоторым из них удалось побывать на сборищах таинственной секты. Изложенное ими в донесениях превзошло все ожидания – как выяснилось, на ночные сборища секты регулярно являются не только дамы из высшего света, но и многие государственные сановники. Был замечен на сборищах герой сражений под Аустерлицем генерал Евгений Головин. Активное участие в «мистериях» принимал надворный советник Мартын Пилецкий-Урбанович – известный иезуит и ханжа: некоторое время он служил надзирателем Лицея, где пытался посеять дух стукачества, но был вынужден уйти в отставку после бунта воспитанников, возглавленного юным Пушкиным. Был среди сектантов и знаменитый живописец Владимир Боровиковский, самый модный живописец того времени, писавший членов царской семьи. Не удивило чиновников участие в сборищах известного мистика и масона, гофмейстера Кошелева – давно было известно, что сановник живо интересуется любыми новыми тайными обществами. Агенты доносили, что ведут себя эти уважаемые люди на встречах секты совершенно неподобающим образом: все они, мужчины вместе с женщинами, собираются в большом зале, снимают с себя обычную одежду и облачаются

► Так почти два века назад выглядел сеанс одиночного радения и «пророчества» женщины



в белые рубахи. Оставшись в этих странных одеждах, начинают они двигаться по кругу – сперва просто ходят, затем начинают бегать и прыгать, напевая странную песню. И вдруг сходит на них Святой Дух: они останавливаются и начинают выкрикивать «пророчества», обращаясь к присутствующим. Пророчествуют не все: более других заметна в этом руководительница общины, женщина с прекрасным лицом и изысканными манерами – настоящая русская Астарта, возглавляющая эти элевзинские мистерии.

Кто же была эта удивительная женщина, чьи сборища в Петербурге скоро войдут в моду? Донесения агентов позволили быстро установить её личность. Её звали Екатерина Филипповна Татаринова: блестящая петербургская дама была дочерью полковницы Буксгевден – няни безвременной умершей дочери императора Александра I Марии. Именно у полковницы, имевшей право жить в Михайловском замке, и собиралась эта странная компания. Екатерина Татаринова в недавнем прошлом была настоящей немецкой женой: выпускница Смольного института, она рано вышла замуж за офицера гренадёрского полка Ивана Татаринова и много лет подряд сопровождала его в печали и радости. Ездил из гарнизона в гарнизон, а когда началась Отечественная война, последовала за мужем и на позицию – не жалуясь, переносила и холод, и голод, и свист пуль над головой. Под Бородином погиб родной брат Татариновой, а муж был тяжело контужен. Тут он проявил себя героем – едва очнувшись в госпитале, тут же бежал обратно в полк. Встретивший его Кутузов, поражённый видом оглушённого, окровавленного, но готового биться с врагом офицера, произвёл его из капитанов в майоры. Татаринов прошёл всю войну, бивал Наполеона в сражении под Лейпцигом, а потом, израненный и усталый, вернулся в Россию. Правда, героизм сослужил ему недобрую службу – страдая от ран, он покинул супругу, уехав в своё имение в Рязань, и через год скончался.

Ничто не предвещало, что эта бледная, изящная немка, никогда не жаловавшаяся на трудности, удостоится мистической будущности. Перелом в её судьбе произошёл благодаря смерти мужа, а чуть ранее – ещё и восьмилетнего сына: мальчик угас от внезапной болезни. Видевшая смысл жизни в семье, она теперь осталась совершенно одна. Убитая горем женщина поселилась у пожилой матери в Михайловском замке – и от безысходности стала вместе с подругами посещать разных народных «пророков», которых в Петербурге в те годы водилось превеликое множество. Однажды она свела знакомство с семейством Ненастевых, исповедовавших хлыстовскую ересь – какую-то крестьянскую веру, вокруг которой ходило много слухов. Новые знакомые впервые допустили её до участия

в ритуале, поразившем её на всю жизнь. Ритуал назывался «радение»: в этом слове слышится и желание порадеть о вере, и радость. И вправду, там было и то и другое: гости, съехавшиеся в дом Ненастевых на ночное собрание, переоделись в простые рубахи и стали петь духовные песни, а потом, вскочив, начали радеть – бегать по кругу, выкрикивая «пророчества»: кто предрекал войну и нашествие Антихриста, кто – неурожай и стихийные бедствия. Татаринова начала пророчествовать на первом же радении и с тех пор повадилась ходить на ненастевские сборища. Однако быстро охладела к их секте: уж больно неотёсанный народ здесь толпился.



- ▶ Так Боровиковский изобразил явление Христа с молящейся Татариновой
- ▶ **Справа:** Портрет Боровиковского

Однако радение засело в её душе, как осколок зеркала тролля в сердце Кая. Сыграли свою роль и мечтательная натура компатриотки Гёте и Шиллера, и трудности перевода – впечатлительной женщине, воспитанной в лютеранстве, русские ереси казались такими же живыми и цветастыми,

как сто лет спустя новому поколению европейцев будут представляться буддизм или индуизм. Татаринова решила создать собственный мистический кружок – и не нашла для него лучшего места, чем Михайловский замок. Кружок возник как семейный, но потом туда повадился ходить весь цвет петербургского общества. То, что в общинах московских хлыстов было убогим, здесь приобрело отблеск искусства – собрания проходили под музыку небольшого оркестра, стены украшали картины Боровиковского. Когда мужчины и женщины сбрасывали платья и оставались в белых одеждах, символизировавших чистоту, прекрасная, как древнегреческая богиня, «с олимпийския вершины» спускалась к ним Татаринова. Сбравшиеся пели духовные песни, а затем принимались бегать вокруг залы, добиваясь нисхождения на них Святого Духа. Останавливаясь, выкрикивали пророчества и падали без сил. Чаще всего пророчествовала сама Татаринова, иногда выкрикивал смешные предсказания Никитушка – известный в городе лоботряс, музыкант кадетского корпуса Никита Фёдоров.

«Петербургскую Астарту» её поклонники любили, как богиню: для каждого пришедшего она находила слова поддержки, учила людей любить друг друга, невзирая на сословные рамки. Но и недоброжелателей у секты возникло предостаточно – было в её собраниях что-то оскорбительное уже для самого сословного государства: мыслимо ли, чтобы князя и вельможи бегали «в духе» рядом с какими-то нищими? На татариновские сборища обрушился известный борец с масонами, архимандрит Фотий, в красках живописавший, как участники сборищ «вертятся, падают потом на землю от безумия, демон же входит в них, производит глаголы». Чиновники МВД собирались было принять меры – и тут в донесениях попало одно имя, заставившее их побледнеть: на собраниях был замечен личный друг императора, князь Александр Голицын, обладавший огромной властью. Оказался завсегдаем сборищ и друг князя – председатель департамента гражданских и духовных дел Василий Попов, человек, на которого был возложен надзор за нравственным состоянием общества: он даже дочерей туда приводил. С этих пор чиновники попросту игнорировали многочисленные жалобы горожан: если уж такие уважаемые люди туда ходят, то чего вы беспокоитесь? Дошло до того, что тайный советник Милорадович, взбешённый тем, что его сын, гвардейский офицер, угодил в «духовные дети» Татариновой, был вынужден жаловаться лично государю. Но и здесь он не получил поддержки: Александр вызвал Татаринову для аудиенции и, проговорив с ней несколько часов кряду, превратился в пламенного поклонника незаурядной женщины и лично уничтожил компрометирующие её донесения агентов.

Слава Татариновой росла: многих поражали её точные предсказания. Например, когда Боровиковский захотел проконсультироваться у неё по поводу своих финансовых дел, пророчица отрезала: «Выгода тебе вроде как и ни к чему будет. Пора тебе, Володенька, на суд предстать». Боровиковский был обижен так, что больше не явился на собрания. Вероятно, он и простил бы свою духовную мать, если бы и впрямь не оказался перед судом, точнее – Судом: слёг и скоропостижно скончался, завещав перед смертью раздать своё имущество нищим. Он оставил истории картину одного из сборищ в Михайловском замке – «Собор», где изобразил и Татаринову, и себя, стоя-



щего на коленях, и многих именитых участников. Сильнее же всего запали в душу столичным жителям два предсказания, сделанные пророчицей в 1825 году. Слёзно просила она Голицына удерживать императора от поездки в Таганрог, но даже доверявшего её предсказаниям князя подобное вмешательство в государственные дела ошеломило, и просьбу Александру он не передал. На следующем рдении Татаринова пала на пол, истошно возопив: «Злой рок – Таганрог! Царя в сыру землю положу!» Вскоре пришли вести о том, что «рус-

ский император в вечность отошёл». Если пророки и в самом деле хотят спасти тех, кто им дорог, то отчего не говорят обычным, человеческим языком? Их бы чаще слушали. Загадка.

А через неделю Татаринова снова причитала, заставляя участников исходить холодным потом: «Что же делать, как же быть? Россию придётся кровью обмыть!» Смысл этих слов стал ясен только 14 декабря, когда собравшиеся на Сенатской площади полки попытались помешать присяге войск новому царю – Николаю. Любопытно, что помогал умыть Россию кровью один из преданнейших поклонников Татариновой – Евге-



► Иконы хлыстов

ний Головин: храбрый командир пошёл наперекор заговорщикам и успел привести своих солдат к присяге, чем помешал вовлечь их в мятеж. С этого события, по сути, началась его блестящая карьера: благодарный Николай произвёл его в генералы. Впоследствии Головин проявил героизм в войне против турок. Судьба его хранила: будучи комендантом Варны в разгар эпидемии чумы, он лично подал пример храбрости солдатам, отказавшимся приближаться к трупам сослу-

живцев, – вместе с тремя добровольцами вынес тело одного из умерших. Добровольцы заразились и погибли, а Головина сия чаша миновала: десятилетие спустя он уже руководил покорением Кавказа, заложив новый российский порт на Чёрном море – Новороссийск.

Благодаря мятежу декабристов погиб старый недруг Татариновой – Милорадович, но и по самой пророчице победа над мятежниками удалась: именно попытка мятежа сделала Николая столь подозрительным к любым тайным обществам – политическим ли, религиозным ли. Община вынуждена была скрыться из столицы и поселилась в уединённом месте в окрестностях столицы. Здесь она создала целое хлыстовское царство, куда переселились самые верные её сторонники, в частности Попов с дочерьми. Татаринова построила тут собственный моленный дом, где хлысты могли бы получать указания свыше, повинувшись не царской воле, а велениям Святого Духа. Вот только Святой Дух стал подсказывать ей вещи всё более и более странные.

«Черезондро фордей»

Откуда же взялось это диковинное учение, вдохновившее Екатерину Филипповну? Сами хлысты рассказывали о начале своего учения в фантастических тонах. Спорили-де между собой православные и раскольники, по каким книгам церковные службы служить – по старым или по новым. Конец дискуссии положил премудрый костромской мужик Данила Филиппович – собрал все книги в мешок и потопил в Волге, пояснив: нужна лишь одна «Книга золотая, Книга животная, Книга голубиная – сам сударь Дух Святой». Тут-то и поняли его последователи, что не простой перед ними мужик, а «бог Саваоф», тем более что Данила Филиппович тут же предрёк, что скоро появится на Русской земле Спаситель и будет крестить людей Святым Духом. Чтобы удостоиться крещения, крестьянам надо забыть о плотских желаниях и жить со своими жёнами, как братья с сёстрами. «Женатые – разженитесь, а неженатые – не женитесь!» – призывал «бог Саваоф». Хмельного ни капли в рот не брать, на чужое добро не зариться: каждую украденную копейку вору на Страшном суде положат на темя, и, пока она не расплавится от адского жара, не будет ему прощения.

И точно, некоторое время спустя по Волге стал бродить мужик Иван Суслы, с помощью собственных двенадцати апостолов проповедуя учение «господа Саваофа». Хлысты рассказывали, что царь Алексей Михайлович, узнав о «Спасителе», велел его схватить и пытать. Жгли его на больших кострах, подвешивали на железный крюк, но он оставался невредимым. Тогда его распяли на стене у Спасских ворот. Стрельцы сняли тело и похоронили на Лобном месте. В ночь

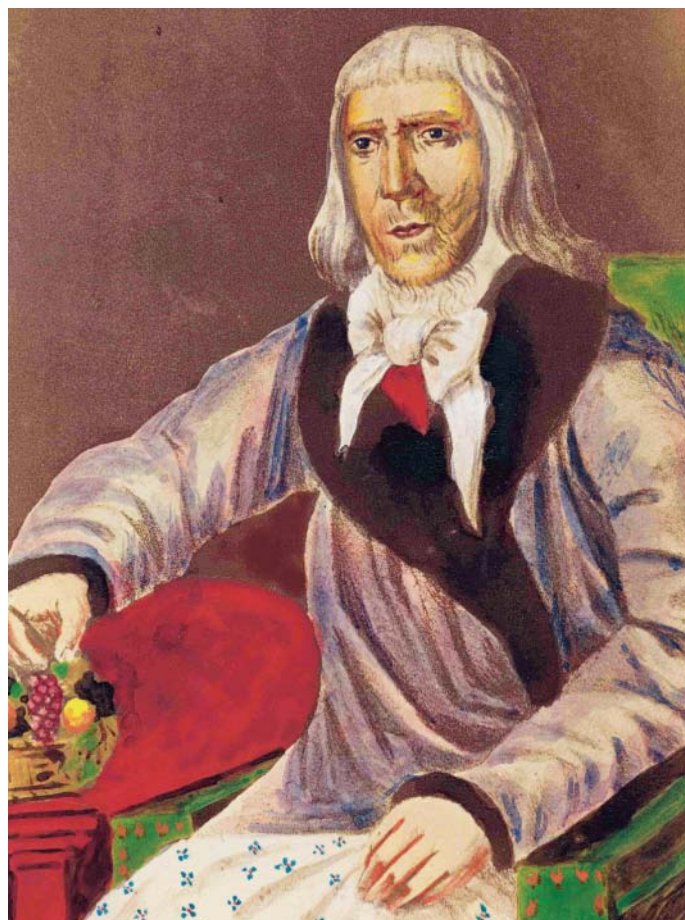
на воскресенье он воскрес. Царь велел его снова пытаться и распять. Сулов воскрес ещё два раза, и тогда за «Спасителя» вступилась царица: Наталья Кирилловна видела сон, что лишь тогда, когда Сулова отпустят, ей удастся благополучно разрешиться от бремени будущим Петром I. Сулова отпустили, он тридцать лет жил в Москве, после чего к нему явился сам «бог Саваоф Данила Филиппович» и забрал его на небо.

По хлыстовскому учению, в том Христе, в которого верят православные, не было ничего удивительного: Христом может стать любой, на кого сойдёт Святой Дух, – хоть самый бедный и тёмный мужик. Вот и стали, как грибы после дождя, возникать по всей России многочисленные «христы» – и не удивляло сектантов, что в их деревне свой Христос, какой-нибудь лапотник Иван Петров с крошками в бороде, а в соседней – их собственный, Пётр Иванов, без зубов и в прелом зипуне. По искажённому слову «христы» православные и называли эту секту. Правда, потом стали рассказывать, что еретики-де себя хлещут на тайных сборищах, приговаривая: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищущу». Обвиняли их и в том, что они кровью младенцев причащаются, но куда ж без этого? И католики в этом «уличали» еретиков, и про евреев так думали, а ещё раньше римские обыватели рассказывали эту чушь и про самих христиан.

Возбуждали хлысты в православном народе ужас и ненависть, и немудрено. Мало того что выбирали себе «христов» из мужичья, так ещё и проповедовали свободную любовь – призывая к чистоте безбрачия, на самом деле покрывали постоянные случаи «христовой любви» между сектантами. Оттого-то и валом валили к ним парни и девки, не желавшие ждать до брака, да и взрослые мужики и бабы, покинувшие опостылевшего супруга. «Христова любовь» была тем привлекательней, что хлысты старались минимизировать её последствия: морили младенцев в чреве матерей и даже прибегали к убийствам новорождённых. Заманивая новых «товарок» в секту, хлыстовки напоминали им о горькой женской доле, которой в православной семье не избежать: «Только болести одне принимать до смерти. А сколько хлопот за маленькими детьми! Ты скоро состареешь от одного горя, нужды и забот. А у нас ты будешь всё юная». Как современные чайлдфри, хлыстовки стремились «жить для себя», продлевая молодость и беспечное существование. Неудивительно, что в секту валом шли женщины. Как и многие современные секты, хлыстовские общины часто строились по принципу курятника: харизматичный гуру и пара дюжин его поклонниц. Охмурять прихожанок «христы» умели – очаровывали их возможностью иметь общение с самим Богом и кормиться крошками со стола его тайн. Стараясь придать себе

больше веса в глазах доверчивых, «христы» даже придумали собственный богословский язык из вымышленных слов, каждое из которых означало целую фразу. Например, «натрисинфур» означало «в Сына Божия веруй», «корнемила» – «будь милостив, человек», «черезондро фордей» – «чрезмерно не гордись». Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят – словом, та же лабуда, которой из века в век кормят своих поклонниц харизматические лидеры.

Православные миссионеры, имевшие дело с хлыстами, не знали, смеяться им или плакать: секты, состоявшие из «христов», «богоматерей»



и «пророков», мнили о себе, что они – избранный народ, соль земли, истинный Израиль. И тем не менее за курьёзной «христовщиной» скрывалась огромная движущая сила – задавленность крестьян, их желание утереть нос обществу, определившему их в низшее сословие. «Не та церковь, которая сооружена – деревянная или каменная, но церковь называется в сердцах и телесах!» – говорили хлысты православным священникам. Нищий, тёмный крестьянин в одно мгновение мог произвести себя в «христы», его забитая полюбовница – отринуть унылую женскую судьбу

и стать хоть пророчицей, хоть самой богородицей. И, перестав ходить в церковь, наслаждаться прямой линией со Святым Духом. В России, где земские учреждения давно канули в Лету и не возрождались до XIX века, хлысты создали своего рода «социальный лифт»: крестьяне выбирали из своей среды неформальных лидеров, даривших им ощущение собственной значимости. Даже сам обряд радения был демократичным: ведь Святой Дух мог снизойти на любого человека, независимо от его достатка и места в деревне. Вот этот главный человеческий обряд Татарина и вытащила на свет Божий, и он чудесным образом оказался близок и образованным людям: может быть, впервые в жизни князя и вельможи почувствовали, как важно для них ощущать родство с народом, который жил и умирал ради них и которого они толком не знали.

«У НАС НА СОБРАНИИ, КОМУ ДАН ДАР ПРОРОЧЕСТВА, ТЕ ПРОРОЧЕСТВУЮТ, НО САМИ СВОИХ ПРОРОЧЕСТВЕННЫХ СЛОВ НЕ ПОНИМАЮТ»

ТАМБОВСКИЙ ХЛЫСТ

Мало того, это смешное хлыстовство оказалось созвучно многому, что в русской истории произойдёт потом. Наивная вера неучёных людей в тайные таланты своей «простоты» будет позже взлелеяна литераторами-почвенниками, и в литературу валом повалят народные умельцы и философы – от Левши, посрамившего иностранных умельцев, до шукшинских чудиков, гордо писавших о себе: «Проблески философского сознания наблюдались у меня с самого детства. Бывало, если бригадир наорёт на меня, то я, спустя некоторое время, вдруг задумаюсь: «А почему он на меня орёт?»

Погодите, а что же всё-таки Татарина? Чем закончилась её история? Двенадцать лет её община вела спокойную жизнь «государства в государстве», но нечаянный случай положил этому конец. Один из крепостных Попова, посланный барином в полицию для наказания, в отместку хозяину поведал, что на дачах у Татарининой занимаются свальным грехом, вовлекая в оргии даже детей. На сей раз власти действовали молниеносно: в «ком-

муну» Татарининой нагрянул с обыском отряд жандармов. Пророчица встретила их любезно, водила по всем комнатам и уверяла: враки всё, не бывает у нас никаких оргий. Разочарованные жандармы уже собрались уезжать, как вдруг услышали стоны из чулана. Взломав запёртую на замок дверь, они увидели сидящую в темноте страшно избитую и измождённую девушку. То была средняя дочь Попова, которая уже в участке поведала страшную правду. Оказывается, в семье тайного советника вышел разлад – дочь не желала принимать участия в утомительных радениях. По совету Татарининой Попов стал наставлять девушку: в течение года бил палками по два-три раза в неделю, порой до крови, запрещал общаться с сёстрами, а на ночь запирали в тёмный чулан. Вскрылось и другое. Оказывается, все эти годы Татарининой кормилась посредничеством в общении с Богом: собирала за деньги у просителей записочки, а на следующем радении давала «ответы на вопросы телезрителей» – как бы от Всевышнего.

История вмиг распространилась по столице, и вскоре общественность со слезами на глазах благодарила Секретный раскольничий комитет, определивший Попова и Татарининову на содержание в монастырь. Попов вскоре умер, а Татарининова жила долго. Николай, ревностный христианин, требовал, чтобы она письменно отреклась от своих заблуждений. Однако упрямая, убеждённая в своей правоте пророчица настаивала, что во всех поступках руководствовалась только любовью к людям. Борьба двух убеждённых людей продолжалась десять лет – Николай регулярно рвал письма, где она разъясняла ему своё учение. Потом она наконец сдалась, подписав обязательство никогда не принимать участия в тайных обрядах, и Николай разрешил ей поселиться в Москве. Здесь Татарининова будет жить тихой, незаметной жизнью и умрёт через восемь лет, всеми забытая.

Местами вожди

Поучительная вышла история, хотя лишь сейчас мы можем вывести из неё мораль. Получилось у Татарининой то же, что и у описанного Достоевским в «Бесах» теоретика-нигилиста: проповедуя безграничную свободу, она закончила безграничным деспотизмом, издевательствами, подавлением воли доверившихся ей людей. Много, много размышлений вызывает эта история, и жаль, что закончавшееся в ней грозное предзнаменование не было услышано.

В начале XIX столетия у хлыстов не было никакой организации – какое единство, если в каждом курятнике свой петух? И всё же с середины века многочисленные хлыстовские общины объе-



динились в подобие союза – возник «Израиль», проводивший неформальные съезды хлыстов и руководивший их жизнью. От него, правда, периодически откалывались отдельные направления – чемреки, шалопуты. В конце столетия откололся «Новый Израиль», созданный воронежским крестьянином Василием Лубковым. Юноша из ничем не примечательной семьи в семнадцать лет почувствовал «приближение Господа» и свалился без чувств, а когда восстал, ощутил подлинное блаженство: понял, что в нём нашёл пристанище Святой Дух. Объявил отцу и матери, что отныне не может называться их сыном, и, несмотря на ругань и побои, принялся проповедовать в родном городе Боброве, что церковные обряды не имеют силы: Богу нужны не они, а чистая жизнь. Понемногу вокруг него собралась «семья» поклонников, которых он брал в чистое поле, где они неделю напролёт постились без еды и воды, ходили по монастырям, где обличали развратных монахов. Церкви это не понравилось, и вскоре Лубков оказался в тюрьме. Где, кстати, быстро нашёл себя: уже через месяц заключённые уверили в него как в Христа. «Тюрьма превратилась в царские палаты, гордые преступники и разбойники – в смиренных овец и кротких ангелов», – хвастался Лубков. Мать его, потрясённая заключением сына, занемогла и умерла, потрясённая настолько, что отказалась принять причастие от православного священника.

А Лубков, отбыв положенный срок, вернулся в Воронеж и основал новое братство, быстро открывшее «филиалы» в разных городах России. Организация была глубоко законспирированной. Даже городам дали новые названия: Тифлис стал Парижем, Елизаветполь – Иерусалимом, Бобров – Вифлеемом. Все семьи, повенчанные по православному обряду, распустили: мужей и жён, родителей и детей «освободили» друг от друга и позволили им образовать новые семьи по своему желанию. Сектанты дружно работали, кормя себя трудом своих рук. Женщины были в большом почёте: когда один из крестьян погрозил жене кулаком, ему пригрозили изгнанием – рабу своих привычек нет места среди возрождённых людей. «Новый Израиль» наладил успешную пропаганду: перед приглашёнными из окрестных деревень крестьянами ставили театрализованные мистерии. «Представьте себе, – писал Лубков, – что где-нибудь в глуши степной России заброшено село в несколько сот душ. Живёт оно своими маленькими интересами, дразнами и пересудами, и, кажется, только голод, град, поветрия, пожары время от времени разнообразят эту печальную, тусклую жизнь. И вот в это село проникает «Израиль». Тайно, по единому, образуется святое собрание. Люди сразу стали жить иной жизнью». Разумеется, обывателям всё это не нравилось, и нападения на новоизраильтян, происходившие

с ведома церкви и полиции, не были редкостью: так, в одной из станиц Астраханской губернии казаки, ворвавшиеся на собрание сектантов, убили их вождя и избили всех других общинников.

И всё-таки хлыстовство увидело свой золотой век: после первой русской революции, когда была дарована свобода вероисповедания, общины «Израиля» стали проводить открытые моления в крупных городах России. Выйдя из тени, они сразу привлекли к себе интерес интеллигенции. Хотя понятнее для неё не стали: легко увлекающийся Василий Розанов, например, увидел в хлыстовских обрядах средство объединить разрозненную революцией Россию. Майской полночью 1905 года направляемое им религиозно-философское общество собралось на квартире у теософа Николая Минского «с целью моления и некой жертвы кровной»: намеревались «Богу послужить, порадеть, каждый по пониманию своему», нарочито скромно писал Розанов. Играли в протачков-мужичков рафинированные интеллигенты: Вячеслав Иванов, Бердяев, Ремизов, Сологуб с жёнами. Сперва неумело кружились по комнате – вышло что-то вроде котильона. Затем Вячеслав Иванов поставил посреди комнаты «жертву», добровольно согласившегося музыканта, чью фамилию история до нас не донесла. Изобразив символическое «распятие» этого неизвестного, Иванов с женой разрежали ему вену под ладонью, смешали собранную в чашу кровь с вином и обнесли собравшихся; потом все выпившие совершили «братское целование». Человеческой кровью «причащались» и на последующих встречах.

Поистине нет такой глупости, в которую не мог бы уверовать рафинированный интеллигент, хотя ритуальный каннибализм и привлекает не всякого. Друг и соратник Ленина Владимир Бонч-Бруевич усмотрел в хлыстах иное – вообразил в них практически готовых последователей марксизма. Очаровал и охмурил его Алексей Щетинин, лидер питерских чемреков, неординарный и жёсткий человек, в умных словах рассуждавший о церковниках: «Зная, что за именем Бога народ последует везде, даже на смерть, осмелились себе это имя присвоить и, под прикрытием Его, требовать различные жертвы – больше для личной прихоти». Щетинин проповедовал равенство, построенное на любви к человеку: «Когда-нибудь поймут, что все храмы были потому, что не знали, как нужно служить друг другу». И вся община у него была продвинутая – он помогал крестьянам получать образование, благодаря чему среди чемреков появились даже настоящие поэты, писавшие стихи в духе Некрасова и Горького:

*Прогремит тот звук чудесный,
Вестник сильного дождя,
Не земной, а он небесный
От единого вождя.*

Частое упоминание слова «вождь» в их стихах не случайно. Для чемреков Щетинин был образцовым лидером – мудрым, великодушным: пришедшие к нему семьи познавали радость безбрачия, служения не прихотям тела, а высшим мотивам. В их рассуждениях и вправду было много революционного: они мечтали, чтобы вместо безвольного царя страну возглавил вот такой добрый вождь, который навёл бы порядок в головах. Главный поэт и мыслитель секты Черемхин писал: «Люди так распределяются на земном шаре, как на стрелке, стержень которой имеет в середине. И вот на одном конце нуждающиеся в вождях люди, на другом вожди, и насколько поднимаются вверх одни, настолько же нагружаются вниз другие». В этих рассуждениях Бонч-Бруевич черпал уверенность, что хлысты готовы к революционной борьбе, что большевики могут на них опереться.

Репетиция сталинизма

Правда открылась ему лишь через несколько лет – к занимавшемуся партийной работой Бонч-Бруевичу явились несколько чемреков и поделились с ним своим горем: их мудрый и добрый вождь оказался редкостным проходимцем. Обучая их чистоте жития, Щетинин долгие годы спал с их жёнами и даже дочерьми, запрещая рассказывать о близости с «богом» под страхом небесного наказания. Узнав об этом, мужчины покинули секту, а их жёны выбрали остаться там, удержав с собой детей! Женщины, правда, тоже догадывались о том, что вождь совсем не прост – у некоторых он вымогал деньги, а в личном разговоре издевался над своими последователями, называя их «тварями» и «морскими микробами», но сил покинуть Щетинина обманутые поклонницы не находили: а вдруг и в самом деле Бог? Коварный вождь сам приблизил свой конец: желая проверить личную преданность сектантов, он задумал отобрать у всех женщин их детей и раздать по различным приютам, не открывая матерям, где находятся их чада. Только тут женщины нашли силы послать делегатов в полицию, но оказалось, что вождь и тут подсуетился: заранее написал на своих последователей ложный донос, обвинив в заговоре и тяжёлых преступлениях. Многих из них даже арестовали. Впрочем, полиция быстро разобралась в этой лжи: после суда Щетинина поместили в больницу для душевнобольных.

После этой истории по России прокатилась волна погромов хлыстовских общин. Самые передовые из сектантов решили искать новую родину. Лубков отправился в Америку, где свёл знакомство с уругвайским консулом, остро заинтересованным в новых иммигрантах. Побывав по приглашению Лубкова в России и оценив трудолюбие и дисциплинированность новоизраильтян,

консул вывез три сотни русских семей через океан, поселив их в устье реки Уругвай. Здесь они построили город Сан-Хавьер. Началась новая страница в жизни хлыстов: ютятся в хижинах, страдая от малярии, поселенцы возделывали плантации сахарного тростника. Здесь-то в Лубкове и проснулся тот же дьявол, которому ранее удалось охмурить Татаринову и Щетинина.

Оказавшись в чужой стране, не знавшие испанского, переселенцы быстро стали ощущать своё бесправие и полную зависимость от вождя, через которого шли все сношения с окружающим миром. Лубков, почувствовавший беспредельную власть над паствой, решил, что коммуне надо жить «единой семьёю», и повелел считать всю ответственность хлыстов общей. Скрепя сердце переселенцы согласились. Однако искренняя любовь к вождю дала трещину, и вскоре Лубкову чудом удалось избежать расправы со стороны духовных чад. С небольшим числом преданных сторонников он вернулся в Россию, которая к тому моменту была уже советской, бросив веривших в него людей на другой стороне планеты. Освободившись от «учителя», хлысты почувствовали себя гораздо свободнее – Сан-Хавьер постепенно разрастался, сохраняя традиции и национальную культуру. Сейчас это единственный русский город в Южном полушарии. Лубкову повезло меньше – тщетно он пытался собрать новую паству в Ростовской области: большевики к сектантам, тем более к хлыстам, относились с подозрением. В годы «большого террора» он и его немногочисленные приверженцы были репрессированы.

Любовь к человеку, которую проповедовали хлысты, оказалась куда более страшной, чем любовь к Богу: обитающий на небе и готовый принимать грехи каждого, Бог может пропускать мимо ушей наши молитвы и жалобы, но ему не придёт в голову выслушивать их только ради того, чтобы использовать нас в своих интересах, и отрицать чужие страсти только затем, чтобы утвердить свои собственные. Вожди, о которых так мечтали хлысты, оказались чётким прообразом авторитарных «отцов народов», а вся история хлыстовства – миниатюрной репетицией чудовищных режимов XX века. Эти режимы оказались совершеннее своих предшественников – они не терпели никакой конкуренции своей правде, своей власти. Сгинул в лагерях Лубков, умер в больнице Щетинин, угас Розанов, в 1919 году взывавший к Зинаиде Гиппиус: «Пирожка бы... Творожка бы...» Вспоминал ли он о том, как причащался человеческой крови, чтобы почувствовать единение с народом, который теперь морил его голодом? Обессилев от долгого кружения вокруг воображаемого центра, повалились участники пляски Святого Духа на окровавленный пол избы, и эхо их падения слышится до сих пор. ☉



► «Вечер на улице Карла Юхана».
Эдвард Мунк. 1892 год



—❖ ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ ❖—

Характер нордический, хрупкий

Двигаясь прочь от цивилизации, Гоген указал путь на юг – в девственную Полинезию. Второй беглец от буржуазного общества забрался в ледяную глушь, в самую северную точку Европы

МАКСИМ КАНТОР

Наиболее родственный Гогену художник, тот, кого без преувеличения можно назвать двойником Гогена в искусстве (такое случается нечасто), является типичным представителем Севера.

Как и Гоген, он был строптив и, появляясь (в молодости такое с ним случалось) в свете, ухитрялся обидеть даже тех, кого обижать не собирался. Ему прощали нелепые выходки: он много пил («ах, эти художники ведут богемный образ жизни!»), он ждал подвоха от дамского внимания и мог нагрубить дамам (биографы уверяют, что это от застенчивости), он был мистиком (как и все северные творцы, впрочем), прислушивался к внутреннему голосу, а вовсе не к правилам и регламенту – всем этим оправдывали его неожиданные эскапады. Несколько раз он даже лежал в клинике, лечился от алкоголизма; он консультировался с психоаналитиком – хотел победить асоциальность. От визитов в клиники остались портреты врачей; но образ поведения художника не изменился. Когда мастер в конце концов выбрал одиночество и построил мастерскую в лесной холодной глуши – это уже никого не удивило. В прежние, городские годы бывало так, что он прекращал занятия живописью на несколько месяцев – впадал в депрессию или уходил в запой. Нет, не муки творчества, не неразделённая любовь – видимо, так на него действовала городская среда. Оставшись один, окружённый снегом и ледяными озёрами, он обрёл ту спокойную уверенность, которая позволяет работать каждый день.

Речь, разумеется, идёт о норвежце Эдварде Мунке, мастере, исключительно схожем с Гогеном не только стилистически, но и сущностно.

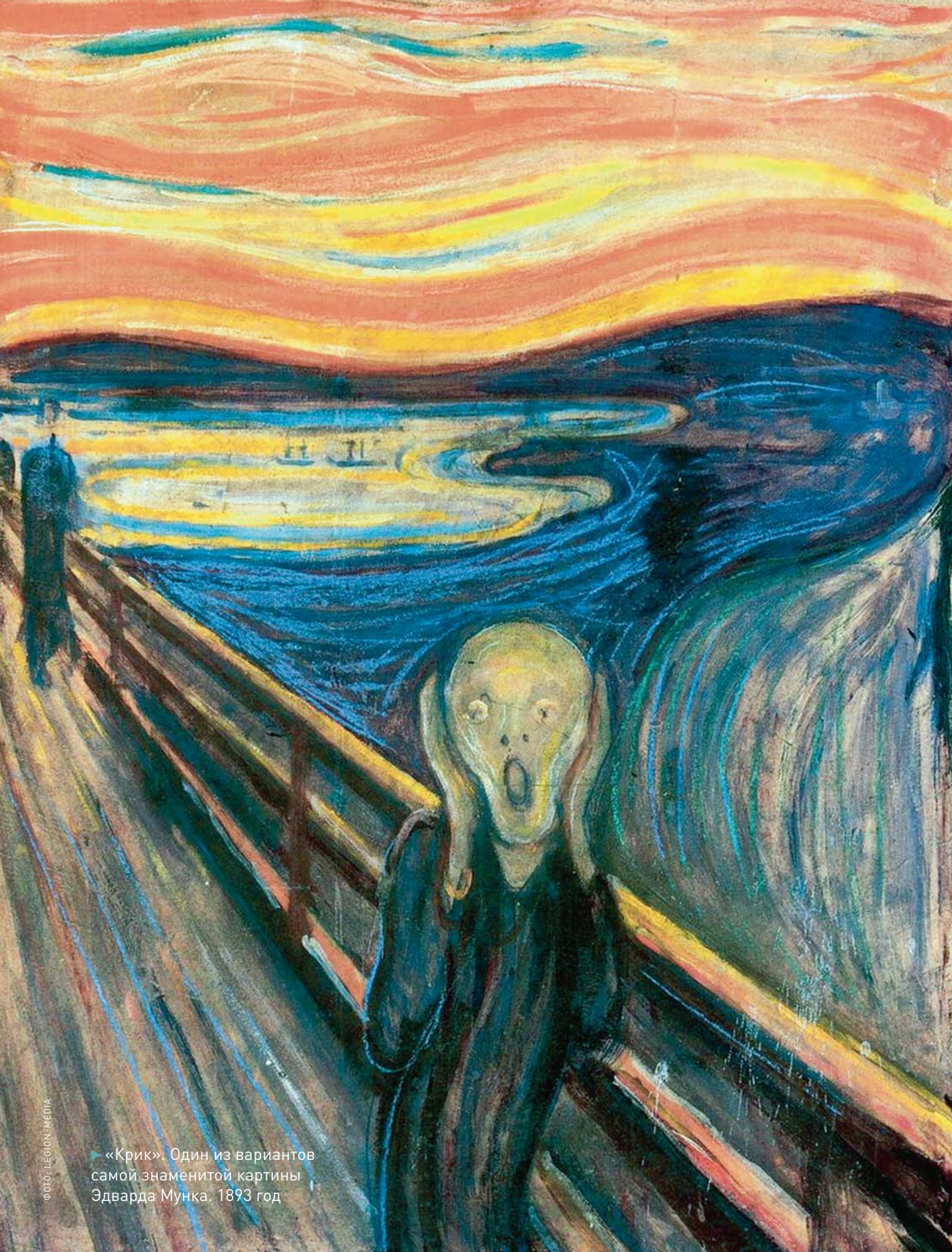
То, что два эти мастера воплощают крайние точки европейской цивилизации – северную Скандинавию и южные колонии Франции (что может быть южнее?), – не должно смущать: совпадение крайних точек в культуре вещь известная. Так, ирландские сказители были уверены, что с башен Корка могут видеть крепостные башни Испании.

Мунк и Гоген родственны даже палитрой, и это несмотря на то, что с Гогеном у зрителя ассоциируются яркие краски южных морей (француз специально стремился в те земли, где краски горят и сверкают, где простота форм оттеняет локальный цвет), а норвежец Мунк, напротив, любил зимнюю, сумрачную гамму цветов. Их палитры, тем не менее, роднит особая жизнь цвета, которую я бы определил как спрятанный контраст. Оба, и Мунк, и Гоген, пишут подобиями, избегая лобовых столкновений цветов (контрастов, столь любимых Ван Гогом), они мягко аранжируют синий – голубым, а голубой – сиреневым; но среди негромких подобий всегда прячется всполох контрастного цвета, который художник преподносит глазу зрителя неожиданно, после

того, как знакомит зрителя с гаммой подобий. Так, в золотой сумме цветов Гогена властно звучит противопоставленная золоту тёмная фиолетовая ночь; но фиолетовый входит в картину не сразу, ночь опускается подспудно, напоминает о себе негромко. Но, опустившись, ночь прорывает и прячет всё: во мраке исчезают золотые тона и трепетные гаммы. Сумрак, который постепенно и неотвратно сгущается, – вот, пожалуй, наиболее адекватное описание палитры Мунка.

На картины Мунка и Гогена мы смотрим с ощущением спрятанного внутри картины диссонанса – и тем сильнее впечатление, когда картина вдруг взрывается контрастом и прорывается криком. Поглядите на картину Мунка «Крик». Крик словно вырывается изнутри полотна, он подготовлен исподволь, всполохи и зарницы заката не вдруг начинают звучать. Но постепенно, из сопоставлений нарочито мягких цветов, возникает – и, раз возникнув, нарастает и заполняет пространство – протяжный, безнадежный крик одиночества. И так происходит со всяким полотном Мунка. Он писал, легко касаясь кистью поверхности холста, никогда не нажимая, не форсируя мазок. Можно сказать, что его движения нежны. Можно сказать, что он гармоничен – он любил пастельные нежные тона. Разве эти негромкие цвета не рассказывают нам о тихой гармонии северной природы? Разве его струящиеся волнистые линии – то это горные ручьи, то локоны озёрной девы, то тени разлапистых елей – разве они не призваны успокоить? Картины Мунка словно убаюкивают, можно вообразить, что вам тихо рассказывают на ночь сказку. И, однако, нагнетая эту северную гармонию неторопливого рассказа, Мунк неожиданно переводит мелодраматический нежный рассказ в трагедию: незаметно для зрителя цветовая симфония переходит в крещендо и вдруг звучит отчаянной, дисгармоничной, визгливой нотой. Строго говоря, Мунк – художник буржуазных мелодрам, как, например, его современник Ибсен. Мунковские влюблённые, застывшие в многозначительных позах на фоне лиловой ночи, – они вполне могли бы украсить (да они и украшали) гостинные sentimentальных столичных буржуа; эти слащавые образы отлично могут иллюстрировать пошлые стихи. Кстати будь сказано, советский журнал «Юность» 60-х годов – это сплошные реминисценции из Мунка, открытого в ту пору советскими графиками: распушенные волосы сельской учительницы, чеканный профиль главного инженера – это всё оттуда, из северных элегий Мунка. И, однако, в отличие от своих эпигонов, сам Эдвард Мунк отнюдь не пасторален – сквозь приторную мелодраму проступает то, что скопировать нереально и чему трудно умиляться.

Его картины содержат особое, неприятное чувство – оно колючее, оно ранит, оно заставляет



► «Крик». Один из вариантов самой знаменитой картины Эдварда Мунка. 1893 год



► «Солнечный свет». Эдвард Мунк. 1891 год

нас волноваться. В картинах Мунка есть северная сказка, но нет сказочного счастья – во всякой картине присутствует плохо скрытое безумие. Так, душевнобольной человек в периоды ремиссии может выглядеть почти нормальным, лишь лихорадочный блеск глаз и нервный тик выдают его ненормальную природу. Этот нервный тик присутствует во всяком полотне Эдварда Мунка.

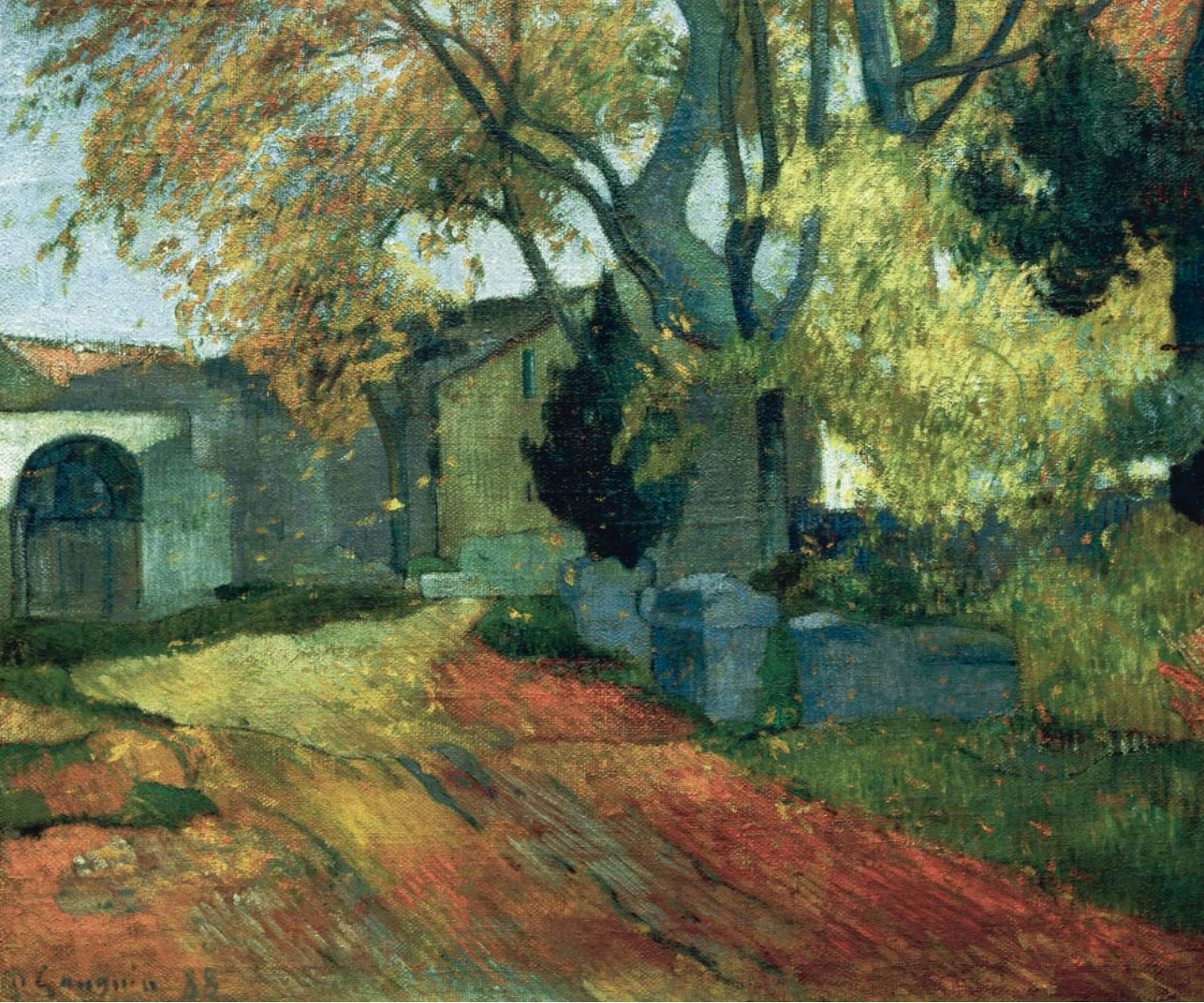
Спрятанная в салонном флирте истерика вообще характерна для скандинавской мелодрамы – вспомните персонажей Ибсена. Вероятно, это до какой-то степени компенсирует хрестоматийную северную медлительность: действие развивается неспешно, но однажды происходит взрыв. Нет пьесы, в которой пастельные тона не взорвались бы самоубийством или клятвопреступлением. Но в случае Мунка всё ещё серьёзнее. Живопись предъявляет нам роман жизни сразу целиком,

в картине нет пролога и эпилога, но всё случается сразу, одновременно. И приторная мелодрама, и колющее безумие видны сразу же, просто сочетаются эти качества настолько непривычно для глаза, что хочется безумие не заметить. Так и сам художник: человек постоянно пребывает в истерике – просто это особая, северная, холодная истерика; её можно не заметить. С виду мастер спокоен, даже чопорен, его пиджак застёгнут на все пуговицы. Любопытно, что, даже оставшись один, в глуши, Мунк сохранил чопорный облик северного горожанина – скучный скандинавский чиновник, человек в футляре: жилетка, галстук, крахмальная рубашка, иногда и котелок. Но это тот же самый человек, который неудавшиеся холсты выбрасывал в окно: распахивал окно, срывал холст с подрамника, комкал картину, выкидывал на улицу, в сугроб – чтобы картина валялась в снегу месяцами. Мунк называл эту расправу над искусством «лошадиным лечением»: мол, если картина не развалится от такой процедуры, значит, она чего-то стоит, значит, можно её продолжать. Спустя недели мастер начинал искать наказанный холст – разгребал снег, смотрел, что осталось от полотна.

Сравните это поведение с нежными тонами сумеречных пейзажей, с красками бледного и нежного заката; как уживается бешенство с меланхолией? Это даже не так называемый взрывной темперамент, которым обладал Гоген. Это не взрыв, но перманентное состояние холодной, расщепленной истерии, описанное в скандинавских сагах подробно. Мунковский «Крик» кричит всегда, этот крик одновременно и вызревает внутри гармонично скомпонованных тонов, но и звучит во всю свою оглушительную мощь. Всё это одновременно: и деликатность – и грубость, и мелодрама – и жестокое безумие одновременно.

Есть такие скандинавские воины, воспетые в сагах, наиболее опасные в битвах, – иступлённые бойцы, находящиеся словно в бреду. Они безрассудно храбры, не чувствуют боли, пребывают в экстагическом возбуждении, но вместе с тем сохраняют хладнокровие и расчёт – они страшны на поле брани: такому бойцу нельзя причинить боль, а сам он действует как заведённая военная машина. Таких воинов называют берсерками – берсерки безумны, но это безумие не мешает им вести себя рационально. Это особое, уравновешенное сумасшествие.

Состояние рассудочного неистовства очень характерно для северной эстетики. Мелодраматическая бесчувственность, приторная жестокость – она, придя из Скандинавии (родины стиля модерн) в Европу, обусловила некоторые стилистические особенности модерна. Мортальная тематика, египетский культ усопших, черепа и утопленники – и одновременно нежнейшие



► «Аллея Алискамп». Поль Гоген. 1888 год

тона, надломленные ирисы, кружевные орнаменты, изысканные изгибы скользящих линий. Тление, распад и вызывающая красота; несочетаемое сплетено воедино на фронтонах венских особняков, в книжных иллюстрациях британских прерафаэлитов, на решётках Парижского метрополитена – а пришло всё оттуда, из скандинавской саги, где мелодрама легко уживается с бесчеловечностью. Характерен литографический автопортрет Эдварда Мунка. Перед нами безупречный и холёный буржуа, он облокотился на раму внутри картины, свесил руку в нашу сторону, к зрителям – но это рука скелета.

«Человеческое, слишком человеческое» (как любил говорить Ницше) становится всего лишь материалом для эстетического жеста модерна. Наряду с норвежскими сагами и Ибсеном надо вспомнить и Ницше. Он не скандинав, хотя

упорно тяготеет к нордической эстетике, и нордический нрав его философии именно таков: этот хладнокровно-истерический философ-поэт тоже своего рода берсерк.

Определив Мунка как героя скандинавской саги, мы точнее видим его сходство с Гогеном. Их роднит иррациональное, сказочное ощущение бытия, которое они противопоставляли реальности. Можно употребить выражение «мистическое начало», оговорившись, что речь идёт о воздействии цвета на зрительскую психологию. Северные сказки Мунка: разлапистые ели, гордые сосны, горные озёра, голубые ледники, лиловые сугробы, сумрачные снежные шапки вершин – и южные сказки Гогена: стремительные ручьи, широколистные пальмы, лианы и баобабы, тростниковые хижины – всё это, как ни странно, чрезвычайно похоже у обоих мастеров. Они на-

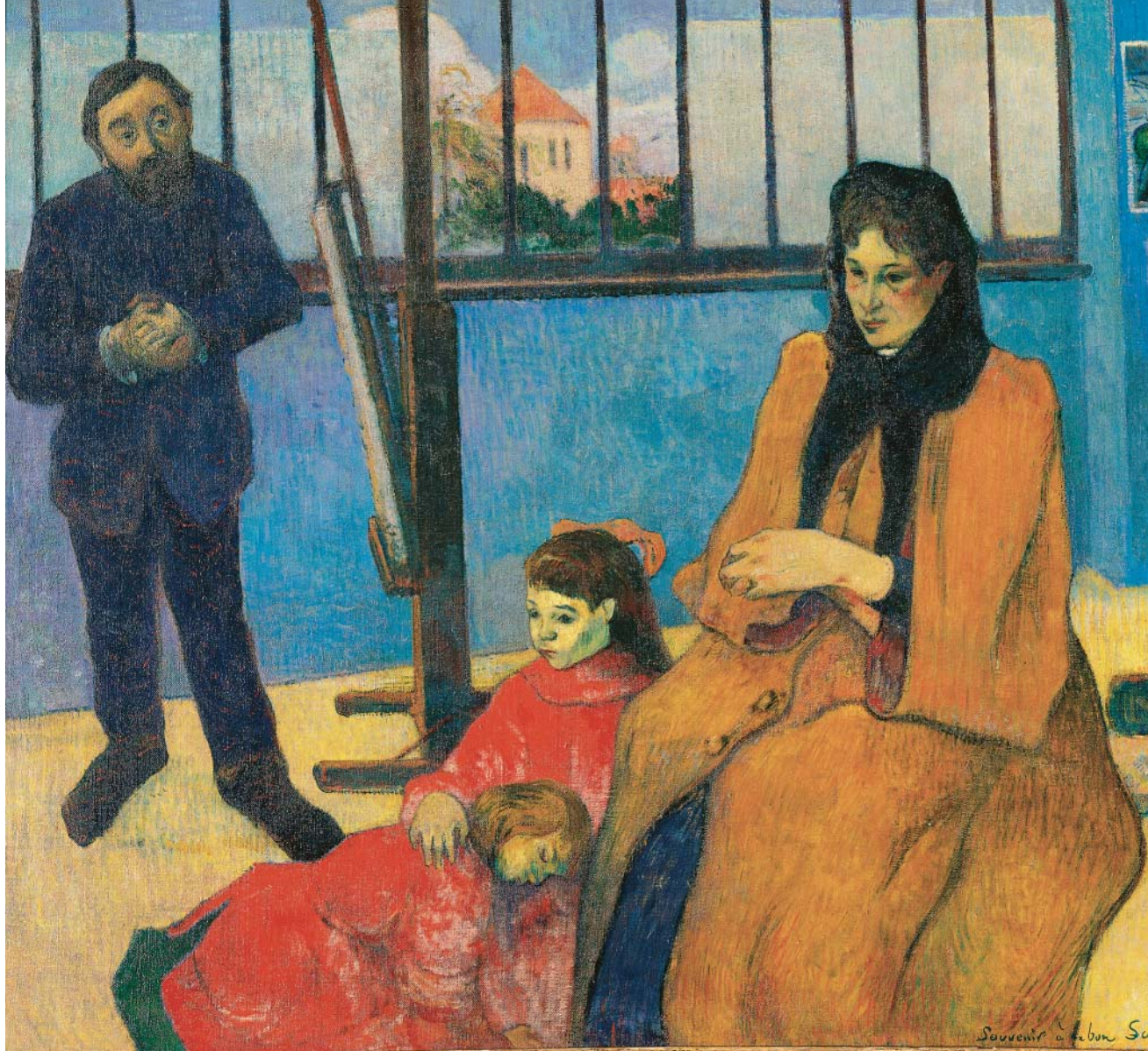


► «Четыре сына доктора Линде». Эдвард Мунк. 1903 год

гнетают тайну, набрасывая покров за покровом на привычное нам бытие. Цвет – это ведь не что иное, как покров холста, который изначально был чист. Вообразите, что художник накидывает одну цветную вуаль поверх другой, и так много раз – вот это и есть характерный метод письма Мунка и Гогена. Любопытно, например, как они пишут землю. Что может быть банальнее и проще, чем изображение почвы под ногами? Большинство художников, причём очень хороших, удовлетворяются тем, что закрасивают землю в коричневый цвет. Но Гоген и Мунк действуют иначе. Плоскую однотонную землю они оба пишут словно растекающуюся в разные цветовые гаммы или же (возможно, так точнее) словно набрасывают на плоскую поверхность цветные покровы, один за другим. От этого чередования цветных покровов возникает как бы текучесть цветовой поверхно-

сти. Лиловый сменяет алый, тёмно-коричневый чередуется с синим. И когда доходит черёд до покровов ночи, когда оба пишут сумрак и таинственные огни в ночи, сходство художников становится вопиющим.

Обоим мастерам присуще родственное понимание текучести цветовой среды: цвет вливается в среду холста, а предмет перетекает в предмет, цветная поверхность объекта словно вливается в пространство картины. Предметы не отделены от пространства контуром – и это несмотря на то, что Гоген периода Понт-Авена недолго, но подражал витражной технике! – но обрамлены текучим цветом пространства. Иногда мастер обводит произвольной цветной линией несколько раз вокруг предмета, словно раскрашивая воздух. Эти цветные потоки, обтекающие объект (ср. с морским течением, обтекающим остров), вообще

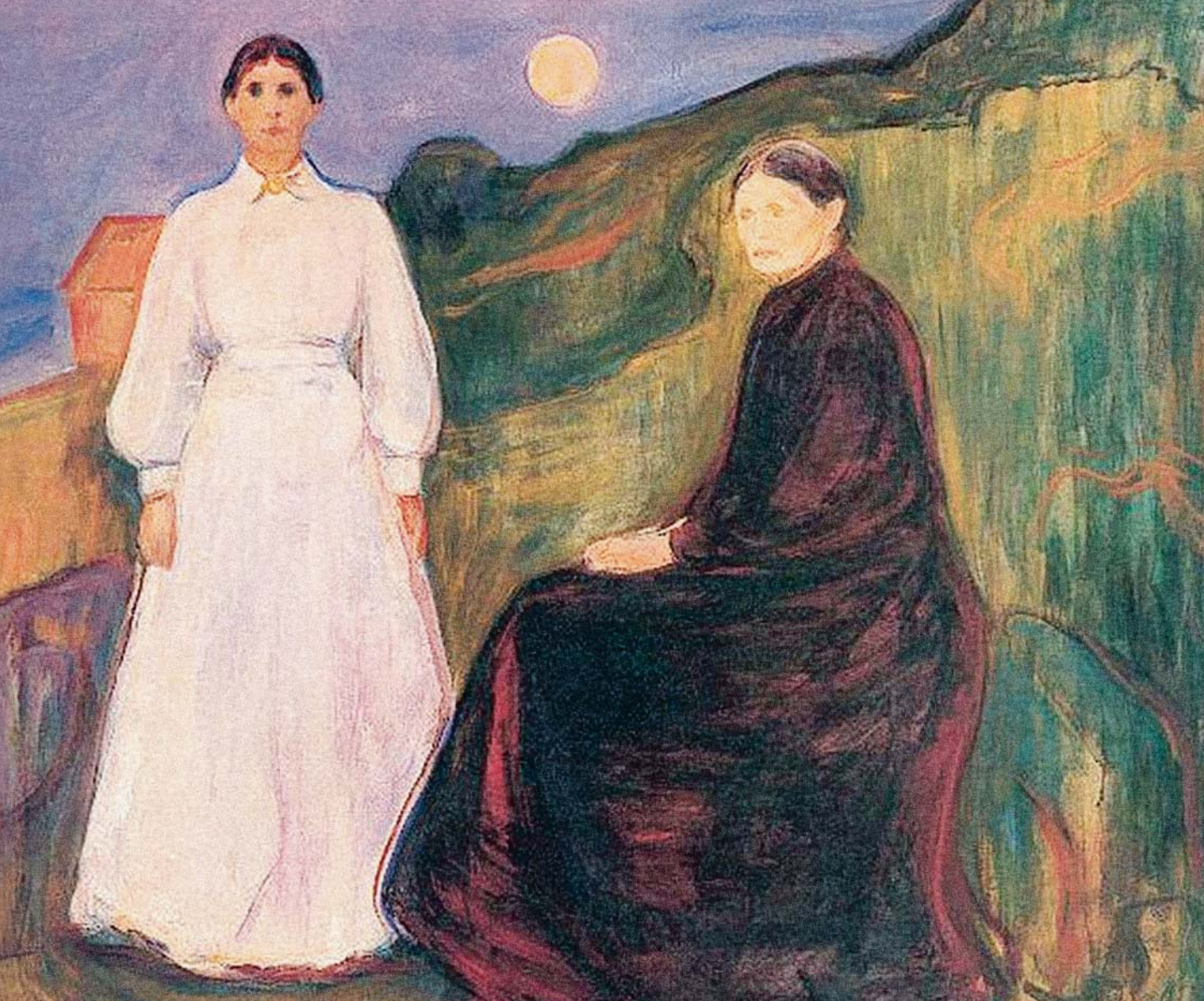


► «Семья Шуффенекер». Поль Гоген. 1889 год

не имеют отношения к реальным объектам или к предметам, изображаемым на картине. Деревья Мунка опутаны, оплетены цветной линией по десятку раз, вокруг снежных крон порой возникает своего рода свечение; иногда северные ели и сосны напоминают пирамидальные тополя Бретани или экзотические деревья Полинезии – напоминают именно тем, что художники рисуют их одинаково: как волшебные деревья в волшебном саду.

Перспектива (как мы знаем из работ итальянцев) имеет свой цвет – возможно, голубой, возможно, зелёный, а барочные мастера погрузили все далёкие предметы в коричневатую мглу, – но цвет воздуха Гогена или Мунка не связан ни с перспективой, ни с валёрами (то есть без учёта искажений цвета в связи с удалением предмета в воздушной среде). Они закрывают холст, подчиняясь

некоему не-природному, не-натурному импульсу; наносят тот цвет, который выражает мистическое состояние души, – можно написать ночное небо бледно-розовым, дневное небо тёмно-лиловым, и это будет правдиво по отношению к картине, к замыслу, и при чём здесь природа и перспектива? Так писали иконы – и плоское пространство картин Мунка и Гогена напоминает иконописное пространство; цвет наносят без учёта валёров; это равномерно и плоско окрашенные холсты. Из сочетания плоскости, почти плакатности картины и струящихся, движущихся в глубину цветовых потоков возникает противоречивый эффект. Картины Мунка зовут вдаль и вместе с тем сохраняют сказочную, иконописную плакатность. Поглядите на классические мунковские «Мосты» (помимо знаменитого «Крика» художник написал десяток картин с тем же самым мо-



► «Мать и дочь». Эдвард Мунк. 1897 год

стом, уходящим в пространство). Объект «мост» интересен тем, что его параллельно положенные доски уводят взгляд зрителя в глубину, как указательные стрелки, – но при этом художник пишет доски как цветные потоки, как волшебные течения цвета, а этот цвет ничего общего с перспективой не имеет. Художник также любит писать уходящую вдаль улицу («Вечер на улице Карла Юхана», 1892) – линии дороги, уводящие зрителя вглубь картины, контрастируют с плоскостным цветом. Сравните с этими картинами сходные пейзажи Гогена – например, «Аллею Алискамп», написанную в 1888 году в Арле. Тот же эффект странной перспективы, лишённой перспективы; эффект близкой дали, остановленного бега пространства.

Мы узнаём цвета Мунка не потому, что эти цвета похожи на Норвегию, – в картине «Крик»

художник использует спектр, равно годящийся и для итальянской палитры, – но потому, что произвольный цвет пространства Мунка присущ только его пространству, искривлённому, не имеющему глубины, но одновременно зовущему в глубину; это цвета волшебства, цвета превращения.

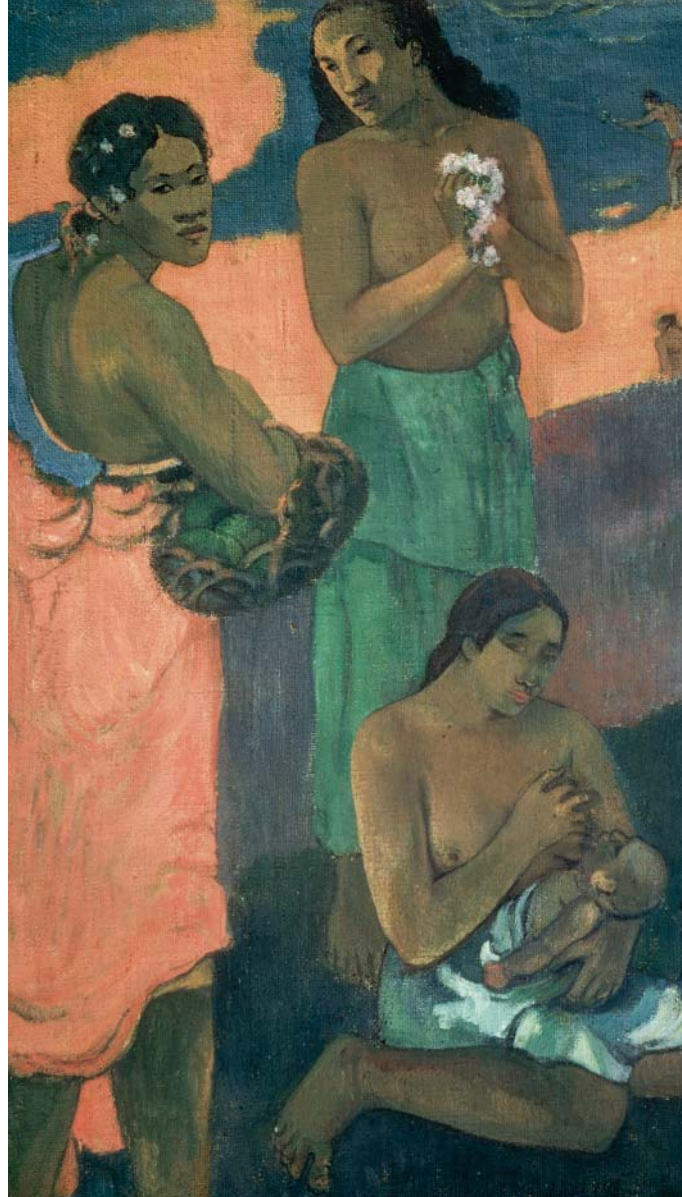
Линия Гогена несомненно родственна эстетике модерна – такова и линия Мунка; у обоих мастеров линии одинаково текучи и возникают словно сами по себе, вне зависимости от свойств изображаемого объекта. Стиль модерн отравил пластику конца XIX века. Плавной, гибкой и вялой одновременно линией рисовали все – от Альфонса Мухи до Бёрн-Джонса. Линии струятся не по прихоти создателя картины, но подчиняясь волшебному духу природы – озёр, ручьёв, деревьев. В таком рисовании чувства мало, это исключи-

тельно равнодушное рисование; требовалось уехать очень далеко от Европы, как Гоген, забраться в глухие леса и болота, как Мунк, чтобы научить эту пустую линию чувствовать.

Мунк наполнил эту линию эпохи модерна (вообще говоря, присущую не ему одному, но многим мастерам того времени, эта текучая линия своего рода приём тех лет) своим особым дрожащим безумием, снабдил нервным тиком руки. Обводя десятки раз изображаемый предмет – это заметнее всего в его офортах и литографиях, где игла и карандаш мастера по десятку раз проходят одну и ту же дорогу, – Мунк, как и многие неуравновешенные люди, словно тщится держать себя в руках, он будто бы нарочно повторяет то же самое, зная за собой опасную страсть взрывать и всё вокруг сметать. Эта монотонность – он возвращается к тому же мотиву из раза в раз, он повторяет ту же линию раз за разом – своего рода заговор, своего рода заклинание. В числе прочего надо учитывать и то, что свои заклинания Мунк ценил чрезвычайно высоко – он считал (ошибочно или нет – судить потомкам), что выражает суть исканий тех лет, а именно оживляет древние саги, делает актуальным предание.

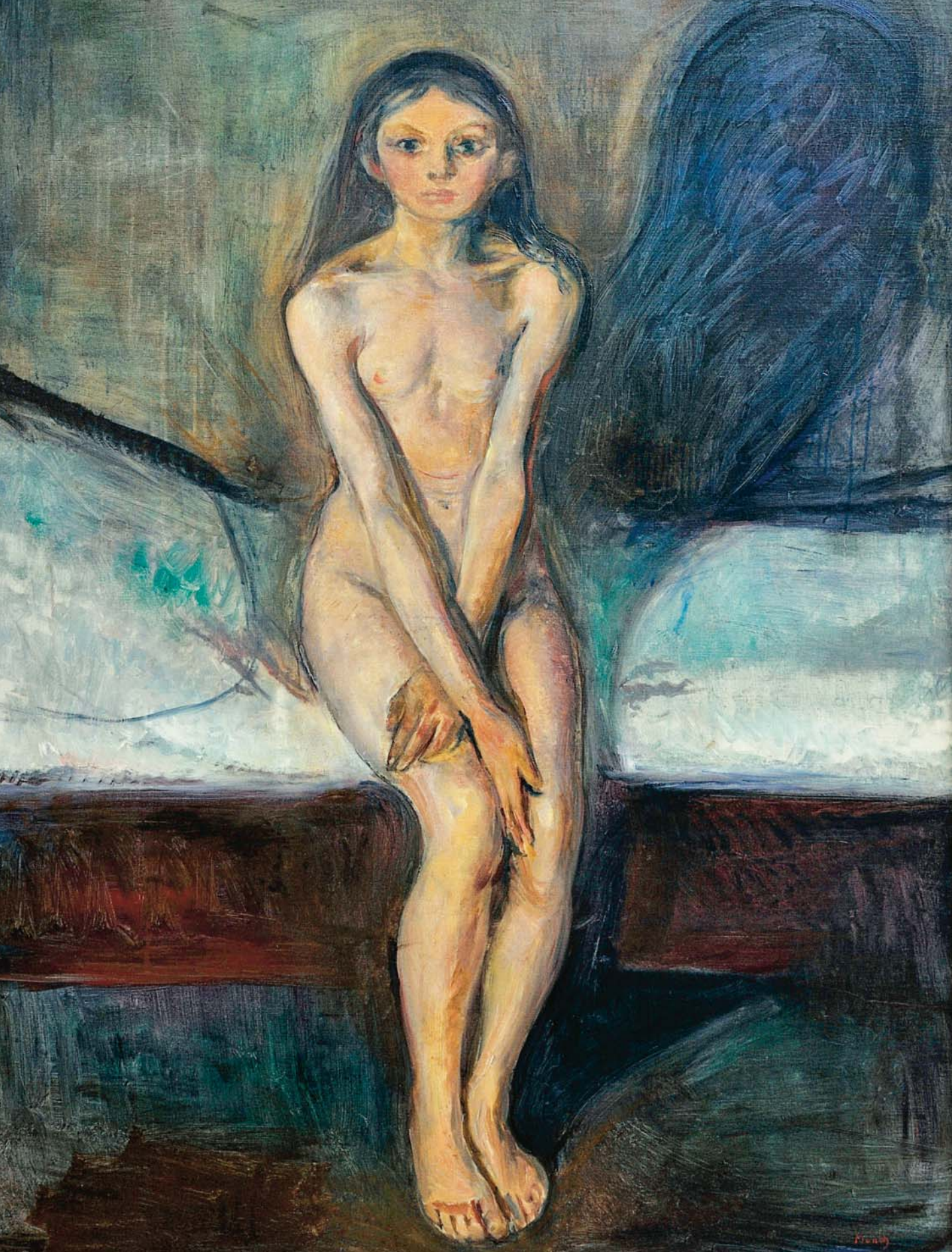
Легко сопоставить это намерение с пафосом Гогена в Полинезии. Любопытно, но даже внешний облик художников, то есть образ, в каком они себя явили зрителю, совпадает – оба были склонны к многозначительным позам, чувствовали себя сказителями, летописцами, гениями своего времени. Тяга к показной значительности несколько не умаляет их реального значения, но выражали они своё избранничество наивно. Оба были одиночками, в беседах и в чтении интеллект не тренировали: им представлялось, что задумчивость выражается в нахмуренном челе. И Гогену, и Мунку свойственно изображать людей, погружённых в меланхолические тягостные раздумья, причём герои картин предаются меланхолии столь картинно, столь многозначительно, что качество размышлений вызывает сомнения. Обоим мастерам нравится романтическая поза: рука, подпирающая подбородок, – таких фигур оба нарисовали превеликое множество, снабдив картины подписями, удостоверяющими, что речь идёт о размышлениях, иногда о скорби. Их автопортреты часто исполнены напыщенного величия, но это лишь обратная (неизбежная) сторона одиночества.

Оба художника были эскапистами, причём за творчество Мунка усугублялось алкоголизмом; оба художника были склонны к мистицизму – и каждый из них интерпретировал христианскую символику с привлечением языческих начал. Южная мифология и северная мифология – равно языческие; их сплав с христианством (а что есть живопись, как не инвариант христианского бо-



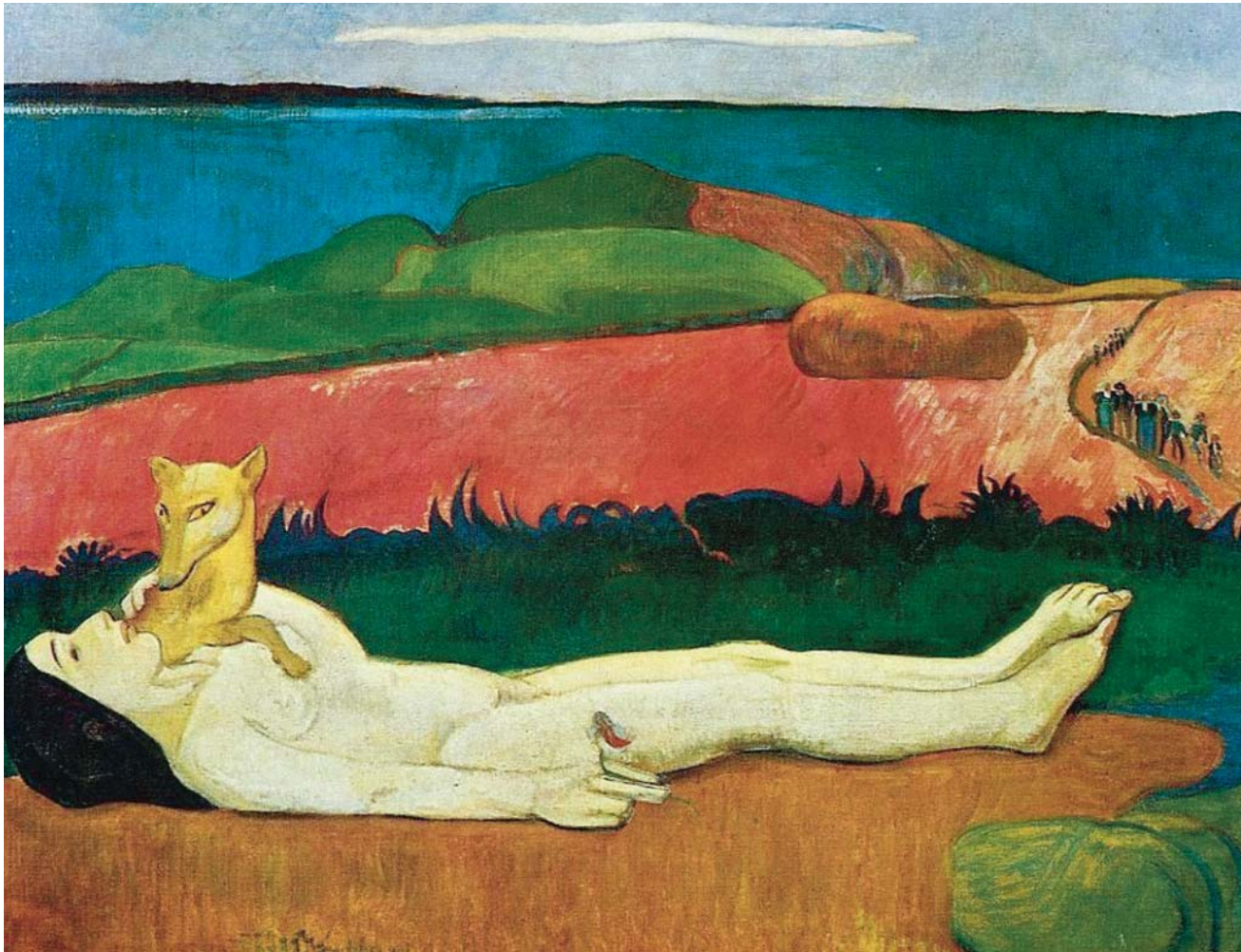
► «Материнство». Поль Гоген. 1899 год

гословия?) равно проблематичен. Мунк совмещал мифологию с христианской символикой не менее откровенно, нежели Гоген, – его знаменитый «Танец жизни» (томные пары нордических крестьян на берегу озера) чрезвычайно схож с таитянскими пасторальями Гогена. Мистическое восприятие женского начала придавало почти всякой сцене характер если не сексуальный, то обрядовый. Сравните картину Мунка «Потеря невинности»: зритель присутствует на ритуальном обряде, причём опознать, христианский ли это праздник венчания или языческая инициация лишения девственности, никак нельзя. Когда оба художника пишут наяд (они пишут именно языческих наяд – хотя Гоген придавал наядам облик полинезийских девушек, а норвежец Мунк писал нордических красавиц), то оба любят волной



распущенных волос, изгибом шеи, упиваются тем, как тело перетекает своими формами в пенные линии прибоя, то есть совершают классический языческий ритуал обожествления природы. Парадоксально, но далёкие друг от друга мастера создают родственные образы – замершие между язычеством и христианством, в том наивном (его можно расценить как чистое) состоянии средневековой веры, которое не нуждается в толкова-

Дега). Композиции картин действительно напоминают случайный кадр неумелого фотографа, словно тот не сумел навести камеру на сцену, которую снимает; словно фотограф по ошибке срезал половину фигуры, так что в центр композиции попала пустая комната, а те, кого снимают, оказались на периферии снимка. Таковы, скажем, портрет Ван Гога, пишущего подсолнухи, картина, в которой герой «выпадает»



► Слева: «Половое созревание». Эдвард Мунк. 1895 ► Сверху: «Потеря невинности». Поль Гоген. 1891 год

нии Писания, но воспринимает Писание скорее чувственно, по-язычески тактильно.

Персонаж картины – герой, пришедший в этот цветной мир, – находится во власти цветовых стихий, во власти первичных элементов. Поток цвета часто выносит персонаж на периферию холста: важен не сам герой, но поток, который его несёт. Для обоих художников характерны фигуры, как бы «выпадающие» из композиции (эффект фотографического снимка, к которому прибегал авторитетнейший для Гогена Эдгар

из пространства холста Гогена, и даже автопортрет Гогена на фоне картины «Жёлтый Христос» – сам художник как бы вытесняется из картины. Этого же эффекта – эффекта постороннего свидетеля мистерии, не особенно нужного в картине, – добивается Мунк почти в каждой своей работе. Цветовые потоки уносят героев рассказа к самым краям картины, персонажи выталкиваются за раму потоком цвета; то, что происходит на картине – цветное, волшебное, ритуальное, – значительнее их судьбы.

«Четыре сына доктора Линде» Мунка (1903) и «Семья Шуффенеккер» (1889) кисти Гогена; гогеновские «Женщины на берегу моря. Материнство» (1899) и «Мать и дочь» (1897) кисти Мунка схожи до такой степени по всем параметрам, что мы вправе говорить о единой эстетике, вне зависимости от Севера и Юга. Соблазнительно приписать стилистические общие места влиянию модерна, но здесь налицо преодоление модерна.

Речь о средневековой мистерии, разыгранной художниками на пороге XX века.

Образы, созданные ими, создавались по рецептам романских мастеров – то, что внимание их было сфокусировано на соборах (в случае Гогена это особенно заметно, часто он копировал композиции тимпанов соборов), – в этом отчасти повинен стиль модерн. Впрочем, средневековые реминисценции не отменяют, скорее подготавливают, финал.

Эдвард Мунк жил достаточно долго, чтобы увидеть полноценное, полновесное возвращение средневековья в Европу. Мунк пережил Первую мировую войну и дожил до Второй. Его тяга к многозначительности сослужила ему дурную службу – в 1926 году он написал несколько вещей ницшеанского характера, но приправленных мистикой. Так, он изобразил себя в виде сфинкса с большой женской грудью (находится в музее Мунка в Осло). Тему сфинкса Эдвард Мунк разрабатывал давно. Смотрите картину «Женщина в трёх возрастах (Сфинкс)» (1894, частное собрание), где обнажённая женщина поименована сфинксом. Художник в этой картине утверждает, что женское начало обнаруживает свою властную сущность в период зрелости: на картине изображена хрупкая барышня в белом и печальная старуха в чёрном, а между ними нагая и загадочная дама в пору своего сексуального расцвета. Широко расставив ноги, нагая нордическая дама стоит на берегу озера, и её волосы подхвачены северным ветром. Впрочем, та же нордическая красавица с развевающимися волосами была названа однажды «Мадонной» (1894, частное собрание). Сказалось характерное для Мунка смешение языческой мифологии и христианской символики. И вот в 1926 году художник изобразил в виде сфинкса самого себя, придав себе некоторые женские черты (помимо груди наличествуют и развевающиеся кудри, хотя Мунк всегда коротко стригся). Надо отметить, что подобное смешение начал, совершенно эклектичное смешение женского, языческого, квазирелигиозного, характерно для многих визионеров 30-х годов. В нордической мистике нацизма (см. застольные беседы Гитлера, драмы раннего Геббельса или ранние работы Ибсена, перед которым Гитлер благоговел) эта эклектика присутствует властно. Вероятно, Гоген уберётся от этой мелодраматиче-

ской конструкции (мелодрамы в искусстве Гогена совсем нет) благодаря тому, что трепета перед женским началом не испытывал.

Также он написал картину «Гора человечества»: обнажённые мускулистые юноши лезут друг другу на плечи, создавая многозначительную пирамиду наподобие тех, что строили из своих тел спортсмены Родченко или Лени Рифеншталь. Это исключительно пошлые произведения – и сходство с волшебником-миссионером Гогеном в этих картинах не просматривается.

В 1932 году музей Цюриха проводит обширную выставку Эдварда Мунка (на пороге 70-летия мастера), демонстрируя огромное количество работ норвежца вместе с панно Поля Гогена «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идём?». Кажется, это было первым и, пожалуй, единственным заявлением о сходстве мастеров.

Дальнейшие события вывели биографию Мунка в совершенно иную историю.

Долгая жизнь Эдварда Мунка вела его всё дальше по пути мистицизма и величия. Влияние Сведборга постепенно было редуцировано концепцией сверхчеловека, коей Гоген был в принципе чужд, да и полинезийские дали его уберечь от новейших теорий. Нордическая мечта о свершениях возникла в Мунке органично – возможно, из особенностей северной мифологии. Для таитянского рая равенства, воспетого Гогеном, эти юнгеро-ницшеанские мотивы звучат полной глупостью.

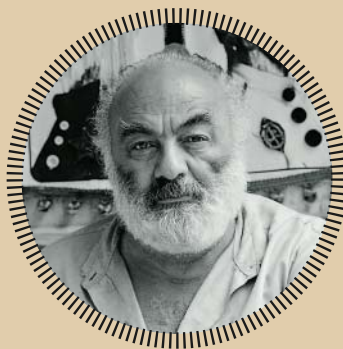
Играть в модерн и в «новое средневековье» хорошо до той поры, пока игра не оборачивается реальностью. Совмещение языческого начала и заигрывание с язычеством в духе Ницше обернулось европейским фашизмом. Мунк успел дожить до того времени, как Геббельс прислал ему телеграмму, поздравляя «лучшего художника Третьего рейха». Телеграмма пришла в его удалённую мастерскую, в глушь, где он чувствовал себя защищённым от соблазнов мира – он вообще страшился соблазнов. К чести Мунка будь сказано, нацизм он не принял, и телеграмма Геббельса художника ошеломила – он и вообразить не мог, что торит дорогу мифам нацизма, сам он был не похож на сверхчеловека – был застенчив и тих. До какой степени ретросредневековье позволяет автономной личности сохранять свободу и насколько религиозный мистицизм провоцирует приход реальных злодеев – неизвестно.

Южная и северная школы мистики дают повод сравнивать и фантазировать. Последний автопортрет художника – «Автопортрет между часами и диваном» – рассказывает зрителю о том, как сверхчеловек обращается в прах. Он едва стоит, хрупкий, сломленный старик, и часы, стоящие рядом, неумолимо тикают, отсчитывая последние минуты северной саги. ☉

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ



*В которой Сергей Параджанов
мчится за каретой Пушкина, чтобы
стреляться вместо него на дуэли **с.88***

.....
*а сценарист Евгений Габрилович
спускает гонорар за фильм «Коммунист»
на уроки английского **с.98***

Белая стена

*Москва. Центральный телеграф. Оттуда я слал телеграммы...
«Папа, вышли деньги, тону». При этом мечтал снять великий
фильм. Не удалось. Но превратить жизнь в длинный
то тоскливый, то весёлый фильм удалось вполне...*

ИРАКЛИЙ КВИРИКАДЗЕ



► Студенты постановочного факультета ВГИКа на съёмках учебного этюда. 1959 год

Это было время, когда на московских улицах не ездили «Ягуары», «Хаммеры», «Бентли». Не ездили даже «Роллс-Ройсы». 48-й троллейбус медленно плыл с площади Дзержинского до ВГИКа и ещё куда-то дальше. Я жил на улице Эйзенштейна, потом перебрался в самый центр, в Брюсов переулок. Окна комнаты, которую я снимал у хористки Большого театра Анны Ильиничны Акимовой, выходили на глухую стену. Выкрашенная в белую краску, эта стена была для меня экраном, на нём я прокручивал свои фильмы-невидимки.

Первый фильм-невидимка

Анна Ильинична Акимова, моя квартирная хозяйка, тридцатилетняя, пышнотелая, постоянно хохочущая дама, дружила с двумя такими же, как она, одинокими хористками Большого. В ту зиму, когда я стал квартирантом Акимовой, эти три замечательные женщины ходили в бассейн «Москва». Там, в густом тумане, стоящем над водой, хористки медленно плавали и пели классические арии.

Начало моего фильма-невидимки: ночь, белый пар, три грузные нимфы поют, подсвеченные зелёными огнями прожекторов со дна бассейна.

Анна Ильинична любила покупать в киосках журналы Германской Демократической Республики. В некоторых из них – адреса жителей ГДР, которые желали переписываться с советскими людьми, на любые темы. Акимова написала любителю ловли бабочек Оскару Вольфу, что она по воскресеньям выезжает на пленэр ловить бабочек, даже зимой. Соврала. Любитель бабочек попросил прислать фотографию. Анна Ильинична Акимова снялась с сачком, в купальнике в густом снегопаде. Подруги фотографировали её за городом. Анна Ильинична послала фотографию и письмо в Карл-Маркс-Штадт. Ответа не последовало. «Немцы не понимают юмора», – сказала она, когда мы тоскливо пили с ней на кухне «Кровавую Мэри».

Написала она и любителю бриджа, изображая из себя профессионалку. В Библиотеке имени Ленина нашла книгу о бридже и скатала с неё целую страницу. Бриджист тоже прервал переписку.

«И зачем мне сдались немецкие мужчины?» – говорила подругам Анна Ильинична. Но, воспитанная на немецких книгах, легендах о нибелунгах, она заклинилась на арийском типе мужчины.

Ночами ей снился Густав Миллер, холостяк-гинеколог, сосед по Брюсову переулку, к которому однажды из-за злого цистита попала на гинекологическое кресло и который обомлел, обнаружив её девственность. «Вы не женщина, а мечта», – сказал Миллер и попросил телефон. Через неделю на голову гинеколога упала гигантская ледяная сосулька, сорвавшаяся с крыши, и убила его.

«Хочу немца!» – кричала пьяная Анна Ильинична в компании подруг. «Будет немец!» – кричали подруги-оптимистки и как в воду глядели.

Однажды поздно ночью, возвращаясь с оперного спектакля, Акимова услышала немецкую речь. На улице перед гостиницей «Интурист» высокий, в меру толстый, губастый немец объяснял сонному швейцару, что ему нужен гостиничный номер. Швейцар не понимал немца, не открывал двери и отмахивался: «Отойди, поздно». Акимова подошла к немцу, преодолев неловкость, спросила, чем она может помочь.

Через час в нашей небольшой квартире пили чай с вареньем семеро монгольских детей, старуха-монголка и Уве Кнохенгауэр, тот самый губастый немец. Уве рассказывал, что служит в благотворительном обществе, которое ищет в странах третьего мира музыкально одарённых детей. Маленькие певцы, пианисты, скрипачи, виолончелисты, живущие где-нибудь в Ираке, Сирии или Монголии, по договору с их родителями на несколько лет вывозятся в Германию, Голландию, Англию и там обучаются высокому музыкальному мастерству.

«Сейчас я везу в Берлин семь юных монгольских талантов. Самолёт сделал посадку в Москве очень неудачно. Поломал шасси, а в аэропортовской гостинице не было мест, мы подъехали к первой гостинице в центре, и я встретил вас, Анна! Может, это судьба?» – улыбнулся он.

Анна Ильинична влюбилась в Уве. Влюбилась в монгольских детей. Три дня квартира № 13 по Брюсову переулку, 22 была полна шумного музыкального счастья. Монгольские дети играли скрипичные концерты Баха, Моцарта, Шуберта. Анна Ильинична и подруги пели классические арии под аккомпанемент монгольских скрипок.

Уве Кнохенгауэр в первую же ночь попал в постель к Акимовой. Под шум холодильника, дико тархтящего каждые три минуты, крик девственницы не услышали ни спящие монгольские дети, ни монгольская воспитательница, ни я, квартирант...

Два дня Уве и Анна не выходили из комнаты. Днём играли скрипки, виолончели, монгольские барабаны, ночью грохотал холодильник. Акимова под руководством опытного знатока проходила краткий курс «Камасутры».

Уве рассказал ей странную историю. Его дед Конрад Кнохенгауэр был коминтерновец и известный ювелир, семья их долгое время жила в Москве. Деда советские власти уважали, но перед войной НКВД в одну ночь выселил немецкую семью. Сперва в Сибирь, потом в Германию. Дед Уве оставил в стене квартиры тайник с драгоценностями. Уве не раз хотел приехать в Москву, но никак не получалось, и вот он здесь и сообщает ей свою семейную тайну. Он знает адрес дома, помнит его по фотографиям, правда, не очень-то верит, что столько лет спустя в стене дома может лежать нетронутым «немецкий клад».

Анна Ильинична повела Уве, монгольских детей и старуху, которая присматривала за детьми и сама

играла на монгольском барабана, на прогулку. К ним присоединились её подруги. Акимова подвела Уве к дому его деда. Уве вдруг расплакался, глядя в окна предполагаемой квартиры их семьи. Анна Ильинична уговорила его подняться и позвонила в квартиру на третьем этаже. В квартире жил старый человек, бывший работник НКВД. Акимова объяснила ему, что родители этого немца когда-то жили здесь и он хочет посмотреть её – «с вашего разрешения». Бывший работник органов принял их, чувствовалось, что он рад нарушителям его тоскливого одиночества. Словоохотливый старый человек показал фотоальбом, где он, молодой чекист, снят рядом с Лаврентием Берией.

На многих фотографиях Берия и работники НКВД в неформальной обстановке. Вот на пикнике Берия ловит в лесу сачком бабочек (Анна Ильинична вспомнила свою фотографию, и ей стало смешно). Берия держит за талию двух волейболисток на спортивной площадке. Неожиданно Уве побледнел. На одной фотографии он видит, как Берия стоит рядом с красивой блондинкой, очень похожей на Уве. Она держит букет белых роз. Берия в рубашке, без галстука, правая рука его на плече блондинки, в левой – бильярдный кий. Стоят они у бильярдного стола. Старый человек прокомментировал: «Лаврентий Павлович любил красивых женщин, они к нему лгнули сотнями. Кто сделать карьеру, кто спасал себя, мужа, семью... Ведь жизнью и смертью распоряжался он». Анна Ильинична посмотрела на Уве. Каким-то чутьём поняла, спросила: «Мама?» Уве кивнул и встал. Встали все. Старый человек попросил заходить к нему, он совсем одинок.

Последнюю ночь Анна Ильинична и Уве провели на улице. Дома – на диване, на кровати, на столе, на полу – спали монголы. У Уве скверное настроение: «На фотографии я увидел год. В тот год я родился... И мама однажды произнесла странную фразу». Акимова не спросила какую.

Пошёл дождь. Блуждая по ночному городу, они влезли в машину «Москвич» одной из подруг, двери которой оказались открытыми. Долго молчали. Потом стали страстно целоваться. Уве опустил сиденье, Акимова оказалась на нём. Они так раскачали старую машину, что казалось, она вот-вот развалится. В самый пик их страсти раздался резкий автомобильный гудок. Анна Ильинична уткнулась в сигнал руля. Они то ли не слышали, то ли не обратили внимания. Гудок будил город.

На улицу выскочила подруга, вторая. Они не спали в это позднее время, по обыкновению пили кофе и гадали на гуще. Зрелище, которое они увидели, изумило их. Два больших человека, как две огромные рыбы, выброшенные на берег, бились друг об друга. Гудок гудел.

Утром, прощаясь, монгольский скрипичный ансамбль играл «Турецкий марш» Моцарта. Когда круглолицые, узкоглазые, бритоголовые дети заиграли Баха, три хористки стали плакать.

Уехали гости.

Прошёл год. Анна Ильинична переписывалась с Уве Кнохенгауэром. Подруги ходили в бассейн «Москва» и пели там классические арии. Акимова стала то ли любовницей, то ли секретаршей не по возрасту энергичного работника НКВД, который принялся писать роман-воспоминание «Хороший Лаврентий Павлович». Каждый день она осторожно простукивала стены энкавэдэшной квартиры.

Второй фильм-невидимка

Мой рассказ о режиссёре Сергее Параджанове. Я уже несколько раз говорил о нём на страницах STORY. Параджанов в те годы приезжал в Москву, останавливался в гостинице «Интурист». Неравнодушная к нему Анфиса Никаноровна Гущина, администратор гостиницы, всегда «делала» номер своему любимцу.

Во втором моём фильме Параджанов сидит за столом бара «Интурист» и говорит о несостоявшихся проектах. Рядом с ним Василий Катанян, друг, документалист, несколько неизвестных персон, Амиран Думбадзе, знаменитый кулачный боец. В Тбилисском институте физкультуры измерили силу удара его кулака – 450 кг – сильнее, чем у Сонни Листона, чемпиона мира по боксу в тяжёлом весе.

Сергей говорит простуженным голосом:

– Я, как сумасшедший, один за другим пишу сценарии... В Госкино вначале взахлёб хватят, запустят в производство. Я ишу актёров. Счастливы – завтра снимать! И вдруг приказ об отмене съёмки. Уже который раз! Мой тбилисский друг Амиран (указывает на кулачного бойца) приехал в Москву, я имел глупость рассказать о моих киноделах, он сказал: «Подкараулю и избью твоего председателя Госкино».

Государственный комитет по кинематографии СССР – в трёх шагах от моего дома в Брюсовом переулке. На другое утро мы (Сергей, Амиран, я) стоим в подъезде напротив. К зданию Госкино подъезжает машина «ЗИС-110». Из неё выходит председатель в чёрных очках. Весёлый, о чём-то шутит с входящими в Госкино девушками – служащими комитета. Сергей Параджанов, Амиран Думбадзе и я смотрим на проход председателя от машины к подъезду Госкино. Параджанов показывает Амирану на весёлого человека в чёрных очках.

– Ну вот он утром приезжает, вечером уезжает. Что ты с ним можешь сделать? Ворваться в кабинет?

– Ворвусь в кабинет...

– На входе стоит милиция. У кабинета сидит секретарь. Она звонит в милицию, тебя ловят.

Ты свихнувшийся мудак, непонятно зачем жаждущий избить председателя Госкино СССР.

Амиран показывает пальцем на стену, где написано: «Люблю В.В. Рожу ему ребёнка. Зоя: 2510073», говорит:

– Ираклий, запиши, позвоним.

Параджанов читает:

– Но ты же не В.В.

– А кто В.В.?

– Владимир Высоцкий. Так мне кажется.

Амиран говорит:

– Но где-то же твой председатель бывает?

На премьерах фильмов, на банкетах.

Сергей стучит об лоб Амирана – бетонный, каменный, мраморный, но не человеческий...

– Амиран, я поехал с тобой, чтобы ты не натворил глупостей... Этот человек честно делает своё дело. В его дело входит закрытие фильмов режиссёра Параджанова... Один раз он пропустил без внимания «Тени забытых предков». Получился скандал! Подкоп под социализм. Больше он не допустит этого! Всё правильно. Пошли отсюда!

– Нет!

Параджанов ткнул пальцем в грудь «железного человека»:

– Слушай, я только что вышел из тюрьмы. Надеюсь снять свою «Исповедь». Ты не знаешь, куда деть свою силу? Пойдём, пойдём, Амиран.

Гостиница «Интурист». Бар. Друзья Параджанова – Георгий Гигинеишвили, Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Амиран Думбадзе, Роман Балаян и я, Ираклий Квирикадзе. Рядом с Сергеем сидит никому не знакомый Анатолий, который косит на левый глаз. Сергей знакомит его с остальными:

– Это Анатолий Шнур из Златоуста. Сидел вместе со мной. Сегодня сорок дней, как умерла его мама. Она была армянка. Любите его... В тюрьме никто не верил, что я режиссёр. Работал дворником. Анатолий где-то разыскал газету, где я до ареста на фестивале с призами...

Анатолий Шнур чувствует себя не очень уверенно среди незнакомых людей. Но, выпив стакан вина, второй, ожил, заговорил весело, с азартом:

– Смотрю на фотографию и что вижу? Наш дворник рядом с Софи Лорен?! И она влюблёнными глазами смотрит на него! Не он, а она! Читаю: «Сергей Параджанов в Венеции получил приз за лучший фильм». Я на зоне говорю ребятам. Они не верят: «Как этот фраер может Софи Лорен обнимать?» Показываю – вот Софи Лорен! Его из уважения в пожарку перевели, там тепло.

Сергей кивает:

– На дворе тридцать градусов мороза, я в пожарной, в майке, босиком, рисую...

Анатолий продолжает:

– Мы смотрели на него, хотели понять... Почему во всём мире он великий, а у нас дворник?! Рисовал

портреты наших девочек. Рисовал их похожими даже со слов, без фото. Там один стукач был...

Параджанов перебивает:

– Не называй его стукачом.

– Стукач... Все рисунки Сергея украл. Двести штук. Рисунок моей мамы Анаид...

Пьяный Анатолий зло ударил ладонью по столу.

– Зачем они ему? Знал, что Параджанова рисунки в Париже за большие деньги продаются!

В баре сидят другие посетители, им не очень комфортно от шумных разговоров параджановской компании. Бармен смотрит на дежурного лейтенанта. Тот пьёт пиво и отвечает бармену жестом: «Не волнуйся, всё в порядке». Параджанов встаёт, уходит в темноту. Наступает тишина. Сергей возвращается, садится, поднимает стакан с вином.

– Завтра съёмка. Разойдёмся? Дорогой Толя, давай за твою маму Анаид ещё раз. Сын у неё крикун. Но хороший полуармянин (выпивает)... Не надо было рубить тому негодюю палец.

Съёмка странного сна. Этих съёмок не было в реальности. Сергей Параджанов рассказывал о постоянно преследующем его сне. Сон мне так нравился, что, если буду когда-нибудь снимать кино (снимать, а не фантазировать), обязательно похищу, присвою его сон, последую мудрому совету Квентина Тарантино: «Воруйте, воруйте, воруйте» («Учитесь, учитесь, учитесь»). В.И. Ленин).

Лес. Туман. Здесь идут съёмки. Эпизод называется «Сон» и имеет порядковый номер «Сон № 4». Несколько дигов стоят меж сосен, они светят в сторону дороги, где едет карета. Вдоль дороги проложены длинные рельсы. На них стоит операторская тележка с кинокамерой. Оператор и его ассистент репетируют проезд тележки.

Параджанов, играющий в фильме самого себя, бежит за каретой и кричит:

– Александр Сергеевич, остановитесь!

Карета не останавливается, набирает скорость.

– Александр Сергеевич, вы не должны ехать на дуэль!

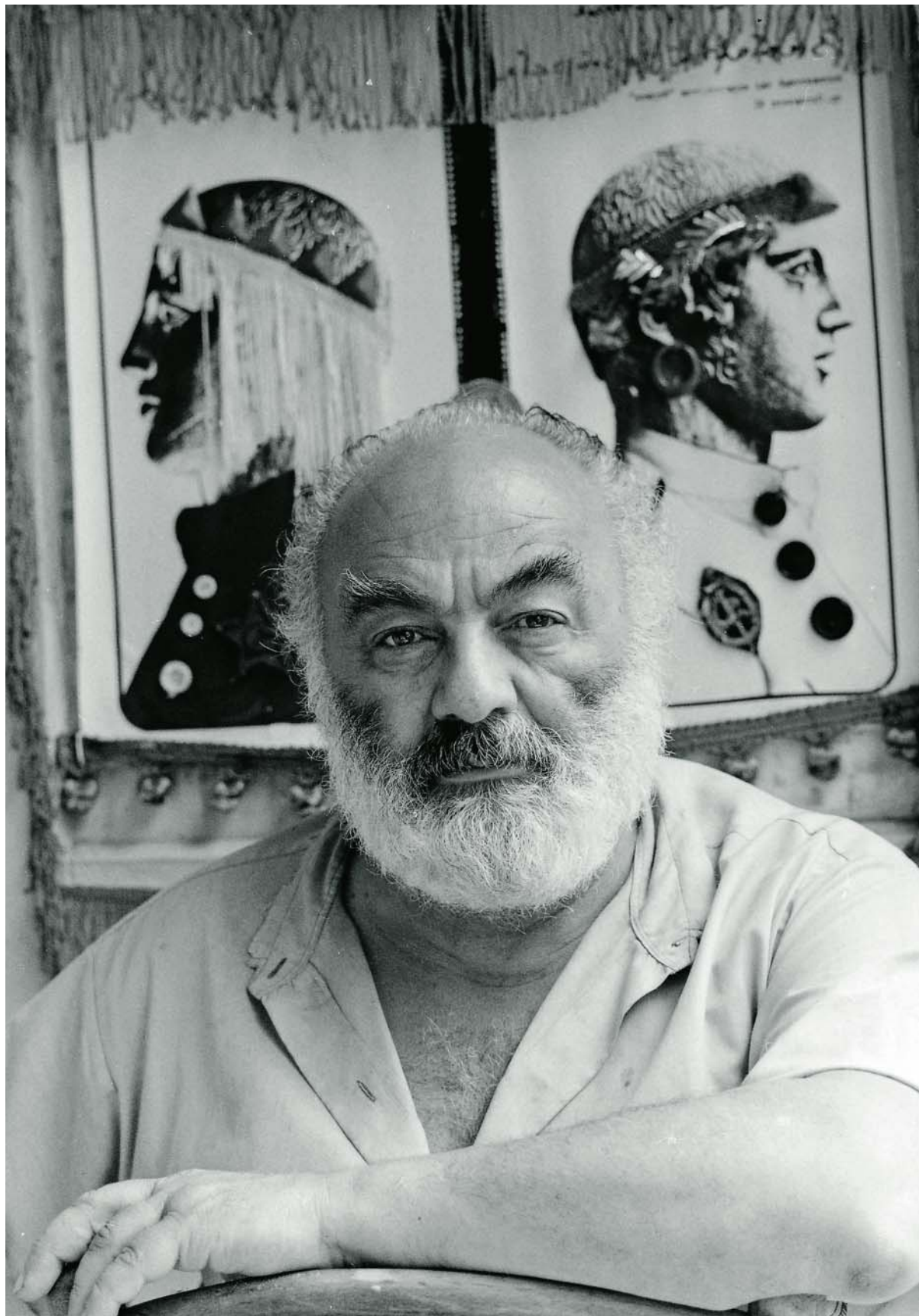
Параджанов почти что настигает карету, бежит с ней наравне, стучит в окно. Кто-то в бакенбардах появился в залепленном снегом окне кареты.

– Александр Сергеевич, это я, Параджанов.

Вы меня не знаете, но я вас знаю, я влюблён в вашу поэзию. Могу прочесть «Евгения Онегина» наизусть с любого места... Не езжайте на дуэль! Прошу, Александр Сергеевич! Вы хороший стрелок, но нельзя рисковать...

Карета не замедляет хода. Параджанов начинает отставать, останавливается, тяжело дышит.

Съёмки прерываются. Каждый раз что-то не получается. То карета едет быстро и Параджанову приходится превращаться в спринтера. То так медленно, что Параджанову приходится имитировать быстрый бег. То дым выдувается с дороги.





*«Я обязуюсь перед
Вами лично и следователем
Е.В. Макашовым пресечь
своё поведение, вернуться
в искусство, снять
выдающийся фильм...»*

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПАРАДЖАНОВА
ГЕНПРОКУРОРУ УССР М.Т. САМАЕВУ



- **Слева:** Сергей Параджанов на фоне двери рукотворной
- **Вверху:** Знаменитый в Тбилиси кулачный боец Амиран Думбадзе
- **Справа:** Первоапрельская шутка Параджанова. 1982 год

А Параджанову хочется, чтобы карета и он были окутаны густым утренним туманом.

Параджанов подходит к камере. И запыхавшимся голосом говорит:

– Мне с детства снится один и тот же сон. В том сне я хочу вместо Пушкина сам отправиться на дуэль стреляться с Дантесом. Мне (во сне) всё равно, я буду убит или повезёт и я убью Дантеса. Этому сну почти пятьдесят лет. Карета едет, и я никак не догону её, не сброшу с неё Пушкина, не уеду сам стреляться с Дантесом.

Съёмки продолжают. Третий дубль. Едет пушкинская карета. Параджанов выбегает на дорогу, кричит:

– Александр Сергеевич!

Спотыкается, падает, разбивает колени. Параджанова поднимают. Волокут к креслу режиссёра.

Параджанов сидит на стуле. Рваные штаны спущены, ему накладывают на колено лёд. Подъезжает машина, из неё выходят Амиран Думбадзе и молодая редакторша Госкино. Лица их мрачные. Сергей улыбаётся, глядя на них.

– Сергей Иосифович, ваш фильм закрыли...

Алиса (девушка-редактор) сказала это и заплакала.

Сергей отбросил лёд. Сидит со спущенными штанами, растрёпанный, седой. Шепчет:

– Как хотелось убить Дантеса!

Поворачивается к бригадиру осветителей Феликсу Озеркову.

– Выключай свет! Съёмки кончились!

Гостиница «Интурист». Номер 622. В ванной комнате стоит Параджанов. Тяжело дышит, вытирает губы. В зеркале бледное лицо, покрытое каплями пота. Резко наклоняется к раковине, горлом пошла кровь... Через какое-то время Параджанов возвращается из ванной в комнату, садится на край постели, сидит с опущенной головой.

По радио звучит Чайковский. Музыка из «Лебединого озера». В полумраке сидит его съёмочная группа. Сергей говорит:

– Майя Плисецкая сказала мне, что, когда она танцевала «Лебединое», Брежнев дал мне волю... (Улыбается.)

Большой театр. На сцене Майя Плисецкая танцует партию белого лебедя. Звучит волшебная музыка Чайковского. В правительственной ложе сидят Луи Арагон, известный французский писатель-коммунист, и Леонид Ильич Брежнев. Арагон свободно говорит на русском.

– Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Тонино Гуэрра, Аллен Гинзберг и ещё многие просят освободить Параджанова. Написали тебе письмо. Я привёз его. Вот оно.

Брежнев обрадовался, что можно отвлечься от скучного балетного действия.

– Микеланджело? Разве может подписать письмо человек, который умер пятьсот лет назад?

– Дорогой Леонид, ты путаешь чуть-чуть. Микеланджело – это имя Антониони, сегодняшнего итальянского гения...

– Микеланджело – имя?

– Да.

– И что хочет это имя?

– Освободить из тюрьмы кинорежиссёра Параджанова.

– А что он снял? Какое кино?

– Микеланджело?

– Нет, Параджанов.

– Хорошее кино. Например, «Цвет граната»...

– Граната? Хорошее кино. О чём?

Финал «Лебединого озера». Открываются двери правительственной ложи. Выходят Брежнев и Луи Арагон. Брежнев подзывает помощника:

– Пусть выпустят этого... Паран... Джина?

Ну, того, кто снял кино про гранату...

Такие фильмы-невидимки я проецировал на белую стену, в которую упирались окна комнаты в Брюсовом переулке. Эти фильмы не имели сюжета, они были обрывками моей памяти. Времена были никакие.

Третий фильм-невидимка

И вдруг поездка в Индию, на Цейлон, в Сингапур. От Союза кинематографистов СССР. Творческая командировка. Пятнадцать творцов из всех республик. Во главе делегации великий кинооператор Сергей Урусевский. Волшебная Индия. В делегации люди взрослые, только четверо – Алик Шейн, Коля Губенко, Элизбар Караваев, Ираклий Квирикадзе – относительно молодые, жадные до впечатлений, не спящие по ночам, готовые на самые авантюрные приключения. Так и случилось. В Дели в советском посольстве друг Коля Губенко, молодой советник, неделю возил нас четверых по ночным делийским экзотикам. В Сингапуре друг Алика Шейна развлекал нас неспящих. Мы стали группой в группе. Приходили в гостиницу только под утро, спали под душем, с утра до вечера отдавали дань официальной программе, а ночью наступало наше время четырёх. И вот Цейлон. Я переживаю, почему меня развлекают друзья моих друзей – в Индии друг Губенко, в Сингапуре друг Шейна. Сейчас, на Цейлоне, друзья кончились. И неожиданно для себя я вспоминаю: год назад мой тбилисский друг Элизбар Караваев сказал, что на Цейлоне в консульстве СССР вице-консул грузин, его хороший знакомый. Я судорожно вспоминаю имя – Зедгенидзе. Я объявляю: есть и на Цейлоне наш человек. Звоню в консульство СССР. Воскресенье. Никто не работает, только дежурный. Удивлён русскому голосу, отвечает очень расплывчато. То ли есть такой Гизо Зедгенидзе, то ли нет. Я предлагаю: «Поехали в советскую колонию!»



ФОТО: ВИКТОР ЛАХЕНОВ

Ночь. Садимся в такси. Едем через весь Коломбо. Въезжаем в кошмарную темноту. Звоним в какие-то ворота. Долго не открывают. Наконец появляется персонаж – абсолютный Пиросмани, «Кутёж трёх князей». Спрашиваю по-грузински: «Гизо, это ты?» Пиросмани опешил. Середина 70-х. На Цейлоне грузинский язык. «Ты кто?» – спрашивает Пиросмани. «Я друг Дэви Иванова-Чиковани». – «Заходите, дорогие».

Гизо Ильич устроил невиданный пир. Он, его жена, дети, двое друзей-коллег, мы четверо, выпили двенадцать бутылок виски «Блэк-энд-уайт». Мы с Колей Губенко посчитали пустые бутылки, которые каждые полчаса отставлялись в сторону. Пели грузинские песни, пели русские песни, еврейские, буддийские. Пели под Фрэнсиса Синатру, под Ива Монтана, под Эдит Пиаф. Гизо разливал виски по фужерам, словно это не виски, а молодое кахетинское вино. Пили тост за здоровье Дэви Иванова-Чиковани, соединившего всех нас. Вихри красноречия, смех, объятия, утром не могли расстаться, хозяйева посадили нас на открытых три джипа, дали нам в руки рули, сами сели на задние сиденья и показали на океан. В это трудно поверить, но мы ехали по бесконечному, пустому пляжу. Колёса поднимали фонтаны брызг, (вспомните фильм Клода Лелуша «Мужчина и женщина»), мы хохотали от радости жизни. Ехали час. Увидели нашу гостиницу. Она была на самом пляже. Прощаемся, целуем друг друга. Гизо, обняв меня, шепчет в ухо: «Иракий, скажи, а кто такой Дэви Иванов-Чиковани?»

Четвёртый фильм-невидимка

Долго выбираю для последнего фильма сюжет-воспоминание. Сажу за письменным столом. За окном вновь идёт снег. В темноте белеет белая стена, она уже затёрлась, покрылась ржавыми пятнами, но ночью не видно, и это хорошо. Включаю невидимый проектор и не знаю, что увижу на стене.

Здравствуйтесь, вновь Параджанов. Если честно, я вытолкнул бы его за светлый кадр, в темноту, но он подмигивает и шепчет: «Помнишь Сим... Симу Дизенфельд... Фельдшерлицу. Ты же сам говоришь своим студентам на Высших курсах, сочиняя истории, не высасывайте их из пальца, вспоминайте – в вашей жизни случались сотни больших и малых событий, достойных экрана. Простые истории. Вспомните «Похитителей велосипедов» Витторио Де Сикки. Это ж шедевр! «Умберто Д...». Другой шедевр – «Мама Рома». «Аккатоне» Паоло Пазолини. А шедевр шедевров – «Мушкет» Робера Брессона. А?» Параджанов смеётся.

Ладно, пусть будет Сима Дизенфельд история...

Мы вышли из «Интуриста», праздновали окончание гастролей Театра Руставели в Москве, я собирался в Брюсов переулок, к своей Анне Ильиничне, хозяйке, Сергей Иосифович на Куту-

зовский проспект, к великой женщине Лиле Брик, главной женщине Владимира Маяковского.

Мы идём по ночной заснеженной улице Горького. Перед нами женщина в чёрном пальто, в чёрном пуховом платке. Идёт и громко плачет. Я и Сергей не знаем, как реагировать, вокруг пусто, тихо падает снег, мы в хорошем настроении – и громкие рыдания. Мы хотим обогнать плачущую. Оказавшись рядом с ней, я непроизвольно спросил: «Вам помочь?» Женщина не отвечает. Она остановилась, надеясь, что ночные путники пройдут мимо, оставят её одну... Мы тоже остановились. «Вы не думайте о нас плохо, – говорит Параджанов, – мы хотим только вам помочь». Женщина сказала сквозь слёзы, что в этот день год назад погиб её муж, шофёр-дальнобойщик. Друзья мужа клялись, что придут на годовщину. Сама она работает в «Интуристе» в прачечной, звать её Сима Дизенфельд, живёт за городом. Сегодня дома накрыла поминальный стол, но никто не пришёл, ни один человек. Она села в электричку, вернулась в Москву, спустилась в прачечную «Интуриста», выпила с подружкой. Теперь домой. Я и Сергей почувствовали себя почему-то виноватыми. «Мы вас проводим», – сказал Сергей.

На Белорусском вокзале мы сели в электричку, вышли в подмосковном городке. Шёл густой февральский снег. Сима показала на дом, где синим неоновым горела надпись: «Подвиг ученика – хорошо учиться. Подвиг преступника – не совершать преступлений и стать честным человеком. Иван Кокорев». Кто такой Кокорев – никто из нас не знал.

Сима открыла ключом дверь, включила свет. Мы увидели накрытый стол, бутылки водки, вина, блюда с холодцом, салатом, колбасой, грибами... Всё нетронуто, всё ожидает друзей мужа. Сергей и я сели за длинный стол и провели поминки, грустные и чуть весёлые. Сима заулыбалась. Сняв пуховую шаль, она оказалась похожей на актрису Целиковскую, блондинку с большой грудью. Сергей так и сказал: «Вы, Сима, похожи на Целиковскую...»

Со стены на жену и двух гостей смотрел Пётр Крупин, мужчина в пиджаке и галстук. Фотограф сделал над его головой нимб. Рядом ещё фотография, где Пётр среди своих друзей-дальнобойщиков. Сима выпила, долго рассказывала Сергею и мне, какой замечательный был её Пётр: «Он был кинолюбитель. Получал призы на всесоюзных конкурсах кинолюбителей, ездил даже в Лейпциг, там был фестиваль кинолюбителей Восточной Европы, взял меня... Сергей, вы не помните, а я вас сразу узнала. В Киеве вы дали моему Пете диплом. Не помните? Вы были в жюри... Покажу вам фильм, за который вы наградили Петеньку. Вспомните».

Мы с Сергеем стали смотреть фильм. Тарахтел проектор. Наивный, нелепый сюжет, где играла Сима... Красивая, пышнотелая царская невеста, её похищают и т.д. В конце фильма в неё вонза-

ются стрелы, и она, как дикобраз, уходит в туман. Параджанов не помнил ни фильма, ни того, кого он награждал. Но улыбается и рассказывает, как жюри заметило талант кинодальнобойщика и наградило Петра Крупина. У Симы горят глаза. Мы выпили ещё.

Симе захотелось показать свадьбу её и Петра. Мы посмотрели свадьбу. Сима, раскрасневшаяся и чуть растрёпанная, стоя у стены, показывала рукой надвигающиеся по стене тени и комментировала все танцы, все тосты, все поцелуи. Показывала друзей Петра, кто должен был прийти и не пришёл. Свадьба была снята весело, забавно, но длинно. Играл оркестр.

В три часа ночи все мы трое запели. Сергей рассказал смешную историю, как поступал в Московскую консерваторию. Спел вступительную арию из оперы «Искатели жемчуга» Бизе.

В четыре Сима уложила гостей спать. Сама легла в соседней комнате, и вдруг под утро она горячим шёпотом разбудила меня: «Пойдём со мной, прошу...»

Сергей спал, седобородый сатир.

«Он гений, а ты молодой, – откровенно сказала Сима. – Иракий, ты должен меня понять. Всегда была верна Пете. Но я женщина, не водолаз.

Сними с меня этот скафандр...» Монолог был нервным, странным.

На рассвете маленькая девочка появилась в спальне Симы. Девочка взобралась на постель, где мы спали: «Мама, ты ночью кричала. Почему?»

Сима смутилась, сказала девочке: «Сейчас придёт бабушка».

Все встали, оделись, выпили чаю. Сима улыбалась. Ей было неловко за свои глаза. В тумане шли к станции. Появился электропоезд. В Москве у «Интуриста» попрощались.

«Я не только прачка. Я и фельдшер, хорошо делаю уколы... Вот мой телефон», – сказала Сима. Она протянула мне листок. Поцеловала Сергея Параджанова: «Петя вас звал Великим», – и пошла к служебному входу.

Вскоре я уехал в Грузию снимать свой первый фильм. Я получил за него главный приз на фестивале в Сан-Ремо. Был такой фестиваль авторского кино. Но не тут-то было – «Пловец» был запрещён. Потом началась перестройка. Фильм потерял своё время.

Я редко бываю в Брюсовом переулке. Анна Ильинична заметно постарела, плавает, поёт арии. Глядя на неё, думаю – немецкие брильянты она не нашла. Из её окна видна белая глухая стена, на которой я много лет проецировал мои фильмы-невидимки. ☉

РЕКЛАМА

Menopace
Britain's No.1 supplements

Бережный подход к лечению симптомов менопаузы

Остеокеа.
Лечение и профилактика остеопороза+ здоровые зубы.

Действие:

- уменьшение приливов и ночных потов
- уменьшение беспокойства и раздражительности
- снижение приступов сердцебиения

Спрашивайте в аптеках.

Menopace
МНОПЕЙС
КАПСУЛЫ
комплексная терапия менопаузы

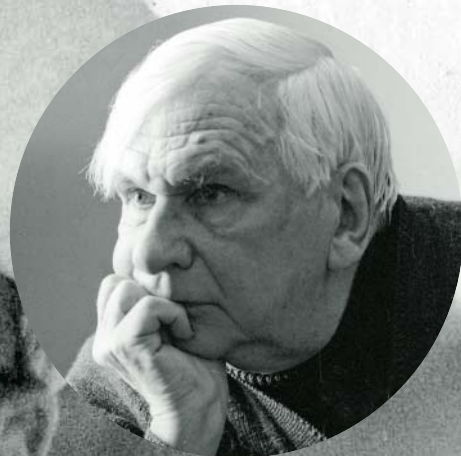
VITABIOTICS
SCIENCE OF HEALTHY LIVING

Остеокеа.РУ П N009722 от 14.07.2006 г. Менопейс.РУ П N015844/01 от 10.08.2010г www.vitabiotics.ru

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ОЗНАКОМЬТЕСЬ С ИНСТРУКЦИЕЙ.



— ❖ СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ ❖ —



Единственная любовь

Писатель и сценарист Евгений Габрилович, классик нашего кино, любил жизнь тихую, почти незаметную, немного ленивую. Но его семейные отношения оказались сложными, почему отчасти легли в основу знаменитой картины режиссёра Ильи Авербаха «Объяснение в любви»

ИРИНА КРАВЧЕНКО

«Я не верю людям, когда они говорят, что очень уж счастливы в семейной жизни, – сказал Евгений Габрилович в одной телепередаче. – У меня ощущение от многих свидетельств, что семейная жизнь редко-редко бывает уж очень счастливой, в большинстве случаев – обычная, жизнь как жизнь, с которой некоторые мирятся, а некоторые топорщатся». Здесь важны два момента: неверие в феерическое счастье на личном фронте и... неверие в несчастье там же. Нет ни того ни другого. А что тогда есть? «Жизнь как жизнь».

Это слова человека, у которого на тот момент за плечами были девяносто насыщенных событиями лет. Огромная часть их – его семейная история с женщиной яркой, неординарной. Габрилович был не из тех, что «топорщатся», и, не ставя собственную волю поперёк течения, словно превратился в героя некоего литературного произведения, честно прожившего всю любовную драматургию. Так же честно и до конца проживает её Филиппок из книги Габриловича «Четыре четверти». Автор, несмотря на то что писал, среди прочего, сценарии к фильмам о Ленине, интересовался тонкостями человеческих отношений. Точнее, только они его и занимали. О чём картина «В огне брода нет»? Не столько о революции – она здесь лишь трагический фон, – сколько о любви в тяжёлых, смертельных обстоятельствах. А «Коммунист»? Опять о любви – человека к жизни и людям, ради которых он не жалеет себя. С годами Габрилович всё больше приближался к себе настоящему, что видно, например, по фильму, к которому он также сочинил сценарий, – «Монолог» Ильи Авербаха. Тогда же были написаны «Четыре четверти», вещь во многом автобиографическая и представляющая собой человековедение сродни чеховскому, особенно рассказ «Прогулки» из пятой главы.

В нём всего на нескольких страницах разворачивается история мужа и жены длиной в несколько десятилетий. Зиночка – красивая, рассудительная, хозяйственная – ведёт дом, находя в том упоение. Кроме того, успевает проявить себя и на работе, и в интеллектуальных беседах с друзьями мужа. Супруг её, Филиппок, – талантливый журналист, но «рохля», в быту от него толку никакого, и как

мужчина не зажигателен. Единственное – что он любит Зиночку и её сына от первого брака. Но любит жену, видимо, не так, как той надо, мямлит ей слова любви, домом заниматься не умеет, и даже его, Филиппка, карьерой озабочена Зиночка, изо всех сил толкающая ленивого по правильной дороге. Рефреном сквозь повествование проходят слова о том, что Зиночка Филиппка не любила, и даже в старости, когда он преподнёс ей книгу об их жизни, надписав словами благодарности, она, прочитав их и расстроившись, и решив ещё больше заботиться о своём состарившемся уже Филиппке... всё равно не полюбила его.

Мария Габрилович, внучка Евгения Габриловича и дочь режиссёра Алексея Габриловича:

«Папа часто читал мне вслух. Я хорошо помню: мне лет пятнадцать, валяюсь на диване в дедушкином кабинете, папа сидит в кресле в углу комнаты и читает мне дедушкину новеллу про Зиночку и Филиппка. Когда папа дошёл до места, где Зиночка читает надпись ей на титульном листе, слёзы градом хлынули у меня из глаз. Я много раз перечитывала... В рассказах и сценариях дедушки часто сквозит его мысль о том, что любовь ровная может быть скоротечнее любви неровной, трудной. Потому что помимо таких понятий, как счастье или несчастье, верность или неверность, существуют ещё характер и судьба».

Основная диспозиция рассказа – активная, деятельная женщина и тихий, живущий в своём мире, хоть и получающий широкое признание одарённый мужчина – существовала в жизни самого Габриловича. Какие-то события были перенесены им в «Прогулки» из реальности, пусть и в изменённом виде, какие-то выдуманы, но все они нанизываются на ось любви-нелюбви.

«Женька»

Павел Финн, сценарист, друг дома:

«Нина Яковлевна говорила нам с Алёшей: «Вы себе Женьку – она называла мужа Женькой – неверно представляете. Он жуткий бабник». Никаким бабником Евгений Иосифович не был, это произносилось для красного словца. Наверное, так она дотягивала его образ до желательного».

Хотя Габрилович был привлекательным мужчиной, особенно в молодости, в начале 30-х годов, когда они познакомились. Евгений Иосифович тогда играл в первом советском джаз-банде, служил тапёром у Мейерхольда. Модный был человек. Внешне некрасивый, но обаятельный».

Мария Габрилович:

«Тот дедушка, уже пожилой, которого я застала, жил в своём, «дедушкином» мире. Время от времени он выходил из него и тогда становился душой компании: задорно смеялся, ловил на лету любую шутку и мог её продолжить. Острословом был, но не балагуром. Никогда не курил, не выпивал, даже на фронте, где военным корреспондентам накрывали стол. Обычно, если его угощали, брал конфетку, в старости мог съесть банку варенья или коробку конфет, а потом звонить папе: «Я сдал кровь – у меня повышен сахар». Любил побыть один, подремать, подумать. Но в застолях участвовал наравне с молодёжью, которая с удовольствием слушала его рассказы, его красивую, правильную речь. Или мог во время общего разговора сидеть в своём кресле, вроде задумавшись, и вдруг – такая реплика, такое верное замечание!

Отец рассказывал, что дедушку интересовало то, из чего состояла жизнь его друзей и друзей сына, как люди сходятся, расходятся, чем вообще живут. Волновало, что происходит в мире: вечером, в определённое время, и в дни торжеств, и в дни печали, он шёл в свой уголок, включал приёмничек и слушал «Голос Америки». Две вещи неизменно существовали в жизни деда: «Голос Америки» и проза. Это был его мир, а остальное – окружение. Дедушка, конечно, содержал семью, о внуках заботился: все мои путёвки, все занятия с репетиторами оплачивались им. Он говорил, что гонорар, полученный им за сценарий к фильму «Коммунист», ушёл на оплату моих занятий английским языком. Шутил, но так и было. И всё равно главным для него оставалось его писательство. Что бы ни происходило, он садился за печатную машинку».

Павел Финн:

«Писателем Габрилович был, несмотря на время, совершенно не идеологическим: его интересовал человек, что он и привнёс в тогдашний глубоко идеологический кинематограф. Евгений Иосифович всё понимал про советскую власть, не зря же уединялся со своим приёмником, но, не совершая ничего против совести, смог приспособиться к обстоятельствам. Он был конформистом и осознавал это. Но конформизм некоторых писателей сохранил для нас самих писателей. Если бы все советские поэты и прозаики уцелели, у нас могла сложиться величайшая литература, но от того

прекрасного мира остались лишь осколки, одним из них и был Габрилович.

На его таланте мимикрия никак не отразилась, если только на характере... «Он равнодушный», – характеризовала своего «Женьку» Нина Яковлевна. Евгений Иосифович сам признавал, что в жизни ему не хватает воли, решительности. В зрелом возрасте он хотел одного: чтобы его оставили в покое и дали работать».

«Ниночка»

«Влюбился я мгновенно, – вспоминал Габрилович, – просто увидел женщину на одной из тогдашних вечеринок. Мне она до такой степени понравилась, что я уже не мог от неё отстать, и даже домой мы возвращались на извозчике так: она сидела с мужем, а там была ещё третья скамеечка, возле извозчичьего зада, я там поместился и скорбно нырял на ухабах. Самое удивительное, что, несмотря на полное отсутствие у меня настоящей энергии, мне удалось отбить эту женщину у мужа и я женился на ней. Это была моя единственная любовь.»

Характер у жены был настойчивый, необычайно упорный, и должен сказать, что этих качеств как раз не хватало мне. Именно она придала нашей жизни упорство, направленность и точную цель».

Павел Финн:

«Нина Яковлевна говорила нам с Алёшкой: «Вы все идиоты». Потому что мы не умели жить. Сама она была грандиозной устроительницей жизни! Властная, деловая, красивая – её красота была её характером. Нина Яковлевна говорила, что «Женьке» удобно с ней жить. Бытовыми вопросами ведала она, освободив от этих проблем мужа и сына. Она была хозяйкой дома, Евгения Иосифовича, да всего их существования».

**«ТЫ СТАЛ
НАСТОЯЩИМ
МУЖЧИНОЙ...
НАУЧИЛСЯ ЗАБЫ-
ВАТЬ, ЧТО ГОВО-
РИЛ ЖЕНЩИНЕ»**

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ



Мария Габрилович:

«Если папа по какой-то одному ему известной причине сомневался в своём отцовстве (или находился в образе мужчины сомневающегося), то приехавшая в роддом бабушка, увидев меня, констатировала: «Наша внучка». Папин друг, врач, рассказывал, что как-то к нему в кабинет постучались. Дверь распахнулась, на пороге, держа укутанного в одеяльце ребёнка, стояла переполненная гордостью бабушка, за её спиной ютился дед. Бабушка радостно объявила: «Посмотри, что у нас есть!» Положила кулёк на стол, развернула и показала крохотную меня. То, что к моему рождению в большей степени имеют отношение родители, не имело значения: это было у неё, максимум – у них с дедушкой. Помню, я в детстве лежала в больнице и бабушка приехала ко мне. Она шла по больничному коридору красивая, величественная, с прямой спиной, хотя уже ходила на костылях, потому что у неё болели суставы. За бабушкой следовал медперсонал, смотревший на неё даже с подобострастием. Не думаю, что бабушка была знакома с врачами, но на людей воздействовал её облик, её манера держать себя. Как сейчас, слышу её обращённые ко мне слова: «Не называй меня бабой! Баба – вон, во дворе, снежная стоит. А я – бабушка!»

Павел Финн:

«В критических случаях Нина Яковлевна заставляла Евгения Иосифовича надеть ордена, а у него были и военные награды, и Сталинская премия, и Государственная за сценарии, и куда-то идти хлопотать, но в основном решала всё сама. Меня, постоянно бывавшего в их доме и дружившего с их сыном, она любила. В семнадцать лет я, при содействии Алёшки, уже студента Института кинематографии, решил поступать туда же. Но я не был комсомольцем, национальность у меня оказалась сомнительной, к тому же тогда приняли постановление, запрещающее брать в вузы тех, кто только что окончил школу. Однако Нина Яковлевна сказала: «Пашка хочет быть во ВГИКе – Пашка будет во ВГИКе!» Не прибегая к помощи мужа, сама позвонила кому надо – и я поступил.

Евгения Иосифовича она ещё в начале их совместной жизни практически заставила работать со своим приятелем, режиссёром Юлием Райзманом. Так Габрилович, уже писатель и публицист, начал сочинять сценарии. В кино платили больше, чем в литературе, и оно приносило широкую известность – советский кинематограф только начинался и был в моде. По сути, сценаристом Евгений Иосифович стал благодаря Нине Яковлевне».

Мария Габрилович:

«Дедушка любил подремать, помечтать, а бабушка поднимала его с дивана и заставляла садиться за пишущую машинку. У дедушки в той новелле



► Зиночка влюблялась то в скрипача, то в инженера, Филиппок прощал её. «Объяснение в любви»

из «Четырёх четвертей» описаны подобные отношения между Зиночкой и Филиппком: «Она подсказывала ему сюжеты статей, гоняла по библиотекам за материалами, ликовала, когда к нему приходил успех, и плакала, когда его постигала авария. И снова толкала вперёд и вперёд, передавая своё упорство, энергию, волю. Филиппок и в горе, и в радости клонился к кушетке, Зина тащила его к чернильнице и перу». Бабушка, принуждавшая деда работать, мою маму (актриса Майя Булгакова. – Прим. ред.) уважала, среди прочего, за то, что она «заставила» работать её сына, моего папу».

«Без неё я так и колебался бы, – рассказывал Евгений Габрилович о жене, – и, мне кажется, остался бы кем-то вроде пианиста у Мейерхольда. Она меня вела в жизни, она указывала, как мне действовать, с кем мне дружить, кого слушать. У неё было общественное обаяние, она ощущала то, что нужно было ощущать в обществе, в котором мы жили. Самое удивительное, что её, дочь жандармского офицера, выгнали из четвёртого класса гимназии как недостойный элемент и она была человеком необразованным. Не очень-то любила читать и вообще заниматься «умными вещами». Тем не менее жизненное чутьё, ощущение подлинности и лжи у неё было огромное. Её стараниями я сходил с людьми, с которыми было интересно.



► Нина Яковлевна с сыном Алёшей
Справа: Евгений Иосифович в Матвеевском

И никто, а жена дружила, например, с Бабелем, Ахматовой, Раневской, не воспринимал её как человека необразованного: она могла поговорить даже о Прусте, впервые слыша эту фамилию. Со-беседники не подозревали, что она делала ошибки в написании элементарных слов».

Дом и «дым»

Павел Финн:

«Эта пара представляла собой художественный образ: Нина Яковлевна – высокая, красивая, мощная, общительная, и Евгений Иосифович – маленький, мягкий, компромиссный, осторожный, только бы его не трогали, только сесть за печатную машинку и сочинять...»

Финн говорит, что Нина Яковлевна являла собой типичную женщину 20-х годов, когда лучшие представительницы прекрасного пола были вызывающе красивы, умны и внутренне свободны. А в такой женщине всегда сильно жажда жизнеустройства, особенно когда страна занимается тем же самым. Зиночка в «Прогулках» всё время упоённо ладит свой дом, своё семейное гнездо, например, после работы – символическая деталь – стучит молотком. «Мы наш, мы новый мир построим». Для женщины, впрочем, это мир всегдашний, привычный, насыщенный. Вселенная внутри родных стен. И всё, что вторгается в налаженный женщиной ход вещей,

она спешит устранить. Что делать талантливому мужчине, когда, как в случае с Габриловичем, его пьесу в приказе о закрытии театра Мейерхольда назвали антисоветской, но автора, к счастью, не посадили? Уходить в собственные катакомбы, как то выживать не только физически, но и душевно. А что делает в подобных случаях женщина с характером амазонки?

Павел Финн:

«Когда Евгений Иосифович в конце 40-х остался без работы – его обвинили в космополитизме, – Нина Яковлевна вела себя как рыцарь. Одному писателю, который на каком-то собрании поливал Габриловича грязью, дала по физиономии».

Женщина не терпит прорех на ткани мировой гармонии. У Евгения Иосифовича была литература, Нина Яковлевна книг не писала и не читала. Он, как всякий писатель, имел возможность дать пощёчину виртуально – в своём произведении, она – только в реальности. Он всё-таки мог утешиться наедине с собственным внутренним космосом, а она?

Мария Габрилович:

«У бабушки был сын от первого брака, Юрий, которого дедушка усыновил и воспитывал как своего. Юре было четырнадцать лет, когда летом, на даче, он, купаясь в реке, утонул. (Бабушка потом не переносила дачного отдыха. Для меня снимала дачу, но сама туда не приезжала, а с гостинцами посылала своего шофёра.) В течение долгого времени она каждый день ездила на Новодевичье кладбище на могилу к Юре».

Павел Финн:

«Её Юрочка был необыкновенным мальчиком, талантливым, любимым. Его гибель подкосила Нину Яковлевну. Она сразу начала маленького Алёшку усиленно кормить, он в детстве был толстый. Потом боязнь за него у матери прошла: человек не может жить в таком напряжении долго. Тем более что сын стал юношей. Красавец, бабы вокруг него вились, приятели... Наверное, Алёшкина богемная жизнь Нину Яковлевну не устраивала, они ссорились, оба были с непростыми характерами, вспыльчивые. Но она не особенно вмешивалась в его дела. Отец – тоже, однако боялся за него страшно. Помню, я ещё учился в школе, Алёшка уже во ВГИКе, и, возвращаясь вечером домой, я часто видел на лестничной площадке около их квартиры Евгения Иосифовича. Он с тревогой спрашивал меня: «Ты не знаешь, где Лёнька?» Просто помешан был на нём. Впоследствии, когда они с «Лёнькой» остались вдвоём, сбегал в Дом творчества, чтобы только не видеть его образа жизни, разгульного, как у всего нашего круга».



ФОТО: ЛИЧНЫЙ АРХИВ М.А.ГАБРИЛОВИЧ; БОРИС БАБАНОВ/МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ»

Способность сбегать от реальности, чтобы не видеть – точнее, видеть по-своему, глубже и дальше, – как раз писательская. У Нины Яковлевны не было того буфера между человеком и миром, которым является художнический талант. Она оставалась с миром один на один. И действовала привычно – восстанавливала вселенский баланс, в первую очередь тем, что держала дом. Как написано в «Прогулках»: «... всё в её доме должно быть налажено, устроено и на верном пути».

Мария Габрилович:

«В квартире дедушки и бабушки у метро «Аэропорт» было всё красиво отделано и великолепно обставлено. Но ровно посередине большого холла висели детские качели. «Ребёнок должен качаться на качелях, когда он захочет!» – утверждала бабушка. Бабушка меня обожала, отказа мне ни в чём не было, можно было даже играть с дорогими вазами и пепельницами. Однажды я подошла к дедушке и попросила бумагу, чтобы порисовать, а деду, видимо, не до того было. Я нажаловалась на «скудность» деда бабушке, она пошла к нему разбираться. Что там было! Весь кабинет летал! Дедушка только бормотал: «Нина, ну что ты делаешь?»

Дедушка работал, бабушка управляла домом – покупкой продуктов, помощницами по хозяйству, поездками. Пыталась таскать деда по магазинам, по каким-то другим делам, но эта повседневная суета, рутина были ему скучны, неинтересны. Только бы он мог уединиться в своём кабинете и склонить голову над пишущей машинкой. Бабушка могла всю ночь, куря, играть с друзьями и подругами в карты: была страстной преферансисткой. Дед тоже хорошо играл в преферанс, но предпочтение отдавал сну, ночные посиделки жены ему не мешали – квартира была большая. Утром, часов в пять, в полной тишине, вставал и шёл к пишущей машинке. Когда просыпалась и начинала бурлить квартира, дедушка ложился

«СУПРУГИ ДОЛЖНЫ РУГАТЬСЯ. ЭТО БИОЛОГИЧЕСКИ ПРАВОМЕРНО И ПОЛЕЗНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ»

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ

подремать. Бабушка возмущалась: как человек среди бела дня спит? «Нина, – оправдывался дед, – я не сплю, я думаю». На что она отвечала: «Ты же хранишь!»

Она старалась устроить дом, в котором бегают, качаются на качелях, играют со всем, что попадёт под руку, кричат дети. (Замолчавший ребёнок – этот ужас всякой матери Нина Яковлевна уже пережила.) В её доме должны были появляться гости, хотя бы играть в карты. Жизнь там должна была сверкать. Не «жизнь как жизнь», обыденная, скучная, когда не увидена писательским взглядом, но трёхмерная, выпуклая, звонкая. Здесь и сейчас. У мужа был свой тихий уголок. Собственное небольшое пространство в квартире: сначала, когда ещё не переехали на «Аэропорт», он поставил себе в коридоре тахту, накрыл её ковром, повесил на стену полочку и лежал там, слушал свой трофейный приёмник. И «уголок» в потоке дней: он то, уединившись с приёмником, слушал голоса с дальних берегов, то прислушивался к другим голосам – своих персонажей. Никаких дальних и вымышленных голосов у Нины Яковлевны не было. Впрочем, один способ отвлечения – или заполнения пустующего пространства – она себе нашла.

Павел Финн:

«У них были противоположные темпераменты, противоположные характеры, что Нину Яковлевну безумно раздражало. Она кричала на мужа, а тот пытался её успокоить: «Ну Ниночка...» Евгений Иосифович был не самым могучим персонажем, и, видимо, поэтому у Нины Яковлевны в молодые и зрелые годы случались романы. Она даже уходила вместе с Алёшкой к кинорежиссёру Ефиму Дзигану. Как Габрилович переживал эти измены, не знаю: он никогда не жаловался на жизнь. Но в своей новелле описал увлечения главной героини: Зиночка влюбляется то в скрипача, то в инженера-путейца».

Мария Габрилович:

«Дед пишет в одном из рассказов про некоего Андрюхина и его жену: «Да, она изменяла ему, но, как ни суди, была самым близким, родным, понимающим человеком на свете. А что такое неверность по нынешним временам? Дым. И истинный семьянин не станет из-за такой игры случая калечить семью, которую так трудно устроить и, устроив, сохранить налаженный ритм и ход». В своём творчестве он часто затрагивает тему адюльтеров, но всегда находит оправдание своему грешным героям. Сам дед никогда другими женщинами не увлекался. По крайней мере, я об этом никогда ни от кого не слышала.

Так я их и запомнила: деда, в полосатом халате, со склонённой над печатной машинкой головой, и бабушку, с царственной осанкой, величаво пе-

редвигавшуюся по дому, пусть уже и на костылях. Если ей что-то не нравилось, она могла отбросить костыли в стороны и иногда падала, но случалось это редко: бабушка крепко стояла в жизни».

Павел Финн:

«Нина Яковлевна всю жизнь была красавицей, деятельной, окружённой своими подругами и приживалками, которыми она командовала, как Суворов армией. А тут наступила старость, начались болезни».

Наверное, всякий исключительно земной человек уязвим: когда-нибудь ресурсы заканчиваются. Муж не изменял – жизнь изменила, тем, что ушли молодость, силы, здоровье. У кого-то есть другая реальность – у Нины Яковлевны другой реальности не было. Это Евгений Иосифович мог вообразить себя Филиппком и повторять, что его не любят, не любят, но из всякой отвлечённости, из придуманной нелюбви есть выход. А когда страдания наяву? Боль и страх, что впереди только старость и немощь, – это всерьёз.

Мария Габрилович:

«У бабушки были проблемы с тазобедренным суставом, боли стали невыносимыми. Но она продолжала вести активный образ жизни, про-

сто передвигалась на костылях. Тогда, в начале 70-х, у нас операций по замене суставов не делали, только за границей. Уже договорились по поводу того, чтобы её оперировать там, но бабушка, не выдержав боли, отравилась. Её успели госпитализировать, но спасти не смогли. Мой отец считал, что она не собиралась покончить с собой, просто хотела немного попугать, чтобы на неё больше обращали внимания. Наверное, бабушке, испытывавшей нечеловеческую боль, стало казаться, что о ней недостаточно пекутся. Хотя она всегда находилась в центре семьи и дед переживал за неё, и сын... Для всех её уход стал трагедией. Помню, что бывшая бабушкина домработница, которую она отдала мне в няньки, так рыдала...»

Павел Финн:

«На поминках Нины Яковлевны Евгений Иосифович, сидя в кресле, прочитал нам слова из рассказа о Зиночке и Филиппке, которые тот написал на подаренной жене книге. «Дорогая моя, любимая и единственная! Всё, что я написал, задумал, выполнил в моей долгой работе, – всё это ты, от тебя...» И потом: «Я хочу, чтобы все понимали, что и теперь, когда всё подходит к концу, когда осталось совсем мало времени, чтобы жить, дышать, ходить, ссориться, я люблю



**ДВОЙНОЙ УДАР
ПО ГЕРПЕСУ!**

ГЕРПФЕРОН®

МАЗЬ ДЛЯ МЕСТНОГО И НАРУЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

- Лечение первичных и рецидивирующих герпетических поражений кожи и слизистых оболочек
- Лечение генитального герпеса
- Лечение опоясывающего лишая
- Содержит лидокаин для снижения болевых ощущений



ФИРН БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firnm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

тебя так же, как в те далёкие годы, когда всё началось и ты пустилась в путь с таким утлым мужем, как я».

Утлым он, конечно, не был. Он просто был – другим, что и отобразил в своём рассказе. Собственно, «Прогоулки» – о том, как два совершенно разных человека... не могут друг без друга. Она без него – оттого, вероятно, что он придаёт всем её стараниям смысл и высоту (гораздо приятнее заботиться о том, кто нужен людям). Он без неё – видимо, потому, что иначе оторвётся от земли и улетит в небо.

Зиночка и Филиппок

Павел Финн:

«Из «Четырёх четвертей» родилась картина «Объяснение в любви». Книгу Евгений Иосифович написал ещё при жизни Нины Яковлевны, но она вряд ли её читала – не в том была состоянии, – а опубликованы «Четыре четверти» были, когда её уже не стало. Материал, по которому мне предстояло писать сценарий, был трудным. Это, как говорили мы с Ильёй Авербахом, «соединение воспоминаний и вранья». Габрилович там себя придумал. Филиппок – придуманный образ. И ситуации там придуманные.

Илья предложил писать сценарий не своей жене, замечательному сценаристу Наташе Рязанцевой, а мне, потому что я знал семью Габриловичей. И Илья знал, не так хорошо, как я, но знал: он учился у Евгения Иосифовича на Высших сценарных курсах и бывал у него дома. Мы попросили у «старика» разрешения писать сценарий по его книге. «Ребята, делайте что хотите», – ответил он.

Я приступил к работе. И ничего у меня не получалось. Но что-то я сварганил и приехал в Ленинград на «Ленфильм», где Илья монтировал свою картину «Чужие письма». Мы сидели в монтажной, и я читал ему написанное. Посередине чтения я понял, что это провал. На следующий день мы с Ильёй встретились, и он сказал мне: «Забудь о Габриловиче. Пиши так, как будто всё происходило с тобой». Отвёз меня в Дом творчества кинематографистов в Репино под Ленинградом, приезжал ко мне раз в три дня и слушал, что у меня получается. Я читал ему, он засыпал, просыпался и говорил: «Пиши». За две недели я закончил сценарий, который снят совершенно без изменений.

Однако, кто будет сниматься в роли Филиппка, не знали. Главной нашей надеждой стал Александр Калягин. Он был худой, с глубокими голубыми глазами... Но он отказался, и мы остались без актёра. И вот Илья, в очередной раз приехав в Москву, позвонил мне: «Я нашёл Филиппка. Он только что от меня ушёл». – «Кто?» – «Ты стоишь? Сядь. Это Юра Богатырёв». Богатырёв

не был похож ни на Евгения Иосифовича, ни на Филиппка из новеллы, ни на придуманного мной персонажа. Даже внешне: огромный, вот с такими руками, а мы с Ильёй представляли себе невысокого, тихого человека. Но оказалось, что именно Юра перевоплотился в Филиппка, просто стал им. Его герой был большой, отовсюду видный, красивый – и мягкий, нелепый, наивный. Робкий – и вдруг смелый в смертельных обстоятельствах. Всё это дало удивительный эффект.

На роль Зиновки тоже не могли найти актрису. Не только я, но и Илюша знали Нину Яковлевну и понимали её тип. Таких женщин больше не было, надо было искать, кто мог бы её сыграть. Илья поехал на Всесоюзный кинофестиваль с «Чужими письмами», и туда привёз свою картину «Звезда пленительного счастья» Владимир Мотыль. У него там снялась польская актриса Эва Шиккульска, они с Ильёй подружились. Я жил в ленинградской гостинице, работая над режиссёрским сценарием, они вместе пришли ко мне – Эва приехала в Ленинград. И когда уходили, я сказал Илье: «Это же Зиновка. Чего нам ещё искать?» Эва красивая, у неё необычное лицо. Кроме того, Нина Яковлевна по отцу была полькой, то есть всё сошлось. Хотя Зиновкин образ мы смягчили: её прототип был круче. Но и Нину Яковлевну, и Евгения Иосифовича я, написав сценарий, считаю, отблагодарил. Признался им в любви.

Фильм долго не выпускали: сам интеллигентский дух, который есть там, как и в книге, пришёлся не ко двору. Нам говорили, что Филиппок, этот интеллигентишка, – позор, а не герой, удивлялись, как такой мог выжить на фронте. (Габрилович, кстати, в качестве того же военного корреспондента дошёл до Рейхстага.) Требовали массы поправок. Но картина всё-таки была принята и вышла на экраны».

Эпилог

Габрилович фильм видел, и он ему понравился. После того как Нины Яковлевны не стало, Евгений Иосифович прожил ещё двадцать лет. Писал, в основном для себя. А когда умер, в девяносто четыре года, его сын Алексей сказал: «Он жил так долго, что мне казалось, он будет жить вечно».

Значит, всё-таки он мог без неё? И она смогла бы без него, если бы ушла к кому-нибудь из тех, с кем дружила. Но они были вместе, как Зиновка и Филиппок. В фильме он после фронта приезжает в свой опустевший дом, откуда жена ещё до войны уехала к другому, и видит... её. И она говорит ему, повзрослевшему и мужественному после пройденных испытаний, чтобы он разулся, потому что она вымыла полы.

Может, уверенность в том, что другой без тебя пропадёт, – эта нелепая фантазия, облако, дым – и есть любовь? ☉

JAZZ 89.1 FM

RADIO



Настоящие легенды джаза и звёзды новых течений создают на волне **89.1FM** особую изысканную атмосферу, дарят слушателям ощущение гармонии, стиля и спокойствия, причастности к мировому культурному наследию.

Мы представляем Вам уникальную возможность присоединиться к этому избранному кругу на волнах нашей радиостанции.

Radio Jazz 89.1FM

Музыка для людей с хорошим вкусом!

АЗАРТ

В предыдущем номере наш герой, художник, получил приглашение от чудаковатого голландца, который собирает на своей яхте таланты со всей Европы...

МАКСИМ КАНТОР

Глава третья

ПОРТ



В порт отправились всей компанией. На узкой лестнице возникла суета: сын чуть не упал с крутых ступенек, но Август поймал ребёнка за шиворот, порвав детское пальто. Польское пальто мы купили сыну перед отъездом – то была ощутимая трата. Жена промолчала, но я перехватил её отчаянный взгляд.

– Зашью, – сквозь зубы прошептала жена, – нитки у меня есть.

Мы начинали привыкать к ударам судьбы – а как иначе, если ты в походе? Как обходились со своей рваниной матросы с кораблей Васко да Гамы, как доставалось пиратам Моргана? Полагаете, у пиратов тельняшки не рвались? Ещё как рвались. И что с того, что наш корабль стоял на приколе, – жизнь матроса тяжела и в порту.

И я это в полной мере осознал, подхватив наши чемоданы.

Помню, Саша предложила не надрывать, волоча чемоданы по лестнице, а столкнуть багаж вниз по ступеням, будет проще и быстрее; но я отказался. Надо сказать, предложение я оценил: мне дали понять, что в дальнейшем будет не сладко и хорошо бы беречь силы. И тем не менее я отказался и потащил баулы вниз. Принято считать, что спускаться легче, чем подниматься, – это верно, но нести чемоданы вниз и вверх по амстердамским лестницам одинаково тяжело. Там и без чемоданов непросто. Однако чемоданы я донёс. Зачем, спрашивается, было до того тащить их наверх? Зачем было набивать их бессмысленной поклажей? Но терпение, терпение! – нельзя волноваться по пустякам.

На улице Август меня пожалел; сначала он поехал вперёд, а мы ковыляли за велосипедистом по лужам – но, сжалившись, Август слез с седла, привязал наши чемоданы к раме велосипеда. В карманах у капитана Августа было много всякой всячины – потом я в этом не раз убеждался; он достал моток верёвки, прикрутил поклажу.

– Караван беженцев, – сказал Август. – Поход через пустыню Египетскую.

Всё-таки он был воспитанник иезуитов, и речь его, как и его карманы, была напичкана разными странностями и прихотливыми загогулинами.

Египетскую пустыню амстердамская слякоть не напоминала ничем – слишком мокро. Я сообщил об этом Августу.

– А может, уже эта, как её, манна небесная полилась? – предположил капитан.

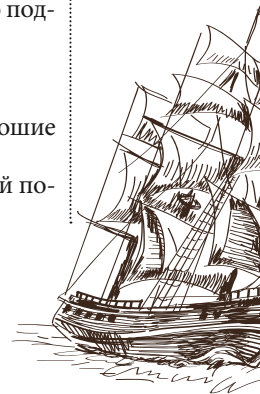
Через минуту верёвки лопнули, чемоданы наши упали в лужу – я ждал теперь любого подвоха в любой момент и уже ничему не удивлялся.

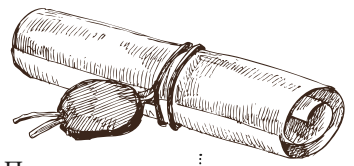
– Подвели верёвки, – сообщил Август, – сгнили давно.

– Как это? Верёвки сгнили?

– В порту беру, на старом складе – там разное барахло ещё с войны лежит. Иногда хорошие вещи находим. А вот верёвки – подвели.

– А зачем же их брать? – изумился я, и мысль о корабле, болезненная мысль о дырявой посудине, на которой нам предстояло ночевать, пришла в голову и уже не уходила.





– Как зачем брать? – не понял вопроса Август. – Это отличные верёвки. Просто гнилые.
– Скажи, – спросил я; зачем спросил, сам не знаю! – Скажи, а канаты, которыми корабль к причалу привязан, тоже на складе нашёл?

– А где же ещё?

– Пойдем скорее, – сказала моя жена, – дети простудятся.

И добавила (помню, вопрос прозвучал столь дико, что на него никто не ответил, но на мгновение все словно оцепенели):

– А на корабле есть отопление?

Помолчали.

– Одежду сушить, – пояснила жена тихо.

– Уже почти пришли, – ответил ей Август.

– А то в чемоданах, наверное, одежда промокла.

– Скоро уже дойдём, – успокоил её Август. – Сейчас свернём в промзону, а потом будет порт.

Мы свернули с улиц в так называемую промзону, впрочем, никакой промышленности там не было. Никто ничего здесь давно не производил, кранов и тягачей я не заметил; матросов и шкиперов тоже не было. То был район пустырей, луж, бетонных заборов, фанерных сараев и костров, возле которых грелись нищие. Один из таких костров горел подле заброшенного остова дома – обычного четырёхэтажного амстердамского узкого кирпичного барака. Все стекла в доме были выбиты, дверей не было. В доме, судя по всему, жили бродяги – они и жгли костёр.

– Может быть, остановимся, одежду посушим? – прошептала жена. Громко говорить она не решалась, а почему – непонятно. Нас ведь окружали друзья.

– Классическая купеческая архитектура семнадцатого века, – сообщил нам Август, указывая на дом. – В порту раньше все дома были такими. Практичная постройка. Видишь, там, наверху, крюк? Привязывали к нему верёвки и так поднимали товары наверх. Классно придумали? Удобно.

– Верёвки, значит, привязывали? – едко спросил я. – Не гнилые?

– Это давно было, – рассудительно пояснил Август. – В семнадцатом веке. Теперь склада нет. Сейчас тут сквот.

– Что здесь такое? – Я не знал слова «сквот».

Должен повиниться: в отношении молодёжной культуры двадцатого века я профан. В нашей семье был уклон в сторону классического образования, папа у меня был историк и философ, дед – профессор минералогии. Про движение хиппи я знал немного. Более того, я даже не знал, что такое марихуана. И не знал названий вокально-инструментальных ансамблей. У нас в семье не было телевизора, и магнитофона тоже не было. Гордец и задавака, я считал, что так отстаиваю классическую культуру. Если честно, то я никогда не слышал ни ансамбля «Песняры», ни «Роллинг Стоунз». Не притворяюсь, это, увы, стыдная правда.

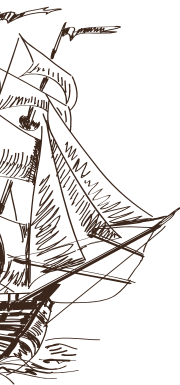
– Что здесь находится? – переспросил я.

– Сквот. Свободные люди тут живут. Травку курят. Размышляют. Творят. Ищут.

Свободные люди сидели полукругом у огня, передавали по кругу окурки.

Я смотрел на одутловатые физиономии, украшенные серьгами и татуировками, с лимонными и фиолетовыми пучками волос – у кого на макушке, у кого под носом. Бледные подростки с возбуждёнными, красноватыми глазами о чём-то громко говорили на голландском, немного грубоватом для слуха языке. Голландский язык для русского уха интересен тем, что самые безобидные вещи звучат на нём вызывающе, в благопристойном обществе и не произнесёшь. Например, фамилия знаменитого историка Хейзинги звучит как «Хуезинка», а стандартное приветствие «с добрым утром» звучит как «хуеморден». Вот и эти свободные люди, сидя подле огня, беспрепятственно желали друг другу доброго утра, поминали великого историка и меланхолично смолили косяк марихуаны. Не похоже было, что они нечто ищут, – у меня была стойкая уверенность, что они уже всё, что хотели, нашли.

Знаю, знаю, что вы сейчас скажете! Сам признаю, что был книжным мальчиком, мимо меня прошли искания современности: я никогда не занимался инсталляциями, не посещал диско-





тек, не входил ни в какие кружки... Знаю сам, что это снобизм и чистоплюйство. Уж и доброго утра ему не пожелай по-голландски, ранимый какой нашёлся. Но что поделает, правда требует точного изложения событий – я не ценил всё то, что для Августа Диркса представлялось несомненной ценностью.

– Вот когда наш корабль поплывёт... – пробормотал Август.

И я понял, чего он хочет: чтобы вот такой караван-сарай, сквот с бродягами, притон бездельников с лиловыми патлами кочевал от города к городу.

– Скажи, – спросил я (о, я был ужасным занудой, вечно выяснял отношения и спорил), – скажи, Август, эти бродяги что здесь делают? Работают над чем? Они вообще кто?

– Люди.

– Хорошие люди? Или бездельники? Все эти ваши современные художники и хиппи – это же обыкновенные паразиты...

– Ну что ты, – мягко сказал Август. – Не суди строго. Среди них есть прекрасные товарищи.

– Нашёл среди них матросов?

– Здесь – одного. Удивительный человек, современный композитор. Я вас сейчас познакомлю.

– Композитор? – Слово солидное, вызывает уважение.

– Да, суперконкретная музыка. Играет на консервных банках. Когда починим корабль, мы пойдём по рекам Голландии, и на каждом причале Йохан будет играть свой концерт. Верно, Йохан?

Молодой человек с лиловыми волосами и татуировкой на шее помахал рукой и громко пожелал нам доброго утра. Кстати, я заметил у его ног несколько консервных банок – ребята завтракали, но одновременно и запасались музыкальными инструментами. Интересно, хотел спросить я, банки из-под тушёнки и из-под кильки в томате разнятся так же, как инструменты от Амати и Страдивари? Но не спросил, решил быть вежливым.

Хоть я был молод, жизнь успела кое-чему научить. Как-то, будучи в гостях у немецкого скульптора, я поинтересовался, что это за свалка ржавого железа во дворе – помойка или инсталляция? Оказалось – инсталляция, и больше меня в ту мастерскую не звали. Так что и вопросов о консервных банках я задавать не стал.

– Поплывём по рекам с концертной программой? – спросил я.

– Конечно. Сначала пойдём по голландским рекам, а потом по Германии. Надо же собирать народ.

– Чтобы играть на консервных банках? – Я произнёс фразу спокойно, но, боюсь, интонация меня выдала.

– Представляешь, какая красота? Йохан расставляет на пирсе банки, бьёт по ним железной арматурой... Свечи, фонарики... Волшебная атмосфера. А потом, когда соберём достаточно людей, мы выйдем в океан.

– Ковчег? – спросил я. – Цивилизацию бездельников будем спасать?

– Не надо так грубо. – Некоторое время он шёл молча, держал одной рукой велосипед, а в другой нёс мой чемодан. – Не надо меня переоценивать. Пока просто чиню корабль. Собираю хороших людей. Знаешь, это такое азартное занятие – собирать добрых людей для хорошего дела. Спасение приходит само собой, когда его уже и не ждёшь.

И тут мы вышли к порту.

Распахнулся серый свинцовый простор холодного моря, и ветер ударил нам в лицо. Пока шли меж пакгаузов и сараев, мы были защищены от ветра, а на набережной шальной ветер налетел со всех сторон. Ветер в амстердамском порту такой, что его отмечаешь в первую очередь, а только потом смотришь на корабли.

– Вот, смотри. Вот он, наш корабль.

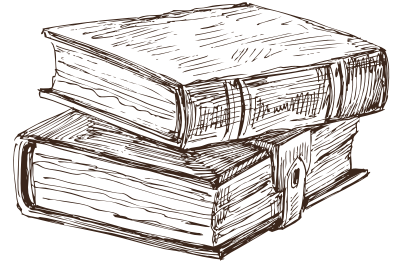
И я увидел корабль.

Огромный, чёрный корабль, он выглядел ровно так, как дети рисуют корабли в тетрадках – грубая и примитивная посуда.

По чёрному борту белой краской было написано слово «Азарт».



- Входи, – сказал Август.
- Как? – спросил я.
- Так вот же мостки. Не видишь? Иди на борт, не бойся.



Глава четвёртая КУБРИК

В те годы – первые годы перестройки – большим спросом пользовалось слово «плюрализм». Когда политика спрашивали: «Какая у вас программа?» – политик отвечал: «Плюрализм», – и всем нравилось. Имелось в виду разнообразие мнений и стилей. Дескать, прежде в обществе была казарма, а нынче у нас свободное самовыражение. И ещё говорили, что «у каждого своя правда». Мол, нельзя судить другого человека исходя из своих принципов, у твоего соседа могут быть иные принципы. Некоторые люди полагали, что такая общественная доктрина имеет отношение к категорическому императиву Канта, – сейчас я твёрдо знаю, что это не так. Кант не считал, что существует множество принципов, он лишь полагал, что каждый человек является целью в себе, а не средством для достижения целей другого человека. Это совсем не то же самое, что наличие нескольких правд; но в ту пору я понимал различие не вполне ясно.

Вероятно, думал я, у лилового Йохана имеется своя правда. А то, что мне эта правда не близка, – что ж с того? Не мешане, потерпим и суперконкретную музыку.

– Лишь бы Йохан на корабле не музицировал, – прошептала жена. – Ребёнок не уснёт.

– В конце концов, – примирительно сказал я, – он же не злодей. Просто у него такое искусство. Своя правда.

Когда мы спустились в кубрик, то увидели сразу троих обладателей уникальных взглядов – у каждого из матросов «Азарта» правда была безусловно своя.

Август сразу повёл нас вниз, в чрево корабля, знакомиться с командой.

Корабль выглядел большим снаружи, а внутри оказался просто гигантским; мы кружили в бесконечных перепутанных кишках железного Левиафана: узкие коридоры с низкими потолками, железные, лязгающие под ногой полы, неожиданные повороты, лестницы, ведущие в тёмные отсеки, тяжёлые двери, которые, скрипя, поворачивались на ржавых болтах.

Одну из дверей капитан Август толкнул плечом.

Каждый из матросов занимал свой угол, а судя по тому, что в свободном, четвёртом углу были свалены пустые консервные банки, там было место Йохана.

Тот угол, что налево, сразу за дверью, был занят человеком, посвятившим себя театру. Стенка была оклеена фотографиями – то были сцены из разнообразных спектаклей. Главным героем фотографий предстал в сенаторе в римской тоге, то революционным матросом в кожанке и бескозырке, то персонажем ибсеновского или чеховского абсурда – тогда на нём были тесноватый пиджак и соломенная шляпа. Там было много фотографий – все и не рассмотреть. Герой фотографий присутствовал в кубрике живьём – он спал на полу, положив под голову сильную руку.

– Актёр, – указал на него Август гордо. – Сто ролей сыграл. Он у нас за плотника. Мачты будет делать.

Мы обратили уважительные взгляды к актёру-плотнику. Клетчатая рубаха была расстёгнута на полном животе его. Руки у него были крепкие, ничего не скажешь. Рубанка, впрочем, я нигде не заметил. Пилы тоже не было.

Актёр был совершенно лыс, и в полутьме кубрика влажный блеск лысины играл роль источника света.

– Электричество скоро проведём, – ответил мне Август, хотя я не успел спросить про электричество. – Пока обходимся керосинкой. – Он подумал немного и добавил: – Пилу и молоток ищем. Гвозди уже есть. В порту разные вещи найти можно.

В углу, противоположном актёрскому, расположилась дама средних лет. Я не мастер угадывать женский возраст; скажем, между тридцатью и пятьюдесятью. Жилистая женщина





сидела на табурете, качала худой ногой в сетчатом рваном чулке и курила, а над головой у неё висел портрет Мао Цзэдуна кисти (нет, не кисти, конечно, а фотообъектива или что там у него было?) Энди Уорхола. Юбка у женщины была очень короткая.

– Это Присцилла, она левая, – объяснил капитан Август.

Кто такие европейские левые, мы в России знали нетвёрдо. Иногда газеты описывали их демонстрации – против запрета на аборт или против оккупации Чехословакии. Публиковали репортажи о европейских левых для того, чтобы советские люди осознали: они не одиноки в борьбе с мировым капитализмом. Особенно если борются против запрета на аборт.

Левая Присцилла, прищурившись, изучала нас, и было видно по взгляду, что меня она осуждает, жену презирает, а сына не замечает.

– Присцилла – наш бухгалтер, комиссар и идеолог, – сообщил Август. – Надо вести учёт средств и разумно их распределять. У нас здесь коммуна.

– Фаланстер, – сказала Присцилла.

Сын вопросительно посмотрел на меня; я пообещал рассказать про фаланстеры вечером; но как фаланстеры сочетаются с маоизмом – я и сам не понимал.

– Вы, простите, маоистка? – Ничего умнее я не нашёлся спросить.

Изнурённая йогой, вегетарианской пищей, чёрным табаком и лёгкими наркотиками, левая Присцилла выслушала мой вопрос устало. Сколько раз её уже спрашивали об этой ерунде! Маоизм, марксизм – буржуа не чувствовали разницы. Но разве мещанам объяснишь, разве мещане поймут? Им, обывателям, что Мао, что Сартр, что Маркс... Она скривила губу, чуть усмехнулась.

– Я марксист последней волны, – сказала Присцилла, – что-то беру от Негри, что-то от Альтюссера, что-то от Гароди.

– А Мао зачем?

– Чтобы боялись. – И Присцилла с ненавистью поглядела сквозь сигаретный дым на спящего лысого актёра и на третьего матроса, равнодушно созерцавшего наш приход и разговоры.

Тот, впрочем, принял её пепеляющий взгляд равнодушно, даже зевнул. Третий матрос был единственным, кому достался классический матросский гамак. Судя по всему, он не собирался с гамаком расставаться. Лежал в гамаке, вальяжно покачивался, свесив ногу в коричневом ботинке наружу.

– Я настолько боюсь вашего Мао, дорогая Присцилла, что буквально не могу заставить себя ходить в китайские рестораны, – обитатель гамака зевнул. – Впрочем, и вам тоже не советую.

Когда сегодня я вспоминаю и пересказываю здесь корабельные диалоги, то сознательно обхожу вопрос языка. В самом деле, как же мы все понимали друг друга? Но ведь понимали, вот в чём штука! Так разговаривают меж собой пятилетние дети в интернациональном детском саду – они говорят на особом детском наречии. Мы говорили на смеси всех языков разом, а может быть, то был протоязык? Кто знает, возможно, так беседовали строители Вавилонской башни – до того, как Господь пожелал башню разрушить и разделить языки и наречия строителей. Присцилла, очевидно, была парижанкой, а сибарит в гамаке был англичанином. Однако они понимали друг друга без перевода, и, мало того, я их понимал тоже. За считанные мгновения внутри корабля складывался собственный местный язык, состоящий из смеси английского, русского, немецкого и французского, – в конце концов, исторические прецеденты таких явлений имеются: на так называемом «лингва-франка» некогда говорило полмира. Теперь-то я уверен, что четырнадцать языков, которые знал Август, так сплетались в капитанской речи, что создали специфический диалект корабля «Азарт».

– Мао был занятный фрик, – заметил обитатель гамака. – В луна-парке, в комнате ужасов, он будет смотреться недурно. Но я предпочитаю сатаниста Алистера Кроули.

Обитатель гамака был белотел, упитан, грушевиден и обладал выдающейся нижней челюстью. При этом рот он имел изящный, в форме бутона розы. Бутон этот, впрочем, раскрывался до необъятных размеров при поглощении пищи.

– Адриан Грегори, историк античности, Оксфордский университет, – аттестовал его Август.





Грушевидный историк античности изобразил на своём полном лице улыбку, розовый бутон затрепетал. Затем историк лениво шевельнул ногой, этим приветствие и ограничил. Качался в гамаке и наблюдал за нами.

– Адриан занимается для нас хедхантингом.

– Чем занимается?

– Буду ловцом человекoв, – пояснил Адриан.

– Адриан ищет для нас подходящего механика. Ведёт переговоры в порту.

Адриан зевнул, растянув свою нежную розочку.

– Вы как тут оказались? – спросил я уважительно. Подобно всем русским, я испытывал трепет перед Оксфордом. Казалось, вот там, в Туманном Альбионе, есть Оксфордский университет, кладёзь премудрости, древняя крепость знаний.

– Путешествую, – сказал грушевидный Адриан.

– А как же университет?

– Сабатикал, – розочка снова затрепетала лепестками, так Адриан смеялся. Словом «сабатикал» (тогда я этого, конечно, не знал) называются оплаченные годовые каникулы оксфордского преподавателя. Всякий шестой год – после пяти рабочих лет – сотрудники университета получают деньги, не делая ничего. Они отдыхают, считается, что в это время они пишут книги. Я даже встречал одного парня, который книгу написал. Так себе книжка.

Скупой, как все оксфордские профессора, Адриан решил добавить к дармовой зарплате шестого года ещё и бесплатный отдых. Так он принял приглашение Августа, и, попав на ржавый корабль, поняв, в какой дыре оказался, он решил брать от жизни всё, что возможно: качался в гамаке и полдня спал.

– Стыдно лежать всё время, – сказала ему Присцилла, – ты бы свой толстый зад вытащил из гамака и помог нам хоть раз. Вот вчера, когда палубу красили...

– Прекрати вульгарное левачество, – заметил Адриан из гамака, – я терпеть не могу коллективный труд. Пока вы пачкали друг друга краской, я читал Катутла.

– Да не читал ты никакого Катутла! – взвизгнула левая активистка. – Ты спал! А когда мы ушли на палубу, слопал мою тушёнку!

– Как это мелко, – сказал Адриан лениво. – Я полагал, что все левые делятся своим имуществом.

– Но не с паразитами вроде тебя!

– То есть вы, марксисты-маоисты, делитесь едой избирательно? С товарищами по классу? Тогда какая же в этом социальная справедливость? Это тот же расизм, просто классовый.

– Замолчи, демагог! Зачем с тобой делиться, если ты из богатой семьи! Сам ты сроду глотком воды не поделишься.

– Так я же не марксист, – резонно заметил грушевидный Адриан, – я либеральный мыслитель.

– Колонизатор!

– Прекратите орать, – это зашевелился на полу лысый актёр. Он сел, почесал лысину. Первым делом, так уж он привык, актёр обозрел свой иконостас, полюбовался на любимые кадры, вооружился сценическими воспоминаниями и принял значительный вид. – Театр снился. Вернусь, буду Отелло играть.

– Почему Отелло? – спросил я.

– Причина имеется, – сказал он значительно.

– А вы из какого театра? – робко спросила жена.

– «Таганка», – сказал лысый актёр. – Знаете такой театр?

– Москвичи мы, – обрадовалась жена. – Зачем вы «Таганку»-то бросили?

– Интриги там, – сказал лысый актёр. – Любимов ушёл, и меня, скажем так, попросили... Затравили, короче. Но я вернусь! Я своего Отелло сыграю!

– И Яго покараете? – спросила моя жена. Она была романтической особой.

– Придушу, – сказал лысый актёр. – Руки крепкие... – И он вытянул вперёд свои огромные ладони.



– Матрос вы, наверное, отменный, – сказала жена, – с такой силищей мачты в два счёта сделаете.

– Мачты ещё найти надо, – сказал актёр загадочно.

Я невольно подумал, что мачты Август собирается снять с соседних кораблей, подобно тому, как он отвинчивает колёса у бесхозных велосипедов.

– А где вы мачты ищите? – спросил я.

– Есть кое-что на примете.

– Русские работать не любят, – заметила левая Присцилла. – Русские командовать любят. Хоть над одним рабом – да командовать...

– Много ты о России знаешь, маоистка. Россия – самая свободная страна. А на родину я полюбому вернусь. Я патриот.

– Свободная была при Троцком, – сказала Присцилла горько. – А теперь продали Россию. Друг друга в рабство продаёте.

– Учить только нас не надо.

– Отчего бы дураков не поучить?

– Оттого, – лысина актёра побагровела, – что Россия скоро воспрянет, и про вашу Францию никто не вспомнит!

– Нет ничего поучительнее, нежели ссора левых, – заметил грушевидный историк. – Но пока сюжет развивается вяло. Больше эмоций, господа! Больше крови!

– Я тебе сейчас... – сказал актёр.

– Сценические угрозы, – лениво протянул англичанин, – деревянные мечи, парики и рюмяна... Кстати, друг мой, где ваш парик?

– Я... я... – Лысый актёр в Оксфорде не преподавал, и вне сцены его словарный запас был скуден.

– Продолжайте, мой друг. Не робейте! Если затруднения с монологом, обратитесь к суфлёру.

– Подожди, – сказал ему актёр, – когда в открытое море выйдем. Я там без суфлёра обойдусь.

– Что же вы сделаете со мной, странствующий комедиант? Подобно комедианту из третьего акта Гамлета, нальёте мне в ухо яду?

– Там видно будет, – сказал актёр.

– А пока разучивайте «Паломничество Чайльд Гарольда», – посоветовал грушевидный его противник. – Я буду помогать. Чайльд Гарольд, как и вы, был скиталец – он простился с матушкой-родиной... Adieu, adieu, my native shore... Попробуйте повторить!

– Адъё, адъё... фуёмоё... – перешёл актёр на голландский и дважды пожелал англичанину доброго утра.

– Врежь ему! – крикнула Присцилла. – Дай этому жирному между глаз!

– Мадам, – заметил Адриан, – позиция Франции всегда – разумный коллаборационизм. Не позорьте свою культуру.

– Ах так! А ты, актёришка, сдрейфил! Тогда я сама!

– Мадам комиссар, предупреждаю, я буду кидаться в вас отравленными зубочистками.

– Кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?! – И, угостив нас рочкущей цитатой, лысый актёр захохотал. Смех у него был сценический, непонятно, как с таким смехом можно потерять работу в театре.

Дочки Августа завизжали.

Вот если ещё Йохан заиграет на консервных банках, подумал я. А жена прошептала на ухо:

– Думаешь, нас здесь и поселят?

– Внимание! – сказал капитан Август. – Экипаж, слушай мою команду! – Август недурно смотрелся в своей бескозырке с ленточками и в широком бушлате. – Господа матросы, подъём! Отставить разговоры! Есть работа на палубе!

– Опять борт красить? – с тоской спросил актёр.

– Флаг рисовать будем! ☉

Продолжение романа читайте в следующем номере.



5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ



*В которой Элвис Пресли
отправляется на самолёте за
гамбургером «со вкусом детства» **с.136***

.....

*а Ирина Богушевская – за истиной
в погранзону, где её подстерегают
жадные узбекские егеря **с.130***

Путевые заметки

Виктория Токарева

В конце весны уже который год я отдыхаю в Италии, в маленьком курортном городке Абано-Терме. В этом месте из-под земли бьют горячие термальные источники. Каждый отель имеет свой бассейн, в нём греют свои бранные кости пожилые люди. Средний возраст отдыхающих – от семидесяти до ста. Попадают и молодые, как исключение.

Первую половину дня я провожу в бассейне. В свободное время гуляю по городу и смотрю по сторонам.

По центральной улочке Абано идёт молодая женщина без штанов. Я вижу её со спины. На ней лёгкая кофточка и абсолютно голый зад. Некрасивый. Широкий, квадратный, как чемодан. Я приближаюсь. Нет, я ошиблась. Девушка в брюках, но они белые, тончайшие и просвечивают на сто процентов. Ну, может быть, на девяносто восемь. Всё-таки видны швы по бокам и в середине. Зачем она надела такие брюки? Чтобы понравиться, ясное дело. Я обогнала девушку, посмотрела с лицевой стороны. Щекастая, в прыщах. Глазки мелкие, голубенькие. Реснички белые, поросячьи. Некрасивая, да ещё и с голым задом. Захотелось подойти и сказать: «Иди в отель, прикройся. Надень другие брюки». На каком языке сказать? Естественно, на русском. Девушка явно русская. Приехала в Италию искать своё счастье. Предположим, я подойду и скажу: «Поди, переоденься». А она спросит: «А твоё какое дело? Тебе-то что?» – и будет права. У меня своя дорога, у неё своя. Кто я ей? Кто она мне?

Я посмотрела ещё раз. Лицо у неё молодое, и прыщи молодые,



«Счастье –
заразно. Как
и несчастье»

гормональные. Выражение насупленное, загнанное, она явно стесняется себя. Не свободна. Не счастлива. Не беспечна, как это бывает в молодости, когда всё по барабану и весь мир твой. Я обогнала её и пошла дальше.

В природе то же самое, что и среди людей. Есть красивые звери – тигр, например. Тигр – шедевр Создателя: гибкий, пластичный, желтоглазый. А есть некрасивые – носороги. Носорог – это свинья, неповоротливая, тяжёлая, да ещё и с рогом на носу. Сплошное уродство. Природе одинаково угодны красивые и некрасивые. Все пригодятся.

Может быть, эта, с широкими бёдрами, нарожает дюжину здоровых детей и умножит человеческий род. Не последнее дело. И в личной жизни есть преимущества. Она будет благо-

дарна любой, самой малой радости, и из маленьких радостей сложится большая счастливая жизнь. А красивые носятся со своей красотой, как с козырной картой, и постоянно торгуются с судьбой. Боятся прогадать.

Как сказал Константин Симонов: «Красота, как станция, мигает». Мигает обязательно. «Так что иди и не парься», – сказала себе. И пошла себе. Впереди – вход в мой отель «Дуэ Торри», в переводе – «Две башни». Здесь, куда ни пойдёшь, – всё близко.

Бармен Пабло привёл в отель своего сыночка. Мальчику четыре года. Ангел. Вылитый Пабло, и к бабке не ходи – есть такое выражение. Видимо, в старые времена, когда мужчина сомневался в отцовстве, он шёл к бабке. Сейчас существует анализ ДНК. Это точнее, чем бабка. Пабло привёл сыночка в свой выходной, так как в рабочее время ему бы никто не позволил отвлекаться от основной работы. А Пабло захотелось похвастать своим богатством перед публикой отеля.

Мальчика зовут Джованни. Он бегаёт, носится, энергию некуда девать. Мы, кучка отдыхающих, стоим и вежливо улыбаемся: какой милый шалун. Надо в это время видеть Пабло. Это его поздний, единственный ребёнок. Он от него «тащится», как сейчас говорят. Лицо растянуто в улыбке, и Пабло не может его собрать. Это лицо ликует. Все стоят и вежливо пережидают. Действительно, мальчик – очарование, Пабло прекрасен в своём отцовстве.

Я вспомнила его служебную улыбку, похожую на гримасу: губы растянуты, глаза холод-

ные. Иногда, когда никого нет вокруг, можно не улыбаться, Пабло расслабляется. Улыбка стёрта. Зубы за губами, как положено. Его лицо на какое-то время становится суровым. Он устал. Трудно притворяться восемь часов подряд. Трудно улыбаться, когда не хочется. А сейчас – хочется. И трудно не улыбаться, когда хочется. Счастье рвётся наружу, долетает до нас, и мы невольно заражаемся его настроением. Счастье – заразно, как и несчастье.

В рецепцию пришла работать новая девушка, Камилла. Итальянка со знанием русского языка, половина отеля – русские. Камилла окончила в Риме университет, отделение славистики. Защищала диплом по моим рассказам. Я не удивляюсь. Я так давно в литературе, что уже стала предметом изучения, как Гончаров. Камилла увидела в списке отдыхающих моё имя, и её глаза от удивления стали круглыми, как колёса.

– Виктория – гранде скритторе! – завопила она и помчалась по отелю с этой вестью.

Забегала в ресторан, кинулась к Фаусто. Фаусто – главный распорядитель ресторанный зала. Он руководит официантами, он знает, кого куда посадить: русских – в один зал, итальянцев – в другой. Русских он тоже фасует на первый сорт и второй. Те, кто даёт хорошие чаевые, – это первый сорт, их он сажает к окошку, с видом на сад. А второй сорт – в середину зала. Пусть скажут спасибо и за это.

Я всё время путала его имя, называла Мефисто, хотя он Фаусто. Камилла налетела на Фаусто с криком:

– Синьора Виктория – гранде скритторе!

Фаусто заморгал глазами: какая Виктория? Вот эта, малозаметная, в старушечьей кофте?

Замечу, кофта дорогая и не старушечья, а очень модная. Просто итальянцы одеваются иначе. К ужину они выходят

обязательно в чёрном и в бриллиантах, при этом натуральных.

Я могла бы себе купить чёрное, но в чёрном я похожа на осетинку в трауре. Чёрный цвет я не переносу. Это цвет космоса, пустоты, смерти. Белый цвет разлагается на семь цветов радуги, а чёрный не разлагается ни на что. Это конец. Недаром квадрат Малевича – чёрный. Что касается бриллиантов, я могла бы себе купить искусственный диамант величиной с пуговицу, ценой в полтора евро, но ведь это заметно. Подделка тем и отличается, что бросается в глаза. А натурального бриллианта, кольца например, у меня никогда не было и не будет. Я воспринимаю свои руки как рабочий инструмент.

Завтрак и обед – в разных помещениях. Завтрак подавали на первом этаже в скромной обстановке. А обед – в ресторане, который располагался на нулевом этаже, – торжественный, бело-хрустальный. На завтрак разрешалось прийти в халате, а в ресторан – недопустимо. Форма одежды для ресторана – «элеганто». Я не сразу поняла разницу и припёрлась на обед в халате. Прямо из бассейна – в ресторанный зал. Фаусто соорудил зверское лицо и погнал меня энергично, как козу с чужого огорода, только хворостины не хватало. Он даже прихлопывал руками – я боялась, что он ударит меня по спине или даст пинком под зад.

Ужас... В respectable зал ввалилась тётка в халате, как корова, или, точнее, как свинья. Корова не подходит по размерам, а свинья вполне. Я не обиделась. Удалилась восвояси, осознав свой просчёт. Пошла в номер и переоделась, как добавляет, в итальянские одежды, купленные здесь же, за углом.

– Гранде скритторе! – щебечет Камилла и хлопает ресницами.

Фаусто догадывается, что вот та корова в халате и есть почётный гость, гранде скритторе.

Я вхожу в зал, ничего не могу понять. Фаусто пересаживает меня на самое лучшее место. Обслуживает лично. Спрашивает по-русски:

– Пармезан чуть-чуть?

– Пармезан много-много, – уточняю я. – Гранде пармезан.

Я не понимаю перемены, но очень быстро привыкаю к новому Фаусто. К хорошему вообще привыкаешь быстро, а отвыкаешь медленно и мучительно.

Мы с Фаусто подружились. Он поведал, что ему шестьдесят лет и уже пора на пенсию, но он так врос в этот отель, а отель в него, что не может представить своей жизни без работы.

Каждый день к обеду Фаусто ставил на мой стол блюдо с манго. На шведском столе манго не было. Фаусто доставал его откуда-то из загашника. По блату.

Я сижу возле окошка в углу, как старая собака, смотрю изпод тяжёлых век и понимаю больше, чем надо. У Грибоедова есть строчки: «Желаю вам дремать в неведеньи счастливом». Неведенье – это действительно составная счастья. Это легче, чем быть всезнающей, как змея. Но последнее – уже не про меня. Я не всезнающая и тем более не змея. Змея – высокая, стройная и ядовитая. Но разговор не обо мне. А если и обо мне, то чуть-чуть... Портрет в интерьере...

Я забыла сказать, что отправляюсь в Италию с одной и той же любимой подругой Сонечкой. У нас с ней нет никаких противопоказаний, мы легко и счастливо переносим общество друг друга. Иногда даже поём от избытка чувств. Сонечка – тихая, умная, со стержнем. Долгое время работала главным врачом больницы. Лечила, бегала, распоряжалась. Без стержня в таком деле невозможно. Сонечка свой стержень прячет, а ум и доброту спрятать невозможно. Они видны за версту.

В Москве у меня есть знакомая Рая с тяжёлым харак-

тером. Она постоянно ищет врагов и находит. А когда враги кончаются и негде брать, Рая выискивает их среди близких родственников и тоже находит. О ней говорят: сумасшедшая. Может быть. Но её конфликты и выбросы всегда кончаются для неё прибылью. Она скандалит, требует и в результате получает всё, что хочет. Рая – сумасшедшая в свою пользу.

А Сонечка, маленькая, как птичка, носится по курортному городку, выискивая подарки для коллег. Коллег у неё человек двадцать, всё терапевтическое отделение. Кончается тем, что она ухлопывает на подарки все свои деньги, а себе покупает только бесцветную помаду в аптеке. Я говорю ей:

– Сумасшедшая...

Она виновато таращит большие глаза и оправдывается:

– Но ведь давать приятнее, чем брать. Разве нет? Я не права?

Конечно же, права. Но норма стала такой редкостью, а патология – такой нормой...

Сонечку интересует всё: концерты, экскурсии. А я на экскурсиях засыпаю, поскольку они после обеда и совпадают по времени с послеобеденным сном. Я засыпаю прямо в машине и храплю, как вертолёт, летящий низко. Сонечке жалко меня будить, и она уходит с экскурсоводом смотреть замки. Для меня все эти соборы слились в один. Я не вижу разницы. Сонечка с экскурсоводом возвращаются через какое-то время, и мы едем обратно. Когда подъезжаем к отелю, я просыпаюсь – отдохнувшая и просветлённая.

Но всё-таки мне запомнился древний замок на холме, а к нему лестница вверх – зашарпанная и раздолбанная. И это понятно: ей триста лет как минимум.

Я спросила у экскурсовода:

– А почему такая запущенная лестница?

– А кто будет ремонтировать? – в свою очередь спросил

экскурсовод. – Надо, чтобы кто-то купил в собственность. Но никто не покупает. Здесь ремонт обойдётся дороже, чем покупка.

«Ну прямо как у нас, в России», – подумала я.

Мы идеализируем прошлое. Нам кажется: «Что пройдёт, то будет мило». Представляется, что тогда всё было ярким фонтаном, а сейчас – труба пониже и копит. Всё всегда бывает в равных пропорциях: и тогда, и теперь.

Я запомнила фрески Джотто в Падуе. Каким-то образом понимаешь, что это – гениально.

Что такое талант вообще? Это дополнительная энергия, которая ищет выхода. И находит. Энергия чужого таланта распространяется и на меня. Я её чувствую. Гениальность – не сколько другое. Гений – проводник между Создателем и людьми. Создатель через гения передаёт свои послания. Я стою перед фресками Джотто и через пятьсот лет принимаю сигнал.

Обед. На моём столе на большом блюде лежит очищенное и порезанное манго, как лепестки огня. Я ела этот фрукт когда-то на Кубе. В Москве его вкуса не знаю. То, что приходит в Москву, зреет по дороге и не дозревает, а как-то бездарно твердеет. Есть бессмысленно: ни вкуса, ни запаха. А настоящее, созревшее на южном солнце, истекающее соком манго... Рассказать невозможно, как невозможно рассказать музыку.

Я догадалась, почему Фаусто ко мне расположился. Вовсе не потому, что я гранде скритторе. А потому, что я смиренно покинула зал, когда он выметал меня калёной метлой. Я не обижалась, не огрызалась, не протестовала, а просто покорно испарилась, втянув голову в плечи. Я понимала: порядок есть порядок и Фаусто ни в чём не виноват. Следить за порядком – его работа, и он добросовестно её выполняет. За это его не выпроваживают на пенсию,

ждут, когда сам уйдёт и освободит поляну. Молодая смена уже дышит ему в затылок. Официанты в отеле – все рослые, стройные, без животов. Подбирают таких, на кого приятно смотреть. А постояльцам отеля приятнее смотреть на цветение, чем на увядание.

В отеле появилось новое лицо. Хочется добавить: дама с собачкой. Нет. Без собачки. Просто дама. Высокая, стройная, элегантная, старая. Под девянство. А может, и под сто. Фаусто посадил её рядом со мной, за соседний столик. Она напомнила мне Софи Лорен: откровенно старая и откровенно красивая. Видны не только следы красоты, но и сама красота. Я назвала свою соседку Белладонна. «Белла» – прекрасная, «донна» – женщина, а вместе – лекарство, не помню от чего.

Я рассмотрела её наряд. Юбка до колен. Колени – распухшие, артрозные, больные. Ей довольно трудно на них ходить, но прятать под брюками или длинной юбкой она не собирается. Что есть, то есть. Короткий пиджачок в талию и ярко-синяя сумка с изображением черепа, исполненным стразами. Я углядела фирму – сумка дорожная. Старушка богатая и хипповая. Седые волосы с оттенком старого серебра. Специальный оттеночный шампунь. Косметика сдержанная, духи пахнут морозцем. Я знаю этот запах. Не туалетная вода, нет. Это именно духи фирмы «Герлен». Они продаются в сиреновом флаконе с пробкой. Когда-то мне привезли их из Парижа. С тех пор у меня мечта: купить такие духи. В Москве они есть. Стоят тысячу евро. Здесь не меньше.

Белладонна – круглая. Хочется добавить «старуха», но это слово не вяжется с ней. Дама. Но и дама не годится. Девушка-бабушка. Вне возраста.

Она изучает меню, потом откладывает его в сторону и ждёт официанта. Смотрит в зал. Глаза

большие, серые. Взгляд спокойный, бесстрастный. Ей ничего ни от кого не надо. У неё всё есть. У Белладонны маленькое будущее, но большое и яркое прошлое. Плюс деньги. Она живёт сегодня и сейчас. Ничего не планирует. Лечит колени.

Есть ли в моей стране такие девушки-бабушки? У нас, у русских, имеет место дискриминация старостью. Если ты старый – ступай на помочку. Помалкивай. Тебя никто не слушает. Твой опыт никому не интересен. Каждый человек набирает свой опыт, чужой ему не нужен. Всё отжившее – некрасиво, увядший букет воняет. Когда-то букет украшал и радовал, а сейчас – на помочку. Всё имеет свой срок.

Белладонна не имеет срока. Сидит старая, красивая и независимая. К ней подходит официант, принимает заказ. Белладонна общается с официантом уважительно и спокойно. Официант отходит, ему всё ясно. Белладонна игнорирует свою старость. Живёт как молодая, за некоторыми вычетами: отсутствуют бег с препятствиями и любовники. И то неизвестно.

А есть у нас такие? Есть. В моём дачном посёлке проживает вдова Зиновия Гердта – абсолютная «белладонна»: выскокая, стройная, старая. Возраст не скрывает, а наоборот – выпячивает. Удивляет. И все удивляются: как? Не может быть... А вот может быть.

И Окуневская была из этой серии. Отправилась в восемьдесят восемь лет делать подтяжку. Сделала и умерла. Но в гробу выглядела на пятьдесят. А именно этого она и добивалась (я имею в виду возраст, а не гроб).

Как изменилось время... Я вспоминаю свою бабушку Ульяну. Она побывала в окупации, и немец ударил её винтовкой по голове. Парализовало. Лежачий образ жизни. Какие стразы? Какие духи «Герлен»?

Однако, если вспомнить Любовь Орлову, она тоже «бел-

ладонна». Просто не дожила до своих девяноста.

Белладонна поймала мой взгляд и задержалась на мне глазами. Потом отвела быстро. Интересно, что она подумала? Я догадываюсь. Она подумала: русская, не итальянка. Бедные итальянки на термальные воды не ездят, а богатые итальянки толстыми не бывают. Ещё она могла подумать: какая милая, какое спокойное лицо, какой умный взгляд, на неё хочется смотреть и смотреть...

На другой день я поехала в Падую и купила себе синюю сумку. Без черепа. С мелкими дырочками. Но цвет – один в один: яркий, радостный, летний. Я ношу её четыре времени года. Никто не смотрит. Какая кому разница? Духи покупать не стала. Подожду, когда кто-нибудь подарит. Хотя вряд ли...

...У меня пропали из номера бусы. Чёрный жемчуг. Я очень любила эту тяжёлую жемчужную нитку. Она была длинная, сизая, как голубиное крыло, легко надевалась прямо через голову. Не надо было ковыряться с мелким замком. Бусы удобные, подходили к любому наряду на все случаи жизни.

Пропали. Я заплакала. Сонечка позвонила на рецепцию. Строго задала вопрос. Там спросили: кто дежурил? Откуда я знаю? Я этих горничных и в глаза не видела. Они появляются, когда в номере никого нет, делают свою работу и исчезают, как привидения. Не похоже, чтобы горничные воровали. Отель – пять звёзд. Городок маленький, найти работу практически невозможно. Кто будет рисковать из-за нитки выращенного жемчуга?

Я погоревала и быстро успокоилась. У меня полная шкатулка украшений. Выкручусь. Не одно, так другое. Я вообще имею способность очень быстро успокаиваться, поскольку горевать долго – бессмысленно, всё равно ничего не изменится.

Прошёл год. Я снова приехала в Абано-Терме и снова отправилась по магазинам. Шопинг – это маленькая жизнь и большое удовольствие. Первым делом я иду в бутик «Марина Ринальди». Только эта фирма шьёт на все человеческие размеры. Мой размер – не самый последний, и это рождает во мне смутную надежду непонятно на что. В бутике работают милые итальянки, очень приветливые. Они радуются приходу покупателей. Полное впечатление, что тебя ждут. Более того, ждут только тебя.

Я открыла дверь и вошла. Продавщица Летиция осветилась лицом, буквально вспыхнула от радости. Проговорила «момента» – и исчезла на пару минут. И снова возникла. С её пальцев свисала моя чёрная нитка бус. Оказывается, я её забыла здесь год назад. Никто не украл. Просто я вошла в примерочную, повесила бусы на крючок, померила то, что хотела, и ушла. А бусы остались. И Летиция их сохранила. Она не знала, окажусь я здесь ещё когда-нибудь или нет, и всё-таки сберегла.

А почему не взяла себе? Они ей не понравились? Или у них не принято присваивать находки? Или в Италии этого барахла полно...

Я приняла бусы буквально потрясённая. На моих глазах появились слёзы. Это такое счастье, когда к тебе возвращается утерянная вещь, а вместе с ней вера в человечество.

Я смотрела на Летицию как на посланника свыше, который прощал меня за что-то и возвращал утраченное.

Летиция лёгким галопом вынесла мне кашемировый кардиган моего размера (удлинённая кофта, кто не знает). Кардиган мне не нужен, но я его купила, чтобы сделать Летиции приятное. Отщипнуть от своей радости. Пришлось заплатить немалые деньги. Это называется – жертвоприношение. ☉

Вооружён и очень опасен



Дом победителя интеллектуальных игр Анатолия Вассермана удивляет своим аскетизмом. Что же стоит за теми немногими вещами, которые ему принадлежат?

НАТАЛЬЯ ГОРБУНОВА

⊙ **Это сейчас со стеллажа упало нечто самурайское?**

– Да, пластмассовый самурайский меч. Я так разминаю руки. (Подняв с пола оружие, Анатолий Александрович некоторое время ведёт беседу, размахивая мечом.) Если долго работаешь за клавиатурой, желательное время от времени разминать запястья. Хотя клавиатура у меня эргономическая, то есть накладывает минимальную нагрузку, но всё равно это полезно время от времени делать.

⊙ **Где же вы этот арсенал добываете?**

– Заказываю. Большая часть коллекции – это страйкбольные приводы для стрельбы шести-миллиметровыми пластмассовыми шариками либо ММГ – макеты массогабаритные. ММГ – это реальное оружие, но выпотрошенное так, что его даже отремонтировать невозможно. А снаружи оно полностью соответствует оригиналу.

⊙ **Готовитесь к тому, что легализуют оружие?**

– Эту коллекцию я собираю полвека. (Анатолий Александрович наводит на меня некий макет.)

⊙ **Будете стрелять? Я боюсь.**

– Нет, он разряжен.

⊙ **А откуда к вам пришла идея собирать оружие?**

– После победы в одном школьном споре. В седьмом классе мы поспорили, может ли безоружный противостоять человеку с огнестрельным оружием. Теоретически спор зашёл в тупик, решили проверить экспериментально. Нам тогда давали по десять копеек в день на школьный завтрак. Дня два или три все спорщики не завтракали, потом на сэкономерные гриппенники купили игрушечный пистолет и отправились ко мне – у нас были самые большие комнаты – две комнаты по тридцать метров, это моя одесская квартира, до сих пор коммунальная. Один схватил пистолет, отбежал в дальний угол, метров на шесть,

и скомандовал: «Руки вверх!» Все подняли руки, а я снял одной ногой туфлю и швырнул в него. Попал удачно – каблуком в солнечное сплетение. Он, естественно, сложился и был обезоружен. А пистолет остался у меня как трофей. С этого и началась коллекция.

⊙ **Это дорогое увлечение?**

– Мужчина от мальчика отличается ценой игрушек. В детстве я покупал пистолеты ценой в десяток моих тогдашних завтраков, сейчас – в несколько десятков моих завтраков. А единственное, что действительно накапливалось в моей семье, – это книги.

⊙ **В смысле книг у вас разнообразие: простенькие детективы рядом с учёными фолантами...**

– Ну, во-первых, отдых тоже нужен. А во-вторых, книги в жанре альтернативной истории я читаю как профессиональное пособие. Я занимаюсь тем, что пытаюсь изменить нашу реальную историю, и меня интересуют примеры. Скажем, есть у меня парочка циклов романов Злотникова. Его персонажи – современные бизнесмены, один из них попадает в тело царевича Фёдора Годунова, когда тому примерно лет десять, второй – в тело генерал-адмирала Алексея Александровича Романова, когда тому лет сорок, и оба они, зная, что естественный ход истории не сулит им ничего хорошего, пытаются его изменить. Альтернативная история интересна тем, что можно посмотреть, в какие моменты истории какие способы воздействия на неё эффективны. На самом деле это довольно сложно. Большая часть событий определяется уже накопившимися обстоятельствами почти полностью. И стечение их, позволяющее что-то крупно изменить сравнительно малыми средствами, бывает крайне редко.

⊙ **Вы и в самом деле хотите изменить ход истории?**

– Я публицист, и мои публикации ощутимо влияют на общественное мнение. Конечно, я не обольщаюсь надеждами на собственную эффективность и понимаю, что изменение взгляда на Заокееанье – это следствие не только моих публикаций, но и американской политики и многочисленных перепечаток зарубежных статей о нашей стране. Их чтение избавляет от иллюзий о благородном и благожелательном Западе. В общем, как сказано в старой басне: «Но утешаюсь тем, на наши смотря соты, что в них и моего хоть капля мёду есть».

⊙ **А в свою одесскую коммуналку, где началась оружейная коллекция, вы приезжаете? Ностальгируете?**

– В обстановке нынешней войны Киева против русского большинства граждан Украины при пересечении границы меня просто убьют...

Философ и портной

⊙ **Сейчас в ходу постмодернистские теории о том, что вещей не стало. Бодрийяр утверждает, что их убила реклама. Превратила в образы желаемого, и мы живём среди образов. Вы что об этом думаете?**

– Что касается постмодернизма в целом и Бодрийяра в частности, то лучше бы им не рождаться.

⊙ **Прямо вот так категорично?**

– Да, так категорично. Видите ли, Бодрийяр говорит, что мы живём в этом мире (образов и проекций. – Прим. авт.), тогда как на самом деле он пытается нас в это заставить поверить. Любой, кто имеет дело не только со словом, прекрасно знает, что, какие бы красивые версии он ни придумывал, в конечном итоге, если дело расходитсся с его словами, он не прав. Бодрийяр и Деррида, по сути, добиваются права безнаказанно лгать. Но критерий истины существует,



► Арсенал мыслителя

это практика. И человек, поддавшийся на рекламу и обнаруживший, что товар не соответствует ожиданиям, приходит к выводу, что он купил его два раза – первый и последний. Сила рекламщиков в том, что они постоянно сочиняют новую туфту. Сила маркетинга – что они подсказывают фирме, какое новое фуфло придумать, когда старое перестают брать. Именно тот факт, что невозможно долго рекламировать и долго продавать, опираясь на ложь, и доказывает, что реальные люди живут в реальном мире, а не в том, что пропагандирует Бодрийяр. Кстати, то, что он говорит о рекламе, подтверждает: это один из популярнейших и узаконенных способов лжи. Строго говоря, в современной рекламе не принято говорить вещи, прямо противоречащие истине, это легко проверяется. Находятся

более тонкие способы обмана. Например, ложь умолчанием, когда скрываются какие-то существенные обстоятельства с тем, чтобы из сказанного человек сам делал заведомо ложный вывод, но рекламщики за него не отвечали бы.

⊙ **Вы, похоже, побывали жертвой рекламы...**

– Что-то подобное у меня, безусловно, было. Но тут уж работает старое правило: если ты меня обманул один раз, то ты виноват; если ты меня обманул второй раз, то я виноват.

⊙ **А как личность медийная вы сами не чувствуете себя образом? Жилет ваш знаменитый – явно часть имиджа... Или это чеховский «футляр»?**

– Смысл в моём жилете ровно один – я ношу с собой много вещей, которые могут понадобиться неожиданно и очень срочно, и практически всё, что



► Пистолеты и мишени мыслителя



► Теория и практика боя

я ношу, я использую. Скажем, разгрузочный жилет фоторепортера или солдата – это ведь не часть имиджа, а инструмент деятельности. Я часто и надолго отрываюсь от дома, поэтому вынужден даже бытовые мелочи, вроде иголки с ниткой, держать при себе. Да, согласен, выглядит это странно. Но странно для тех, кто ведёт иной образ жизни, для меня это чистая прагматика. А по поводу «человека в футляре» напомню, что чеховский учитель Беликов, когда упаковывался, старался уйти от контактов с внешним миром. И я на него не похож!

◎ **У вас ведь не один жилет на всю жизнь?**

– Разумеется. Первый вариант 86-го года выглядел так: две многослойные замшевые сумки закреплялись на подвеске из перекрещенных ремней. Я купил пять больших замшевых сумок, раскроил их и сшил скрепками



► Лучшему в «Своей игре»

для степлера. Потом сообразил, что шить лучше тонкой рыболовной леской. Так и сделал. Носил это дело на конструкции из ремней, проходивших вдоль и поперёк туловища. Жилет прослужил год, и за это время стало ясно, что часть секций спроектирована не очень удачно. Разобрал всё и сшил заново. А ещё через какое-то время мне попался на глаза готовый джинсовый жилет...

◎ **Тогда были в моде джинсовые вещи?**

– Джинсы в моде уже полтора века. Первые брюки из парусины пошил портной Ливай Страусс во время «золотой лихорадки» в Калифорнии. Он же придумал концы швов крепить заклёпками, потому что золотоискатели носили образцы породы и намытый золотой песок в карманах... В общем, я купил джинсовый жилет и пришил к нему свои замшевые сумки.



► Символ мудрости в металле

А в 92-м году, когда наша команда выиграла на брейн-ринге круиз по Средиземному морю, на баракхолке в Мессине мы увидели американский армейский жилет, и команда дружным хором уговорила меня его купить. Стоил тот прилично – двадцать пять долларов. В 93-м за год работы я получил сто, а от продажи призов, полученных на турнирах, выручил ещё четыреста пятьдесят три. Около 2000-го я впервые заказал жилет в швейной мастерской. А когда список карманов и их размещение утряслись окончательно, мне порекомендовали фирму по изготовлению спецодежды. Они могли исполнить сложный шаблон с наложением многих слоёв карманов. С тех пор они меня и обшивают.

◎ **Не возникало мысли создать жилет вашего имени?**

– Возникало. Более того, эта самая фирма готова продавать



с моего разрешения такие жилеты всем желающим. Но таковых нашлось немного. Не так уж много людей постоянно таскает при себе столько мелочей. Жилет весит примерно семь килограммов. В брюках ещё, наверное, килограммов пять. В куртке в основном книги – килограмма три или четыре.

☉ Вы ведь родились в эпоху дефицита. А сейчас – перепроизводство. Думаете, психология людей как-то изменилась при таком изобилии?

– А психология никак не изменилась. И сейчас достаточно вещей, воспринимаемых не функционально, а в качестве знаков престижа. Например, при всём моём уважении к разработчикам фирмы Apple видно, что для многих их продукция не столько рабочий инструмент, сколько способ демонстрации статуса.

☉ А у вас, кстати, Apple?

– Нет, но в своё время у меня была парочка смартфонов на Windows Mobile, а потом я пере-

шёл на андроид. Что же касается Apple, то их стиль противоречит моим былым программистским навыкам. Я ведь покупаю вещи для конкретных дел, ну, или для удовольствия, как оружие, но не ради демонстрации.

☉ Вспоминается формула Эриха Фромма про «общество потребления» при капитализме. Есть теория, что культурный человек этому обществу крайне невыгоден и поэтому низкий уровень культуры в некоторых странах поддерживается сознательно. Вы с этим согласны?

– Я согласен, что в обществе, где единственной движущей силой развития стало массовое потребление, ум, честь и совесть – это препятствия. Но без них производство глохнет, а потребление становится всё примитивней и монотонней. Идея развития через потребление заходит в тупик ввиду её бессодержательности.

☉ А как тогда развиваться?

– Самим. Знаете, почему Карл Генрих Маркс стал коммунистом? Потому что убедился, что обеспечить саморазвитие и самосовершенствование каждого человека может только социализм и коммунизм. Резервы внутреннего развития человека, по-видимому, неограниченны. По крайней мере, ещё никто не доказал обратного. Конечно, развиваться содержательно – это дело сложное, но оно приносит немалое удовольствие. Кстати, проблемы Советского Союза начались именно с того, что в принятой при Хрущёве очередной программе коммунистической партии материальное благосостояние было из средства обеспечения саморазвития граждан переведено в статус самостоятельной цели. Подчеркну, заведомо недостижимой цели. Общество потребления хотя и даёт возможность на какое-то время разогнаться, но любой водитель знает, что бывает, если разогнаешься в тупике.

☉ Кризис? Или полный крах?

– Нынешний глобальный кризис свидетельствует, что общество потребления дошло до морального предела. Его возможности развития исчерпаны. Теперь переход к обществу саморазвития и самосовершенствования – жизненная необходимость. Правда, в данный момент есть ещё не все технические предпосылки для его создания. По моим прогнозам, препятствия будут сняты к середине 20-х годов, но готовиться к переходу надо уже сейчас.

☉ Да, я помню, вы говорили, что в 20-х годах социализм станет выгоднее капитализма. А почему?

– Недостатки социализма – это прямые следствия ограниченных возможностей тогдашних информационных технологий. И осталось лишь дождаться момента, когда развитие информационных технологий эти недостатки снимет. А когда уйдут препятствия, не

позволявшие раскрыть потенциал социализма (а он огромен), эффект, даже в чисто экономическом смысле, будет чрезвычайно велик.

⊙ **Это будет «социализм с человеческим лицом»? Дефицит при таком сценарии не предполагается?**

– Уровень жизни по социализму в целом был выше, чем по капитализму. Мы сравнивали себя только с несколькими странами капиталистического мира, но капитализм – это не только Германия и США, это ещё Нигерия и Доминиканская Республика. Бывшие колонии и полукolonии экономически были частью капитализма. Мы этого не учитывали и получили искажённый эталон для сравнения. В любом случае дефицит советских времён значительно лучше того, что творится по сей день в той же Доминикане или

Нигерии. Новый социализм будет свободен от дефицита настолько, насколько от него вообще можно освободиться. Но дефицит есть всегда. Достаточно посмотреть на очереди за новыми моделями Apple или на толпы, вламывающиеся в магазины в дни распродажи, чтобы понять, что он не зависит от устройства общества.

⊙ **Ваши вещи – чистая функция, при этом вы атеист «не по привычке, а по убеждению». Бога в вашем мире нет. Мрачно вато как-то, вам не кажется?**

– Никоем образом. У меня достаточно сил, и поэтому я оптимист. Я постоянно говорю, что идея Бога нужна тем, кто не рассчитывает на собственные силы.

Понятно, что никакая вера в Бога не отменяет смерть или, по американской поговорке,

смерть и налоги, поэтому от таких вещей тоже нет смысла мрачнеть. В целом я уверен, что со всем, с чем я могу справиться, я справлюсь и без веры. А всё, что мне надо сделать, я сделаю и без престижа.

⊙ **А можно напоследок небольшой блиц? Назовите, пожалуйста, предмет, который надо стереть с лица земли?**

– Капитолийский холм.

⊙ **А вещь, которой следует поставить памятник на площади?**

– Таких памятников много. Причём всё это вещи массовые. Самый известный из них – памятник канцелярской скрепке. Предмет простой, но очень нужный.

⊙ **Вещь, которая приносит массу неудобств, но избавиться от неё невозможно?**

– Телефон. ⊙



STORY

Подпишитесь

на ваш любимый журнал
на www.story.ru

Дорогие читатели!
Теперь вы можете
подписаться на любые
6 номеров журнала Story 2016

Стоимость подписки
с доставкой в ваш почтовый
ящик **900 рублей**

Подписка производится
только на территории России

Превращения Гранд-отеля



Пётр Ильич Чайковский, автор «Лебединого озера», «Спящей красавицы», «Шелкунчика», «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы», вовсе не избегал женщин, как это принято считать. Вот только не везло ему с ними, хоть плачь. Первый раз он обручился с французской оперной дивой Дезире Арто. Но, несмотря на сильные взаимные чувства, со свадьбой решил повременить. Ситуация стара, как мир: любить любит, а под венец не спешит. Пока

Пётр Ильич мандражировал, Дезире нашла более решительного кавалера. В итоге Чайковский получил нервный срыв и надолго зарёкся иметь дело с дамами. Лишь в тридцать семь лет композитор снова решил связать себя узами брака. Его ученица Антонина Милюкова не испугалась странностей композитора – великий человек, что там размышлять? Да и какой женщине повредит богатый и знаменитый муж? Венчались тайно – Пётр Ильич не хотел

привлекать внимание. Разошлись – через несколько месяцев. Чайковский пережил бы ветреность супруги, но вот полного отсутствия интереса к своей музыке не вытерпел.

Единственным приятным воспоминанием от этого брака остался для композитора медовый месяц. В свадебное путешествие молодожёны отправились в Санкт-Петербург. Жили на широкую ногу в самом шикарном отеле города – гостинице «Европейской». Композитор

писал брату: «Остановились в «Европейской» – очень хорошо и даже роскошно...»

Да, гостиница, ныне именуемая Гранд-отелем «Европа», была свидетелем не одной любовной истории. А её собственная история началась в 1875 году, когда архитектор Людвиг Фонтана перестроил здания



вдоль Михайловской улицы под гостиницу «Европейская». 28 января 1875 года состоялось торжественное открытие, и своим шиком и роскошью «Европейская» поразила воображение самых искушённых. В неё потянулись мировые знаменитости и аристократы, а местная публика с удовольствием заходила отобедать в ресторан отеля. Благо отобедать было чем. Кухня была столь хороша, что скоро ресторан перестал вмещать всех желающих. Посколь-

ку мест иногда не хватало даже великим князьям, достроили пятый этаж и открыли там ресторан «Крыша».

Разумеется, после революции эта буржуазная роскошь была сметена – большевики не потерпели такого разгула в самом центре Петрограда. В 1918 году по коридорам «Европейской» уже бегали беспризорники – здание отдали под Центральный детский карантинно-распределительный пункт. Но когда в 20-е годы был введён нэп, гостинице вернули прежний благопристойный облик, и её завсегдатаями стали представители советской богемы. Но и это относительно золотое время подошло к концу. В 30-е годы «Европейскую» перестроили – вместо роскошных люксов сделали одинаковые типовые номера. А затем отдали «Интуристу». Впрочем, советских граждан туда пускали – не всех, зато со скидкой. Так, в 1978 году номер для иностранца стоил от пятидесяти до ста рублей в сутки, а советский гражданин платил за ту же комнату всего девять, что по тем временам было тоже немало. Для наших граждан отель казался верхом шикарной жизни – визиты туда сравнивали с «экскурсией в Америку», однако до европейского уровня надо было тянуть ещё пару-тройку десятилетий.

Зато после реставрации и реконструкции, в 2009 году, Гранд-отель «Европа» был признан самым роскошным отелем Европы по версии World Travel Awards. Месторасположение – на углу Невского проспекта и Михайловской улицы, напротив знаменитой Санкт-Петербургской филармонии, по соседству с Русским музеем и Михайловским театром оперы и балета – притягивает не меньше, чем дух роскошной старины и элегантности, которым пронизан декор. В прошлом году в отеле открылось Прези-

дентское крыло, состоящее из самых больших в городе Президентских апартаментов и пяти люксов, в оформлении которых читается рука мастеров русского авангарда: Малевича, Кандинского, Архипенко, Родченко и Лисицкого. Их именами и названы апартаменты.

История есть далеко не у вся-



кого отеля. Гранд-отелю «Европа» уже сто сорок один год, стены его видели всякое, он даже госпиталем побывал во время Второй мировой войны, принимал людей всех сословий и состояний, переживал события по-настоящему драматичные, но так и остался домом, где с радостью принимают гостей и представляют русскую культуру такой, какой она когда-то была, добавив к старине современные удобства. ☉

ЮЛИЯ АНТАШЕВА



Перезагрузка

Певица Ирина Богушевская – о том, почему она вернулась из Узбекистана другим человеком

Начну с предыстории. В 1993 году я разбилась в автокатастрофе, пролежала полгода в больнице. У меня была парализована правая рука, которую потом починили, и она начала восстанавливаться, но очень потихоньку. Пальцы шевелились, но поднималась она очень плохо. То есть было ощущение, что я человек о трёх конечностях. Забегая вперёд, скажу, что из десятидневной поездки в Узбекистан я вернулась абсолютно здоровым человеком. Теперь о том, как я туда попала.

Няня моего старшего сына (ставшая как раз после нашего совместного путешествия близкой подругой) вдруг попросила у меня отпуск на две недели. Я схватилась за голову – ведь нужно же было её кем-то заменить. Спрашиваю: «Тань, а куда едешь?» – «В Среднюю Азию, с очень интересной компанией». А она увлеклась эзотерикой. И вот она продолжает: «Тот, кто нас везёт, – настоящий шаман. Собирается показать нам места силы». А у меня на тот момент мама уже много месяцев лежала в больнице с онкологией. И у неё как раз наступило улучшение, её отпустили домой. А я и отец за время маминой болезни так измотались! Хотелось из всего этого кошмара каким-то образом вынырнуть и глотнуть свежего воздуха. А тут Таня с её шаманом. И у меня вдруг озарение: «Знаешь, мне тоже туда надо. Возьмёшь с собой?» Вот так всё и вышло. И мы полетели.

На дворе стоял 96-й год. Империя наша вроде бы уже распалась, но ещё и близко не было ощущения, что мы, наша команда из восьми человек, держим путь в чужую страну. Это воспринималось точно так же, как когда-то мы садились в Москве в рижский поезд и утром просыпались на месте, без всяких границ. Ни о каком национализме и мыслях не было.

Прилетели в Карши, дальше уже на машине добирались до гор. На место прибыли глубокой ночью. Помню, меня абсолютно ошеломили звёзды. Они не просто висели низко над головой, они... Знаете, бывают такие потолки в современ-



ных зданиях – созданные из трубочек разного диаметра и длины – похоже на орган. Так вот и там казалось, что над нашими головами – исполинский орган. Фантастическое зрелище.

Это был март. Мы очень сильно промахнулись с экипировкой, потому что рассчитывали на плюс 15–18. А в тот год весна выдалась холодная. В горах вода замерзала в лужах, даже лёгкий минус случался по ночам.

Мы встали лагерем в красивейшем ущелье... Я просыпалась, высовывала голову из палатки и видела кружащихся в небе орлов. Для меня это был тотальный экстрим! В школьные годы учитель математики таскал нас класса с седьмого в походы, так что этот опыт – костры, палатки – я успела получить. Но то была, так сказать, бета-версия, а вот в Узбекистане всё было уже по-взрослому. Более того, наш руководитель, наш гуру Андрей, как-то сказал: «Условия у нас такие, ребята: двигаться будем в основном по ночам, потому что мы находимся с вами на территории заповедника. Это во-первых. Во-вторых, это погранзона. В-третьих, здесь месторождение оникса. И если егеря нас поймут, то будет большой штраф или нас просто арестуют и вышлют». Так и делали: днём отдых на стоянке, а к вечеру собирались и шли по горам. Причём ночью там невероятно светло – огромная луна, звёзды... Поначалу воспринимала весь этот режим как пионерскую игру «Зарница». Как блажь нашего гуру. Народа-то вообще не было на сотни километров вокруг! Всё так и было, пока мы в первый и последний раз не вышли засветло – и нас тут же поймали узбекские егеря! И слушали с каждого по тридцать, что ли, долларов. В те времена это были немислимые деньги, почти всё, что у каждого из нас было. В общем, откупились мы от них и дальше уже ходить днём не рисковали.

У костра происходили всякие интересные разговоры. Надо понимать, что это было за время. В страну только-только хлынул поток эзотерической литературы: Ошо, Кастанеда. Сегодня

этим уже никого не удивишь. А тогда люди на полном серьёзе не просто это читали, но и пытались прочитанное попробовать на собственной шкуре. Был у нас там молодой человек из Белоруссии, который бегал каким-то особым бегом силы – прямо как олень. Но очень красиво. Была девушка, которая практиковала тай-цзи. Я впервые увидела, насколько это гармонично. Года через три я тоже начала заниматься тай-цзи, и в определённый момент жизни меня это реально спасло. Был персонаж, который тайком ел наши припасы, из-за чего, понятно, возникали конфликты. Но нашему руководителю в итоге всё-таки удалось – не насильственно, а какими-то своими путями – создать из нас некий единый организм. Иначе невозможно было бы всё это пройти. И в букваль-

Мы погружались всё глубже, каждый раз разбивая стоянку в новом месте. Всего там прожили трое суток. Наши часы (мобильников ещё не было) наш гуру попросил оставить перед входом. Сказал: «Когда выйдем – заберёте». И мы попали по-настоящему в другое измерение. Абсолютно потерялись – утро сейчас или ночь? Однажды долго карабкались в один из внутренних залов, и там Андрей показал нам небольшой такой... как бы вход в колодец. Велел: «Если у кого есть медная денюжка, которую не жалко, – кидайте». Мы кинули. Я слышала, как моя монетка в долгом-долгом полёте билась о стенки этого колодца. И в этом тоже было что-то такое... Даже не знаю, с чем сравнить. Когда понимаешь, что рядом с тобой находится вход в подземный мир, в сознании тоже



ном смысле, ногами, и в плане психологическом.

Надо сказать, все были достаточно подготовленными к походу людьми, одна я – человек с инвалидностью. Травмированное плечо болело, у меня случалась аритмия, я падала в обмороки – в общем, создавала проблемы. Но ребята не роптали и для начала просто разобрали большую часть продуктов из моего рюкзака (а он весил изначально двадцать килограммов) по своим, чтобы мне легче было идти. Но даже с облегчённым грузом мне было трудно, приходилось закусывать губу.

Самое интересное началось, когда мы пошли жить в пещеры. Андрей сказал: «Ребята, мы заходим в Кап-Кутан». Это какая-то немыслимых размеров и протяжённости пещерная система. Если заблудишься – всё, останешься там навек. Слова бессильны нарисовать эти огромные, сверкающие, как кристаллы сахара, залы. Слава богу, руководитель хорошо знал тамошние лабиринты.

будто бы пробивается некий бездонный тоннель, ведущий уже в твои важные и неведомые глубины. И ты чувствуешь, как в тебе что-то меняется... Ни до ни после я ничего подобного не испытывала. Сразу скажу: никаких наркотиков даже близко не было. Как говорится, своей дури у всех хватало.

Помню, Андрей устроил нам такую практику: мы лежали в спальниках, а он бил в бубен, который взял с собой. Я музыкант. Я слышу, что звук этого бубна будто расслаивается: одновременно – высокие частоты, такие немножко дребезжащие, глухой какой-то тон в середине и ещё один звук – глубокий, низкий-низкий... И ты лежишь, слушаешь. И вдруг – вот реально! – летишь по этому колодцу, летишь вниз, достигаешь дна, и там дальше происходит что-то необычайное: ты встречаешь каких-то существ...

А потом там же, в пещере, однажды я... посыпалась. Мы куда-то перемещались, по какой-то

стенке. Я цеплялась за выступы своей здоровой левой рукой. Но в какой-то момент подо мной посыпалась почва, ноги потеряли опору. А мы были достаточно высоко. И я абсолютно забыла, что я неполноценный человек, – и вцепилась в каменную стену двумя руками и даже, кажется, зубами и ушами. Удержалась. И прошла эту стену. И только к концу дня вдруг осознала, что у меня в голове... починился «центр управления полётом»! Всё – я нормальный, здоровый человек!..

Мы вышли из пещеры ночью, и я зажмурилась, потому что звёзды были такими фантастически яркими, что свет резал глаза. Только ради одного этого – чтобы увидеть такие звёзды – стоило провести трое суток в царстве тьмы. И финал этой истории какой-то совсем уж из сказки. Пока мы сидели в пещере, резко потеплело – как раз до плюс 15–18. Начались солнечные дни. Мы шли по горам и видели, как расцветают маленькие-маленькие горные тюльпанчики и крохотные ирисы...

Этот опыт, как я сейчас понимаю, был мне жизненно необходим. Уж не знаю, что сыграло главную роль – бубен, духовные практики, люди, орлы, звёзды, выси, глубины, – но я там себя собрала заново, перебрала и перепридумала. Перезагрузила, как сейчас говорят. Даже система моих потребностей тотально изменилась. Помню, пошли мы смотреть какой-то невероятный природный цирк – это такое ущелье идеально круглой формы. Но не рассчитали время, и нас застигла темнота, которая падает в тех местах совершенно внезапно. Лагерь был в другом месте, пришлось ночевать, сидя у костра. А было ещё довольно прохладно. И у нас на восемь человек – только маленькая бутылочка воды и два куска чёрного хлеба. На рассвете мы всё это богатство разделили поровну. Хочу сказать, что слаще этой воды и вкуснее этого хлеба не ела ничего в жизни. То есть теперь, конечно, если есть возможность пойти в ресторан и съесть какое-нибудь блюдо высокой кухни, я с радостью это сделаю. Но если нет ничего, кроме воды и хлеба, то и это уже счастье. В общем, мне мозги встряхнуло!.. Поэтому я очень благодарна Тане и нашему гуру Андрею, и всем, кто был в группе, и дорогому мирозданию за это незабываемое фантастическое путешествие. И за весь опыт, который теперь всегда со мной.

К слову, если бы эта компания отправилась, скажем, на Алтай или на Байкал – Андрей возил людей и туда, – я бы тоже поехала. Даже бы на Амазонку!.. Но мне достался Узбекистан. С тех пор очень хочу приехать в эту республику и уже посмотреть города – Самарканд, Бухару, Ташкент... Это же совершенно другой мир! Кстати, раньше у меня было какое-то предубеждение против путешествий. Казалось, что любители странствий просто стараются забыть впечатлениями

внутреннюю пустоту. Потребляют впечатления, как все мы потребляем... вещи, допустим. А этот опыт показал, что путешествие может быть не «потребительской», а абсолютно созидательной историей. Одно дело, когда ты всё время таскаешь за собой свои проблемы, и даже калейдоскоп впечатлений, постоянно меняющаяся перед глазами картинка ничего в тебе не меняют, ничем не наполняют. Только, может, развлекают. И совсем другое дело, скажем, та пещера, где гений того места, назовём это так, помогает тебе войти туда одним человеком, а выйти другим. Вот это – бесконечно ценная штука. Наверное, для этого люди и занимаются альпинизмом, становятся участниками рискованных экспедиций. До этой поездки мне было непонятно, зачем всё это нужно.



...Я вернулась, и буквально через девять дней не стало мамы. Улучшение оказалось иллюзорным. Вернее, её практически вылечили от онкологии, но при этом было очень изношено сердце, мама скончалась от сердечного приступа. Я работала тогда на музыкальной FM-станции радиоведущей. Пришлось оттуда уйти, потому что я не в силах была развлекать людей. Ушла в никуда. Началось безденежье, и длилось оно несколько лет.

Таня уехала в Америку, следы Андрея тоже затерялись. В общем, та случайная компания исчезла из моей жизни так же внезапно, как появилась. Но то, что я получила от той поездки, звучит во мне до сих пор. Возможно, она реально спасла мне жизнь. Ведь после неё я сама начала плотно заниматься восточными практиками и поняла: не обязательно ехать куда-то далеко для того, чтобы себя менять. ☺

Записала Марина Бойкова

Поднимем бокалы?



Всем известны нежные отношения Ван Гога и абсента, Пушкина и шампанского, Ремарка и кальвадоса. Львиной долей мировых шедевров мы обязаны вину. Считается, что в основном французскому. На самом деле итальянское вдохновило не меньше гениев

Одним из первых певцов итальянских вин был Овидий. Он предпочитал фалернское, считавшееся самым благородным. Римляне и умеренность были несовместимы, но автор «Искусства любви» превзошёл многих. В его стихах не раз слышится призыв употреблять фалернское неразбавленным, что было моветоном даже для неводержанных сынов Римской империи. А зачем вообще разбавлять вино? По причине отсутствия холодильников довести его до Рима было нереально. От жары и жары вино в дороге превращалось в уксус. Доживало либо очень крепкое, либо очень сладкое. Его и делали – чтобы потом разбавить до нужной пропорции. Пить этот «самопляс» неразбавленным рисковали только молодые и горячие, поэтому призывы Овидия звучали революционно.

Грехи наши...

В Средние века и во времена Ренессанса были популярны

вина Vernaccia из города Серрапетрона. Vernaccia di San Gimignano Данте упоминает, описывая грех чревоугодия в «Божественной комедии». В XXIV песне Чистилища некий священник искупал голодом пристрастие к «больсенским, сваренным в вине, угрям». В оригинале Данте называет марку: «l'anguille di Bolsena e la vernaccia». Горячим поклонником этого Vernaccia был Джованни Боккаччо. Будьте уверены, если герои «Декамерона» пьют – это она, «Верначча». В 10-й новелле престарелый судья после первой брачной ночи с молодой женой «чуть было не отдал концы. По сему случаю наутро ему, как человеку сухопарому и слабосильному, пришлось возвращать себя к жизни «Верначчей».

Налей, музыкант!

Одним из первых музыкантов, спевших оду итальянским винам, стал Моцарт. Его можно

назвать лучшим пиарщиком красного вина Marzemino. Если бы в опере «Дон Жуан» герой не пропел в одной из сцен: «Versa il vino! Eccellente «Marzemino!» – «Налей вина! Превосходного «Марцемино!»», может, про него и не узнал бы никто. А с лёгкой руки Вольфганга Амадея – пожалуйста, мировая слава.

Современные коллеги Моцарта питием не ограничиваются. Им интересно создать в виноделии что-нибудь своё. Большинство покупают виноградники во Франции, но вот Стинг, к примеру, предпочёл Тоскану. В его поместье il Palagio на территории в 900 акров расположены вилла XV века, звукозаписывающая студия, виноградники, оливковая роща и озеро. Два профессиональных винодела заведуют его хозяйством, выпускающим вина, три из которых названы в честь песен Стинга: Sister Moon, When We Dance и Message In a Bottle. Четвёртое – в честь поместья Casino delle Vie.



Душевное, как дом брата

Многие итальянские вина делают из винограда, который растёт только в одной местности.

Такова Вальполличелла – долина в окрестностях Вероны. Название её происходит от латинского *Vallis-polis-cellae* – «долина множества виноделен». *Retico* – первое вино, которое римляне начали здесь производить – Вергилий поставил на второе место после знаменитого фалернского. К XIV веку уже добрая половина долины была занята виноградниками. Одним из страстных поклонников «Вальполличеллы» стал Эрнест Хемингуэй. Осенью 1948 года он жил в Венетто, где писал книгу «За рекой, в тени деревьев». Писатель работал по двадцать два часа ежедневно, отрываясь лишь для того, чтобы пропустить глоток вина. «Сухое красное вино, душевное, как дом брата» – так описывал Хэм любимое вино в романе, который так хорошо шёл под бокал другой *Valpolicella Amaranone*. Но сколько было потрачено времени и труда, чтобы добыть это вдохновение!

– За виноградом ухаживают, как за младенцем, – рассказывает один из совладельцев сети винных бутиков Станислав Каботов, изучивший местное виноделие досконально. – Вина

Valpolicella делают из винограда трёх сортов – *Corvina Veronese*, *Rondinella* и *Molinara*. Все они за пределами долины почему-то не приживаются, но идеально дополняют друг друга. Первую скрипку играет *Corvina*. Её тёмные ягоды и толстая кожица



дарят винам особую танинность и богатый аромат с нотами вишни... После сбора грозди кладут в ящики, где продолжается процесс увяливания. Те, кому не досталось древних римских сушилен, строят на высоком холме здание с окнами на разные стороны и каждый день переворачивают грозди. За это время виноград теряет почти половину веса, в конце января его давят, проводят мацерацию, а затем выдерживают при низкой температуре, чтобы дрожжи превратили сахар в алкоголь. А дальше – лотерея! Если вино

набрало мало сахара – значит, получилось сухое «Амароне», если много – сладкое «Речото». Заранее ничего предсказать невозможно...

И так виноделы долины трудятся уже двадцать два века. Совершенствовались технологии и сорта, а любовь к вину остроты не потеряла. Казалось бы, что общего у композитора Верди и остготского короля Теодориха? В переписке Верди возмущался – ну совершенно невозможно работать, когда нельзя промочить горло любимым вином! Теодорих Великий сердитых писем не писал. За него это делал министр Кассиодоро. Писал коротко и по делу: «У короля заканчивается *Acinatico*. Срочно доставить новую партию. А то осерчает». *Acinatico* с III века до нашей эры производили в долине Вальполличелла.

Итальянцы не были бы итальянцами, если бы не придумали закуски под такое вино. Закусывают *Valpolicella* местными деликатесами: сыром «монте веронезе», колбаской «соппресса» и «ризотто аль амароне» – ризотто с вином Амароне. А что потом? Опера, кафедральный собор, прогулки у палатцо, сердцебиение под балконом Джульетты, и... «руки тянутся к перу, перо к бумаге...». ☉

Бутерброд по-королевски



Элвис Пресли, воплотивший в жизнь американскую мечту взять джекпот, одним махом поднялся из нищего захолустья на самую вершину успеха. Стоя на вершине, он так же стремительно сметал со стола десятки тысяч калорий

ИННА САДОВСКАЯ

В богом забытом закоулке штата Миссисипи, в городке Тьюпело, который весь пропах болотами, хлопком и кукурузой, гурманов и с фонарями было не отыскать. Впрочем, немногочисленные богачи позволяли себе иногда бросить нарахмаленные салфетки на колени и заставить чернокожую кухарку приготовить что-нибудь эдакое, но фантазии на особые изыски не хватало, да и времени предаваться кулинарному разврату – тоже. Потому пищу ели простецкую: жареную курятину, копчёную свинину, солонину с овощами и кукурузные оладьи. Для оладьев брали кукурузную муку или аккуратно срезали с початка зёрна, остатки соскребали, добавляли взбитые желтки, сливочное масло, соль, мускатный орех и муку. Белки взбивали в пену, осторожно выкладывали в тесто и жарили оладьи на раскалённой сковороде.

Многочисленная родня Пресли вместе с остальным «белым отребьем», местной нищетой, обитала на самых задворках Тьюпело, в лачужках из кое-как сбитых досок и хваталась за любую работу. Мама Глэдис, однако, надежды не теряла и, лишившись в родах брата-близнеца Элвиса, обрушила на оставшегося сына всю свою любовь, собираясь вывести того в люди и сделать из него джентльмена. На хлопковых полях, где Глэдис работала и куда вынуждена была таскать ребёнка, такой науке не обучали. Отдав Элвиса в школу, она сама водила его на занятия, не обращая внимания на насмешки и следя за тем, чтобы единственный сын вовремя и сытно поел. Рассказывали, что иногда семья питалась опосумами и белками, которых в округе водилось множество. Тушки свежевали, потрошили, натирали солью и перцем, обваливали в муке и жарили в масле.

При крайней нищете, в которой жили Пресли, дома мальчику полагались свои столовые

приборы, над которыми мать кружила с криком чайки, никому не давая ими воспользоваться. Сын рос нервным, грыз ногти и не мог усидеть на месте, но был учтивым и отзывчивым: «Вот вырасту, куплю вам красивый дом, расплачусь с бакалейщиком и подарю «кадиллак». В школе Тьюпело он первый раз спел, приведя в бурный восторг мать и учительницу, и получил

скивали его машины и его самого на атомы. Она кляла его гастролы, жарила ему котлеты и следила, чтобы мальчик как следует питался. Сын маму тоже обожал, из первых гастрольных заработков подарил ей кухонный комбайн и перевёз свою семью в приличный дом.

Однако детство, проведённое в бедности, не давало себя забыть – Элвис, как сорока,



в подарок гитару за двенадцать долларов. Там же, в городке, в негритянском квартале, он с открытым ртом слушал небольшие оркестры и ходил на их репетиции в церковную общину. Да и потом, переехав в Мемфис, часто бегал на негритянские песни.

«Грейсленд»

Мама Глэдис старалась ни на минуту не выпускать сына из поля зрения и тогда, когда поклонницы в экстазе уже раста-

кидался на всё блестящее и, как хомяк, запасался впрок, скупая бриллиантовые и золотые украшения, набивая шкафы дорожной одеждой, гаражи – лимузинами и кабриолетами, а кладовые и холодильники – продуктами. Теперь он, «белое отребье» из негритянского квартала, мог позволить себе обеды в самых шикарных ресторанах, но оставался верен дешёвой еде – гамбургерам и чизбургерам. Торговцы фастфудом, распознав привычки суперзвезды, тут

же поймали волну, поплясали на радостях и стали наперебой предлагать падкой на рекламу публике «элвисбургеры».

Он купил в Мемфисе поместье «Грейсленд» – белокаменный дом на шести гектарах земли. В двадцати комнатах чудесно расположились родители и бабушка Пресли, частный кинозал и автоматы с ванильным и шоколадным мороженым, газировкой и попкорном, к которым суперзвезда питала слабость. По комнатам сновали горничные, на кухне чернокожая кухарка Мэри Дженкинс пекла домашний кукурузный хлеб, а вокруг дома рабочие рыли бассейн и строили хлев, свинарник и курятник. О них настойчиво просила Глэдис,

РЕЦЕПТ

Многоэтажным бутербродом «от Пресли» можно перекусить, если запастись бананами, арахисовым маслом, двумя ломтями белого хлеба и жареным беконом. Из бананов сделать пюре, один кусок хлеба намазать маслом, второй – банановым пюре, проложить их беконом и обжарить до золотистой корочки. Есть, слушая Blue Suede Shoes и вспоминая бессмертного Элвиса.

воплощая свои мечты о сытой, безбедной жизни. Всё было как в сказке: Элвис пел как бог, поклонницы отирались у ворот, куры гадили на сиденья лимузинов и «кадиллаков», ослик мотался вдоль ограды, а мама Глэдис делала для сына его любимые бутерброды и мечтала о внуках. И страдала оттого, что набирала вес. Ей так хотелось, чтобы красивый и знаменитый сын гордился стройной и лёгкой на подъём матерью. Дело шло медленно, вес никак не падал, да и пиво было всегда под рукой. В конце концов, взгруснувшая Глэдис призвала на помощь водку и таблетки для похудения. Такая адская смесь вскоре и отправила её на тот свет вместе с нервным истощением, распухшими ногами и непотерянными килограммами.

Королевские порции

После её смерти, которую Элвис пережил с большим трудом, за дело взялась бабушка. Нюхнув табачку, она следила за тем, чтобы в доме не переводилась еда для внука и его свиты: гамбургеры, бекон, бананы, булочки, бисквиты, жареные куры, молоко для коктейлей, арахисовое масло, пончики, картофельное пюре с соусом и яблочные пироги. Кухарка Мэри Дженкинс готовила их, смешивая для основы полтора стакана муки, полстакана растительного масла, пару столовых ложек холодного молока, полторы чайные ложки сахара и чайную ложку соли. Тесто выкладывалось в форму, загибались бортики, чтобы держать в узде

нарезанные яблоки, укрытые одеяльцем из теста. Для него брали по полстакана муки, сахара и сливочного масла. Пирог выпекали три четверти часа и посыпали сахарной пудрой.

Король рок-н-ролла ничего не делал впосилы: если пел, то от души, выкладываясь полностью, если заедал проблемы, то не воробыными порциями. В проблемах суперзвезды числились скука и постоянные депрессии. Он боялся растолстеть, но заглушал чувство тревоги и одиночества килограммами еды. Большие проблемы можно было победить, если встретить их в большом теле. Поэтому пепси-колу он пил литрами, мороженое поглощал ведрами, гамбургеры – дюжинами, в потолок спальни монтировал огромный экран,

чтобы лёжа смотреть телевизор с тазиком попкорна в обнимку и свитой приживал и нахлебников, «мемфисской мафией», по бокам. Капризов хватало. Вот, например, однажды Элвису пришла в голову мысль съесть бутерброд, который он пробовал когда-то и никак не мог забыть его волшебного вкуса. Для того чтобы король рок-н-ролла мог отведать краюху хлеба с вареньем, арахисовым маслом, шкварками из бекона, сыром и индейкой, вся компания погрузилась в частный самолёт и махнула в Денвер. Размеры бутерброда, на который уходили банка варенья и банка масла, впечатляли, да и обошёлся он в несколько тысяч долларов, но кто об этом тогда думал?

Правила в «Грейсленде» устанавливал маюющийся скукой и депрессией хозяин. Завтракать полагалось ближе к вечеру, в постель ему подавали яичницу на сливочном масле из шести яиц, шесть сосисок и пару пачек молочных бисквитов. Для перекусов зажаривали до хруста гору бекона, а пирожные с бананами выпекали размером с тарелку.

Иногда после приступов обжорства мрачная звезда лезла на весы, обмирала от ужаса и обрушивала свой гнев на домочадцев. Далее тянулись дни на йогуртах, овощах, лечебном сне, таблетках для похудения, барбитуратах для сна и амфетаминах для энергии. Потом верх снова брали гамбургеры. Вес скакал туда-сюда и давно перевалил за сотню килограммов, лицо заплыло, и петь, соблазнительно покачивая бёдрами, становилось всё труднее. Ему едва исполнилось сорок, как доктора, обследовав изъеденный химией организм, обнаружили язву желудка, проблемы с кишечником и кровообращением, увеличенную печень и изношенное сердце. Похожей «диеты» маме Глэдис хватило на два года. Элвису суждено было пойти по её стопам. ☉

телеканал

К

Комедия



Горько!



Кухня
в Париже

СМОТРИ
В 19.23



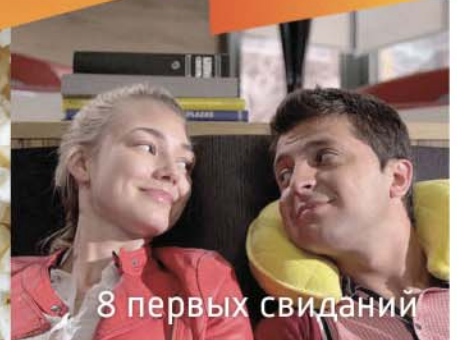
16+

Реклама

ВЕЧЕР!
удался!



О чём говорят
мужчины



8 первых свиданий



СПРАШИВАЙТЕ У ВАШЕГО ОПЕРАТОРА
ПЛАТНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

www.komedia-tv.ru

Один против всех

*Под знаком Овна часто рождаются люди,
готовые взвалить на свои плечи неподъёмный груз.
Среди таких атлантов – Пётр Аркадьевич Столыпин,
«великий реформатор» и «враг революции».
Тот, кто хотел видеть Россию великой державой*

ИННА САДОВСКАЯ



П. А. Столыпинъ — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1906 г., съ супругой.

Родился 2 апреля 1862 года в Дрездене. В 12 лет был сначала зачислен в гимназию в Вильне (ныне Вильнюс), а потом продолжил учёбу в Орле, куда перевели его отца, генерал-лейтенанта. В 1881 году был принят на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, который закончил блестяще, со степенью

кандидата физико-математических наук, а его подготовку по химии похвалил профессор Дмитрий Менделеев. На государственную службу заступил с 22 лет и через четыре года был пожалован первым придворным чином. Прежде чем получить пост министра внутренних дел, а потом возглавить и весь кабинет, успел поруководить несколькими губерниями: Ковенской

(с центром в городе Ковно, ныне Каунас), Гродненской и Саратовской. Проводил аграрные и разработывал социальные реформы. Был сторонником жёстких правилительственных мер и душил на корню революционный настрой масс. Пережил десять покушений, во время одиннадцатого был смертельно ранен террористом. Умер в Киеве 18 сентября 1911 года.

Карьера

В большинстве случаев Овны получают крепкими и трудолюбивыми. А уж если им подкинуть горсточку хороших генов – цены Овнам не будет. У Столыпина с работоспособностью и генами всё было отлично. В не таких уж дальних родственниках у него хаживали люди талантливые и не последние в государстве: сплошь предводители дворянства, генералы, герои, стоящие за Россию насмерть, канцлер Александр Горчаков и даже сам Михаил Юрьевич Лермонтов, приходящийся Столыпину троюродным братом. Отец будущего реформатора дал сыну воспитание в лучших традициях русского дворянства и завещал изо всех сил служить своей стране. Едва сына избрали уездным предводителем дворянства, как он сразу же начал спланировать крестьян в общины, строить народные дома с библиотекой, кинематографом и театром. И размышлять о том, как свободное крестьянство может поднять страну на небывалые экономические вершины.

Пока Столыпин присматривался к европейскому ведению хозяйства, к самому Столыпину не менее внимательно присматривался Николай II. В результате энергичный Пётр Аркадьевич, чиновник с безупречной личной репутацией, был отправлен поднимать губернии покрупнее, позаковыристее, где к тому же бурлили и кипели повстанческие настроения. Мотаться по городам и весям ему не хотелось, но с ним не церемонились: дали понять, что никого не интересуют его желания. Если Отечество сказал «надо», то чиновник обязан ответить «есть» без лишних разговоров. Надо сказать, что эсеры тогда тоже сиднем не сидели – как петарды, взрывали губернаторов и прочих чиновников. Только клочки летали. Так что служба предстояла тяжёлая, да и большой смутой и кровью пахло уже изрядно.

На новом месте пошло уже по отработанной программе: аграрные дела – в божеский вид, крестьян – в кооперативы, культуру – в массы, повстанцев и террористов – по тюрьмам, доклады – в Петербург. За усмирение повстанцев Столыпину выразили высочайшую благодарность, и император, заехав в гости к саратовскому губернатору, предложил тому портфель министра внутренних дел. Пётр Аркадьевич опять заупряился, и опять император сдвинул брови и подпустил металл в голос. Россия в очередной раз переживала лихие времена и нуждалась в атлантах. «Я – министр внутренних дел в стране окровавленной, потрёпанной, представляющей из себя шестую часть мира, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет», – писал Столыпин жене.

Поддержки у сорокатрёхлетнего провинциала в столице не было, со всех сторон на него или молча кидали неодобрительные взгляды, или в открытую вступали в конфронтацию. Подчинённые его, столичные генералы, усмехались в усы, когда он по-простецки проговаривался «вот у нас в Саратове». «Власть не может считаться целью. Власть – это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка», – решил Столыпин и, не обращая внимания на недовольство сановников, взялся наводить порядок в огромной, неповоротливой России.

Программа была всё та же, только масштабы стали другими. Столыпин стоял за развитие сельской кооперации, за сохранение сильных крестьянских общин, за реформу местного самоуправления, за экономическую свободу крестьян, считая, что любой труженик будет лучше заботиться о своём, собственном, чем о том, что ему выдали во временное пользование. Его земельный закон, введённый императорским указом

РЕКОМЕНДАЦИИ



ОВЕН

Весна несёт не только пышное цветение и душевное томление, но и изрядную порцию сомнений. Решая вопросы вроде «быть или не быть?», «стать или не стать?», «спать или не спать?», рекомендуется обратить внимание на чаяния домочадцев.

ТЕЛЕЦ

Не все встречи, которых будет с лихвой, принесут уладу для сердца и глаз. Некоторые могут закончиться горестными размышлениями. Держите чувства в узде, эмоции на привязи, а деньги в надёжном месте.

БЛИЗНЕЦЫ

Ваша фантазия и умело выстроенный монолог окажутся ко двору в один из дней месяца, когда гильотина, занесённая дражайшей половиной, сверкнёт в лучах заходящего солнца. Лгите во спасение.

РАК

Длительный роман или короткая интрижка решат отвлечь вас от важных дел. Не поддавайтесь соблазнам, загоняйте в вольер личную жизнь и налегайте на работу. Кресло в кабинете побольше уже призывно лоснится новой кожей.

ЛЕВ

То, что работа не волк, известно давно. Но в ближайшее время нехороший блеск глаз шефа напомнит вам о том, что служебные обязанности никто не отменял. Стиснув зубы, вставайте к станку, выезжайте на пашиню и придвигайте мольберт.

☉ ДЕВА

Всякие фобии, до поры до времени тихо сидящие в потаённых чуланчиках вашей хрупкой психики, вдруг полезут наружу. Шарахаясь от собственной тени и повизгивая от вида мухпауков, смело идите вперёд.

☉ ВЕСЫ

Журавли в обнимку с синицами начнут суетливое движение из ваших рук обратно в небо. О ком мечтать и кого держать – станет непонятно. Доверьтесь интуиции, она вас не подведёт.

☉ СКОРПИОН

Приступ мизантропии может приключиться с вами во второй половине месяца. Неудержимо захочется сбежать от всех подальше. Бегите быстрее, пока шеф смотрит в другую сторону.

☉ СТРЕЛЕЦ

Объект, на который стоит положить глаз, давно отирается рядом с вами. Прошерстите своё окружение, внимательно глядясь в глаза, в это зеркало души. Если разглядите в них любовь, не отпускаяйте от себя.

☉ КОЗЕРОГ

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» – такой прибауткой шефа не обмануть. Отложите тягуче-ленивые минуты и впрягитесь в работу, пока начальство не замочило розги.

☉ ВОДОЛЕЙ

Играть первую скрипку вам придётся весь месяц. Скрипка вам будет к лицу. Не допускайте ни одной фальшивой ноты и продолжайте вести за собой тех, кто мнётся, жмётся и колеблется.

☉ РЫБЫ

Благополучие месяца зависит от климата в семье. Если половина ходит мрачнее тучи – быть буре. Укройтесь от непогоды в компании милых сердцу друзей и любимых подруг.

без одобрения Думы, увеличил сбор зерна в несколько раз, и покупать за границей зерно Россия перестала. Наоборот, начала кормить зерном Европу.

Он выступал за неукоснительное соблюдение законов всеми, включая депутатов Государственной Думы, за жёсткую власть, но против военной диктатуры, и за конституционное проведение реформ. Он безжалостно гонял тех, кто желал свергнуть Россию в смуту. «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Характер

Овен шутить не любит. И если его делу угрожает опасность, мало никому не покажется. Столыпин не только был способен на самопожертвование, но и при необходимости легко отправлял на тот свет всех, кто, по его мнению, стоял на пути к светлому будущему России. «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада», – говорил он, когда бомбисты и прочие безнадзорные террористы бегали по городам и взрывали как представителей власти, так и простых обывателей. Столыпинские военные полевые суды приговорили к каторге десятки тысяч человек и тысячи отправили на виселицу, накинув им на шею петлю – «столыпинский галстук». Сам премьер-министр аналогий не любил и однажды вызвал на дуэль одного из допустивших такое сравнение. Острослов, конечно, принёс извинения, но про «галстуки» говорить не прекратили. Однако, пока все живо обсуждали кровожадность премьера и выступали с протеста-

ми, в государстве был наведён порядок.

С личным мужеством у Овнов тоже проблем нет. Столыпин мог в одиночку выйти и к разбушевавшейся толпе, и к недовольному императору. Николай II, в котором обаяние уживалось с ослиным упрямством, весьма болезненно реагировал на успехи и славу своего премьер-министра. Едва крупная германская газета назвала Петра Аркадьевича «героём-рыцарем, на чьих плечах покоится будущее России», как государь набычился и перестал одаривать премьер-министра высочайшим вниманием и дружеским расположением. Были даже моменты, когда Столыпин подавал прошение об отставке и ожидал решения государя о своей дальнейшей судьбе. До тех самых пор, пока государева матушка не вправляла мозги своему нерешительному сыну и не заставляла того вернуть Столыпина на службу. Вернуть-то тот возвращал, но с уколами самолюбия справлялся с трудом – ни одна царствующая особа не простит подданных, которые идут вразрез и вырываются вперёд.

Не отступил Пётр Аркадьевич и когда его пригласили участвовать в показательных полётах только зарождающейся русской авиации. Мало того что летать на «этажерках» было жутко, так ещё и лётчик был эсером и, по данным разведки, не только имел на Столыпина зуб, но и готовил покушение.

А уж покушений было предостаточно. Террористы не только приговаривали к смерти двухлетнего сына Столыпина, писали угрозы его дочерям, но и приводили свои угрозы в действие. Они взорвали его дом, где в приёмной сидел народ, убили и искалечили больше сотни человек, включая детей, но и здесь он не отступил. Когда Николай II предложил ему деньги на лечение дочери, атлант отказался. Дружеских отношений с им-

ператором премьер-министр не хотел, сострадания не ждал, от ответственности не бежал и чувства долга у себя не вытравливал. Он был ранен в покушениях, но ездил без охраны, с металлическим листом в портфеле, чтобы защищаться им от пуль. Он мог выйти к террористу в распахнутом пальто, один на один, предлагая тому стрелять в упор. Он часто был в одиночестве против всех: императора, либерально-революционной интеллигенции, которая жаждала переворота и слышать не хотела об усилении государства и жёстких мерах. Он стоял один против помещиков, которые обижались на его аграрные преобразования, и против своих сослуживцев. Рассказывали, что однажды Саратовская городская дума намеренно заказала портрет губернатора Столыпина Илье Репину, чья кисть, как говорили, приносила несчастья позирующему. Атлант уже держался из последних сил, но груз свой не сбрасывал, потому что считал себя в ответе за страну. «Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности».

Личное

Овны умеют любить и если встречают человека, который близок им по духу, то продолжают идти с ним по жизни, какие бы она ни ставила ловушки и ни воздвигала барьеры. Спутницей Столыпина стала Ольга Борисовна Нейдгардт, девушка из семьи давно обрусевших немцев, праправнучка Суворова и фрейлина императрицы. Она была невестой старшего брата Столыпина, но того ранили на дуэли, дойти до алтаря он так и не смог и, как говорили, на смертном одре благословил двадцатилетнего Петра Аркадьевича на заботу о безутешной девице. Пока Ольга была на положенном по такому случаю двухлетнем «карантине», студент Столыпин направил прошение ректору

на вступление в брак. Брак считали слишком ранним, в прошении отказали, но целеустремлённый юноша по своему обыкновению не сдался, на время оставил университет и женился. Женатый студент по тем временам считался великой редкостью. К тому же новобрачная была постарше его на три года, что вообще ни в какие ворота не лезло, и на будущего премьер-министра, по его собственным рассказам, показывали пальцем все кому не лень. Однако жену свою Столыпин любил, писал своей «душке ненаглядной» милые письма, досужие разговоры о её честолюбии, бестактности и о том, что она вертит мужем как хочет, не слушал. Они вместе с Ольгой Борисовной родили пятерых дочерей, сына Аркадия и считали свой брак счастливым. При финансовых проблемах, которые тогда часто испытывали предводители дворянства, Столыпина не жалели денег на здоровье и образование детей, нанимая иноземных гувернанток. Отпрысков своих они воспитывали в любви и религиозном духе, читали им вслух сказки и Тургенева, особенно любимого отцом семейства, и сидели с ними над задачками. Столыпин, рассказывая о семейных порядках, шутил: «У нас старовечерский дом – ни карт, ни вина, ни табака». Жили скромно, без помпезности. Например, Маша Столыпина, старшая дочь, получала на карманные расходы двенадцать рублей в месяц, а когда папа стал премьер-министром, ей добавили ещё восемь. Сумма чуть меньше, чем среднемесячный оклад рабочего, но больше, чем у домашней прислуги. Семья была с Петром Аркадьевичем всегда – и в относительно спокойные годы в его литовском имении Калнабярже, которое отец Столыпина давным-давно получил в уплату карточного долга, и в лихолетье, когда покушения сыпались как из ведра. Ольга Борисовна пережила

мужа на три десятка лет и умерла в эмиграции. Дети Столыпина, которым с юных лет постоянно угрожала опасность, уехали за границу, где четверо из них дожили до глубокой старости.

Рождённые под знаком Овна обладают развитой интуицией и хорошим чутьём. Но, даже предчувствуя жизненные бури, всё равно идут навстречу судьбе с высоко поднятой головой. Говорили, что Столыпин знал, что смерть бродит рядом с ним, и иногда видел вещие сны. Вроде бы перед отъездом в Киев, на открытие памятника Александру II, он увидел во сне приятеля, который известил о своей смерти и просил позаботиться о жене. Назавтра пришла телеграмма с плохой вестью. Премьер-министра уже подальше отодвинули от императора, одной ногой он был в отставке и иллюзий никаких не строил. Слишком много было недовольных его политикой: от императрицы до полицейских генералов, чьи финансовые траты Столыпин распорядился проверить. Ему доложили, что опять вокруг вьются террористы, не только планирующие убийство премьер-министра, но и замахнувшиеся на самого царя. Говорили, что после того, как в Столыпина дважды выстрелил террорист Богров, Пётр Аркадьевич ещё успел предостерегающе махнуть императору и перекрестить его. Говорили и о том, что Николай II потом стоял на коленях перед умершим, молился и просил прощения.

Столыпин, который долгие годы держал на своих плечах государство, был похоронен в Киево-Печерской лавре. Согласно своему завещанию – быть похороненным там, где его убьют. «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» – так говорил Пётр Аркадьевич, русский дворянин, премьер-министр и великий реформатор. ☉

Архивновости



«На набережной Яузы проходимы найдены воткнутый в землю парасоль, дамские чулки, панталоны и записка без подписи: «Жестокий век, жестокие сердца».

«Московские ведомости», 1913

«Графине Толстой грозит тюремное заключение на год за публикацию в собрании сочинений своего мужа писем и статей, по закону не подлежащих оглашению».

«Русское слово», 1913

«Жуткое преступление в Нью-Йорке. В подвале дома некого Стенли Кадиссона обнаружено 15 женских трупов. Все покойницы – бывшие жёны Кадиссона, отравленные им. Убийца так обнаглел, что перед отравлением последней жены дал объявление в газетах о том, что желает заново жениться. Брат ещё живой жертвы прочёл объявление, и таким образом злодей был разоблачён».

«Новая жизнь», 1907

«Жена принца Виндшигреца, принцесса Елизавета, двумя выстрелами тяжело ранила содержанку своего мужа актрису Циглер, застав обоих любовников в неглиже в супружеской спальне. Принц проворно заполз под кровать, умоляя сохранить ему жизнь. Принцесса обозвала его презренным трусом, прекратила стрельбу и, покинув здание, сообщила о своём преступлении».

«Новости дня», 1904

«Петербургские дамы без ума от живописца Э. Шахина. Он пишет исключительно портреты дурнушек. И своей мастерской кистью умудряется одновременно превращать их в красавиц с глубоким внутренним миром и сохранять сходство с оригиналом».

«Петербургский листок», 1911

«Настоятель Белогорского монастыря о. Серафим вооружил монахов для охраны обители от разбойников. Вместо этого братия ввечеру перелезает через ограду и отправляется в окрестные деревни для подвигов, ничего общего с охраной монастыря не имеющих».

«Губернские ведомости», 1908

«В нынешних пьесах звучит несмолкаемая пальба, и театры вынуждены нанимать инструкторов по стрельбе. А то актёры, неумело стреляя и стреляясь, возбуждают в зрителях смех вместо жалости, нарушая впечатление от драматического момента и даже срывая спектакли».

«Русь», 1912

«Во вчерашней заметке об артистке Ван-дер-Брандт вкралась опечатка. Напечатано: «львица своей музыки», следует читать: «певица своей музыки».

«Русское слово», 1905

«Самарская купчиха Буренина, поклонница иеромонаха Илиодора, подарила ему баржу и буксирный пароход».

«Телеграф», 1909

MONTALE PARIS



Реклама.

Москва: Parfum Palace, ЦУМ, РИВ ГОШ, Rivoli, Articoli, Времена Года

Воронеж: Le Conte; Екатеринбург: Золотое Яблоко; Казань: F-People, Золотое Яблоко, РИВ ГОШ; Краснодар: Бутик Парфюмер; Липецк: Le Conte, Белая Роза; Новосибирск: Камилла, Золотое Яблоко; Омск: РИВ ГОШ; Пермь: Золотая Роза; Ростов-на-Дону: Giorgio; Самара: Золотое Яблоко; Санкт-Петербург: ДЛТ, РИВ ГОШ, Rivoli; Сочи: Articoli, Парфюм+; Тольятти: Стиль Франции; Тюмень: РИВ ГОШ; Хабаровск: Бутик Эрмитаж; Челябинск: Золотое Яблоко

Италия, Апулия



Реклама. Создавая гармонию. Софт Такч. Фиделио.

natuzzimoscow.ru • natuzzi.ru

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ 2016.

Легким касанием приведите в движение механизм Soft Touch и вам подарит подлинный релакс Fidelio, наша каноническая модель в исключительной коже Natuzzi, разработанная и изготовленная вручную в Италии. Посетите наши салоны, чтобы познакомиться со всеми моделями новой коллекции и воспользоваться нашими эксклюзивными предложениями.

NATUZZI
ITALIA

HARMONY
MAKER

NATUZZI В МОСКВЕ

Фрунзенская набережная, д. 34, тел.: +7 (495) 500-63-60, 609-16-38 • МТК «Гранд», МО, Ленинградское ш., 100 м от МКАД, Гранд-2, 2 этаж, тел. +7 (925) 011-96-42
ТК «Три Кита», МО, Можайское ш., 2 км от МКАД, 3 этаж, тел. +7 (925) 011-96-44 • ТЦ Роомег, ул. Ленинская Слобода, д. 26, 3 этаж, тел. +7 (925) 011-96-51
ТЦ «Авиапарк», Ходынский б-р, д. 4, тел. +7 (925) 800-05-08

Аутлет Natuzzi в «Мебель Park в Румянцеве», МО, Киевское ш., 500 м от МКАД, блок Б, 5 подъезд, 3 этаж, тел. +7 (925) 011-96-45

Адреса салонов Natuzzi Italia в вашем городе ищите на сайте www.natuzzi.ru